С. И. ГАЛЬПЕРИНЪ.

ОРГАНИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ СТРОЕНІЯ и РАЗВИТІЯ ОБЩЕСТВА.

I. Изложеніе и критика ученія Спенсера.

Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

Екатеринославъ.
Типографія Л. М. Ротенберга.
1900

Пров 1935
Пр.

Выпускъ въ свѣтъ разрѣшено цензурою г. Харьковъ, Мая 26 дня 1900 г.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
22868

Органическая теорія

строенія и развитія Общества.

I

Введеніе.

Настоящая работа составляетъ часть болѣе обширнаго труда, подготовляемаго мною къ печати Въ дальнѣйшемъ я имѣю въ виду изложить теоріи Лилиенфельда, Шеффле, Новикова, Вормса, Изуле, Эспинаса, Фуллье, Де-Греефа и другихъ. менѣе значительныхъ, представителей органической школы соціологіи, а равно и критическій разборъ этихъ теорій,—въ настоящее же время ограничусь разсмотрѣніемъ ученія Спенсера о строеніи и развитіи общества и о связанной съ этимъ ученіемъ идеологіей и этикой Спенсера. Нѣкоторыя страницы моего труда были уже напечатаны въ мѣстномъ еженедѣльномъ органѣ „Днѣпровская Молва“ и потому вполнѣ понятно, что, составляя часть одного большого цѣлаго, онѣ найдутъ себѣ снова мѣсто въ настоящемъ изслѣдованіи Органическая теорія служила не разъ предметомъ критическихъ изслѣдованій разныхъ авторовъ и особенно широко разсматривалась на второмъ международномъ конгрессѣ соціологовъ въ Парижѣ въ 1895 году. Предпринимая систематическое изслѣдованіе ученія цѣлой школы, мы принуждены были приводить тѣ критическіе взгляды на тѣ или другія положенія школы, которыя въ наукѣ уже высказаны и, принимая возраженія противъ этой школы, признаваемыя нами правильными, мы попутно пополняемъ соображенія, уже высказанныя въ наукѣ.

Въ связи съ сказаннымъ возникаетъ вопросъ о томъ, на сколько теорія органицистовъ заслуживаетъ вниманія науки вообще и особаго обзора всѣхъ ея положеній въ частности. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо прежде всего въ краткихъ и, по возможности, общихъ и рельефныхъ чертахъ указать, въ чемъ, собственно говоря, заключается сущность органической теоріи происхожденія, строенія и развитія общества. Говоря кратко, теорія эта отстаиваетъ положеніе, что общество есть орга-

низмъ, составляетъ такую-же біологическую индивидуальность, какъ и всякій животный организмъ и живетъ и развивается исключительно по законамъ біологической эволюціи. Мысль о сходствѣ между политическимъ (или національнымъ и всякимъ другимъ) обществомъ и организмомъ очень стара. Но когда Мененій Агриппа бросилъ въ міръ риторическое сравненіе между политическимъ обществомъ и организмомъ, онъ пользовался этимъ пріемомъ, какъ ораторской фигурой, необходимой для рельефности своей мысли, но отнюдь не настаивалъ на тождествѣ сравниваемыхъ предметовъ. А въ этомъ вопросѣ о тождествѣ и вся суть вопроса, ибо одно сходство не даетъ права дѣлать заключенія, что сходные по своимъ признакамъ предметы управляются одними и тѣми же законами. Иначе говоря, феноменологическое сходство не доказываетъ наличности сходства номологическаго. Можно находить много случайныхъ сходствъ между разными феноменами, можно даже упражнять гибкость ума или риторическаго дарованія на отысканіи такихъ сходствъ, и такая „невинная игра“ можетъ быть нами спокойно наблюдаема; но разъ эта „игра“ ведетъ къ заключеніямъ, имѣющимъ все *внѣшнее* научное достоинство, мы должны уже отнестись къ дѣлу серьезнѣе. Поясникъ свою мысль, показавъ самую суть вопроса.

Если общество есть дѣйствительно организмъ, а не только похоже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на организмъ, то оно должно и развиваться какъ организмъ. Законы же развитія организма таковы, что органы сами по себѣ никакого значенія не имѣютъ, играютъ только служебную роль въ отношеніи всего организма и находятся почти въ полномъ подчиненіи у центральнаго своего органа, кромѣ случаевъ разстройства центральнаго чувствилища и внѣ случаевъ приказовъ этого чувствилища, невозможныхъ къ исполненію. *) Измѣнить въ организмѣ подобное взаимное отношеніе между органами и чувствилищемъ никакъ невозможно, и еслибы органы даже обладали собственной волей (Льюисъ, Геккель, Мечниковъ) и собственными идеалами, то и это дѣлу не помогло бы, ибо строеніе, ростъ, развитіе и смерть организма они не въ состояніи измѣнить. Организмы развиваются безлично (évolution spontannée) и противъ этого ничего не подѣлаешь. А если общество организмъ, то въ обществѣ никакая реформатор-

*) Мы здѣсь имѣемъ въ виду замѣчанія *Я. А. Новикова* См. Annaes de l'Institut International de Sociologie, Tome IV, Paris 1898, p, 174 sqq

ская дѣятельность немыслима и въ концѣ концовъ общество *должно* дойти до идеальнаго типа организма съ рѣзко выдѣляющеюся спеціализаціей частей (раздѣленіе труда), съ служебнымъ положеніемъ всѣхъ общественныхъ группъ и единицъ общества по отношенію къ цѣлому. А такъ какъ и здѣсь, какъ и въ біологической эволюціи индивидуума, являющагося, по составу своему изъ отдѣльныхъ клѣточекъ, такле какъ-бы „обществомъ", въ концѣ концовъ долженъ образоваться центръ, въ которомъ сосредоточится вся умственная и волевая дѣятельность организма, то служебное или подчиненное отношеніе частей цѣлаго практически будетъ подчинено не „цѣлому", а этому умственному и волевому центру, которому новѣйшіе органицисты уже и придали названіе „соціальнаго сензоріума".

Какъ видимъ. доведенная до крайнихъ выводовъ теорія органической школы соціологіи имѣетъ важное значеніе для юристовъ, ибо, не говоря о другихъ важныхъ вопросахъ правооборота, теорія эта касается вопросовъ уголовной и цивильной политики, вопроса о цѣлесообразности законодательныхъ реформъ, вопроса о народномъ образованіи, которое либо является излишнимъ, либо можетъ быть признано (съ точки зрѣнія основъ ученія органицистовъ) только при направленіи его на одну опредѣленную цѣль: просвѣтить органы цѣлаго на счетъ ихъ фатальнаго положенія въ отношеніи мыслящихъ и волевыхъ общественныхъ клѣточекъ

Конечно, такъ откровенно сторонники органической школы не говорятъ и, даже болѣе того, дѣлаютъ неожиданные выводы о необходимости общественнаго блага и преуспѣянія личности (таковы, напримѣръ, двѣ статьи *г. Новикова*, написанныя въ защиту органической школы соціологіи въ „Annales de l'Institut International de Sociologie" въ 4 и 5 томахъ, вышедшихъ въ 1898 и 1899 годахъ и брошюра *П. Л. Лилиенфельда* „Zur Vertheidigung der Organischen Methode in der Sociologie" Berlin. 1898). Но выводы эти въ сущности являются логическими вольтами и, благодаря наличности таковыхъ, наука гг органицистовъ можетъ быть названа „псевдо-наукой", какъ удачно выразился г. Оболенскій, разсматривая одно изъ отвѣтвленій этой школы, именно теорію Сигеле о преступной толпѣ (*Л. Е. Оболенскій*, Новѣйшая псевдонаука Русск. Мысль 1893 г. кн. II, стр 122 и слѣд.). Конечно, выводъ этотъ пока сдѣланъ апріорно, но для доказательства спра-

ведливости его служитъ весь предлагаемый вниманію читателя трудъ.

Не безъинтересно, прежде разсмотрѣнія существа вопроса, бросить взглядъ на современное положеніе интересующей насъ теоріи. Собственно говоря, органическая теорія создана въ новое время. Правда, попытки сравненія общества съ животнымъ организмомъ встрѣчались и въ глубокой древности и, въ видѣ параллей, не разъ затѣмъ повторялись въ той или другой области знанія, но ни побасенку Менения Агриппы, ни діалогъ Платона „Политейя", ни даже ученіе о естественномъ состояніи Гоббеса съ его государствомъ—Левіаѳаномъ нельзя считать теоріями въ томъ смыслѣ, какъ это слово употребляетъ современная наука. Приведенныя сравненія, замѣчаетъ проф Коркуновъ, еще очень далеки отъ органическаго воззрѣнія. Дѣло въ томъ, что раньше вовсе не существовало понятія организма съ тѣмъ особымъ значеніемъ, которое ему придаютъ теперь Во всемъ дальнѣйшемъ развитіи науки, вплоть до новѣйшихъ успѣховъ біологіи, организмъ понимался какъ подобіе *механизма*. Такое состояніе науки продолжалось вплоть до появленія „Общей анатоміи" Биша (въ 1801 г.), положившей основаніе научной теоріи витализма. Вслѣдствіе сего обособленіе понятія организма появляется въ наукѣ лишь въ концѣ XVIII вѣка (*Коркуновъ*, Лекціи по общей теоріи права, изд. 3. Спб. 1894 г. стр. 190—192). Органическая теорія явилась законной реакціей противъ исключительнаго раціонализма науки XVIII вѣка и въ этомъ одна изъ главныхъ историческихъ заслугъ этой теоріи (*Карѣевъ*, Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб 1899 г. стр. 274—275).

Первыя попытки философіи и правовѣдѣнія обосновать органическую теорію строенія общества, государства и права относятся къ половинѣ XVIII вѣка. Основателемъ органической школы является нѣмецкій ученый Краузе (1781—1832 г.), который въ противоположность господствовавшему въ его время механическому воззрѣнію на общественную жизнь, отстаивалъ то положеніе, что, подобно тому, какъ въ организмѣ отдѣльные органы и функціи находятся между собою въ неразрывной связи, такъ что благосостояніе или пораженіе одного органа, одной функціи—отзывается такъ или иначе на всѣхъ другихъ,—такъ и въ общественной жизни всѣ части соціальнаго организма взаимно себя обусловливаютъ, какъ и все цѣлое обусловливаетъ всѣ части (см.

Коркунова: Исторія философіи права, изд. 2. Спб. 1898 г стр. 417 и слѣд.). Вслѣдъ за тѣмъ, не смотря на рѣзкую критику теоріи Краузе (главный трудъ коего „Grundlagen des Naturrechts oder philosoph Grundriss d. Ideales des Rechtes" вышелъ въ 1890 г. 2 изданіемъ подъ редакціей Моллата), въ правовѣдѣніи образовалась опредѣленная школа, которая и носитъ въ исторіи юриспруденціи названіе органической Главными ея представителями были Шеллингъ, Аренсъ и Блюнчли. Что касается Аренса, то самое заглавіе его главнаго труда сразу опредѣляетъ основу его ученія: „Юридическая энциклопедія или органическое изложеніе науки о правѣ и государствѣ" (русскій переводъ изданъ въ Москвѣ въ 1863 г),—такъ названъ основной трудъ Аренса. Право, говоритъ Аренсъ, есть понятіе органическое, какъ по своей идеѣ, такъ и по организму жизненныхъ отношеній и по своему осуществленію въ жизни (см *Аренса* „Энциклопед. и проч., стр 34—35, также 501 и слѣд) Что касается Блюнчли (его „Allgemeine Staatslehre" вышла въ 1875 г., въ Штутгартѣ 6 изданіемъ; переведена на французскій, итальянскій и англійскій языки), то его ученіе, какъ и другого нѣмецкаго ученаго, Штрауса, вытекаетъ главнымъ образомъ изъ критики ученія Руссо о договорномъ происхожденіи общества Главное возраженіе Блюнчли противъ ученія Руссо сводилось къ тому, что исторія показываетъ, что человѣкъ прежде, нежели доходитъ до состоянія способности выразить свою волю, необходимую для обоснованія договора, родится членомъ того или иного государства и растетъ и воспитывается подъ вліяніемъ окружающихъ условій, опредѣляющихъ его значеніе, какъ члена данной націи и какъ уроженца данной страны. Эта, въ сущности правильная для историческихъ временъ жизни народовъ, точка зрѣнія завела, однако, Блюнчли къ такимъ крайнимъ выводамъ, отъ которыхъ отказываются самые ярые сторонники органической школы. Блюнчли, какъ извѣстно, уподоблялъ общественныя учрежденія внѣшнимъ формамъ тѣла По выраженію г. Михайловскаго, онъ „измышлялъ параллели между государствомъ и мужчиной, церковью и женщиной, между уголовной юстиціей и пупомъ, между министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и обоняніемъ и проч. При этомъ Блюнчли думалъ (какъ и многіе органицисты), что онъ сдѣлалъ необычайное открытіе. А между тѣмъ, этотъ параллелизмъ, и при томъ въ формѣ далеко не столь шутовской, былъ еще въ тридцатыхъ годахъ (т. е. за долго до

Блюнчли) разрабатываемъ замѣчательно даровитымъ Захаріэ". (*Н. К. Михайловскій*, Теорія Дарвина и общественная наука. Собран. сочин изд 1888 г т V, стр. 165. Сравн ироническія замѣч. проф Буателя по поводу параллелей Блюнчли: A Boistel, Cours de Philosophie du droit, Tome 2, Paris 1899, p 53 —Означенная часть труда Буателя появилась въ томъ-же году въ видѣ отдѣльной статьи подъ заглавіемъ „Discussion de la théorie des sociétés—organismes" въ Revue générale du droit, de la législation et de la jurisprudence. См. кн. I, Янв.—Февр. 1899 г. стр. 7)

Изъ изложеннаго мы видимъ, что еще до новѣйшихъ успѣховъ біологіи органическая теорія имѣла многихъ адептовъ Въ юриспруденціи образовалась особая органическая теорія права, и нуженъ былъ могучій умъ Савиньи и его послѣдователей, чтобы правовѣденіе расчистило дорогу для позитивной школы права, школы позднѣйшаго времени. Но если въ области теоріи права теперь нельзя указать сколько-нибудь видныхъ представителей органической школы (своеобразное исключеніе составляетъ А Фуллье съ своей теоріей „договорнаго организма" и большинство юристовъ Испаніи), то нельзя того же сказать о молодой наукѣ—соціологіи, созданной однимъ изъ величайшихъ умовъ нашего столѣтія, Огюстомъ Контомъ. Самъ родоначальникъ новой науки не избѣжалъ уподобленія общества организму. Но впервые выдвинулъ эту теорію во всеоружіи стройнаго зданія, обоснованнаго на повидимому прочныхъ научныхъ устояхъ, Гербертъ Спенсеръ. Почти одновременно съ главнѣйшими трудами Спенсера и независимо отъ нихъ появился и основной трудъ другаго органициста, нашего соотечественника П. Л Лиліенфельда „Мысли о соціальной наукѣ будущаго". Внѣ вліянія трудовъ Спенсера стоитъ также трудъ А. Шеффле „Строеніе и жизнь соціальнаго тѣла". Въ послѣднее время вопросъ о правѣ существованія въ наукѣ органической школы служитъ предметомъ особенно оживленнаго обмѣна мыслей между учеными различныхъ странъ.

Во время второго международнаго конгресса соціологовъ, состоявшагося въ сентябрѣ и октябрѣ 1895 г въ Парижѣ, была, между прочимъ, доложена работа нашего соотечественника П. Л. Лиліенфельда, одного изъ наиболѣе убѣжденныхъ органицистовъ, объ эволюціи политическихъ формъ. (См. Annales de l'Institut International de Sociologie, томъ II, Парижъ 1896 г.—Paul de Lilienfeld: Y a-t-il une loi de l'évolution des formes politiques? p.p.

235 и слѣд.) Примѣняя къ данному вопросу взгляды, высказанные давно въ „Мысляхъ о соціальной наукѣ будущаго“, авторъ категорически отстаивалъ тему о тождественности законовъ структуры и жизни организма и общества, усматривая отличіе послѣдняго отъ перваго лишь въ степени, а не въ сущности, ибо, по мнѣнію Лилиенфельда, общество представляетъ собою лишь систему нервную, соединенную съ междуклѣточной субстанціей, между тѣмъ какъ животные организмы представляютъ систему болѣе грубую, благодаря наличности органовъ мускульныхъ, вазомоторныхъ и друг

Въ открывшихся по поводу этого доклада преніяхъ принялъ, между прочимъ, участіе извѣстный ученый Шарль Летурно, который и заявилъ, что считаетъ теорію „соціальнаго организма“ безусловно ложной (Annales etc. t. II· p 273 и слѣд.) Что общаго, говоритъ Летурно, между государствомъ или націей, въ родѣ Англіи, Франціи и т. д. и животнымъ въ родѣ собаки, льва? Животное высшаго порядка (а только съ нимъ и сравниваютъ человѣческія общества) составлено изъ клѣточекъ или, вѣрнѣе, изъ ихъ элементовъ или фибръ, образующихъ группы тканей, аппаратовъ, органовъ; государственный же организмъ составленъ изъ гражданъ или единицъ, морфологически сходныхъ Нельзя сказать, что та или другая изъ нихъ представляетъ собою исключительно нервную клѣточку, а другая— клѣточку костяную или мускульную. Продолжимъ аналогію далѣе и наткнемся на еще большія противорѣчія Гдѣ въ Англіи, во Франціи или Германіи тѣ классы, дѣятельность которыхъ можно исключительно уподобить функціонированію костей или нервовъ? Гдѣ гражданскій желудокъ націи? Замѣтьте, что естественныя клѣточки, въ противорѣчіе тѣмъ, какія встрѣчаются въ общественномъ организмѣ, могутъ по выбору прервать свою взаимную связь и не только перемѣститься, но еще проникнуть въ чужой организмъ; гражданинъ—клѣточка—переселяется, напримѣръ изъ Франціи въ Англію и обратно, а кто видѣлъ, чтобы что-либо подобное происходило съ клѣточками мозговыми или мускульными, притомъ сознательно и самопроизвольно?. Какъ открыть въ обществѣ аппараты въ родѣ слуховаго, нервнаго и т. д.? Дошли до того, что утверждали, будто нервную систему представляетъ сѣть телеграфовъ. Изумительные организмы, которые, взамѣнъ нервовъ, довольствуются металлическою проволокой!.. Уподобленіе человѣческихъ обществъ организмамъ—чистый пр-

дуктъ фантазіи, результатъ поверхностнаго мышленія; онъ можетъ только вредить успѣхамъ нашей науки (т. е. соціологіи).

Проф М. Ковалевскій, приведя отмѣченный выше отзывъ Летурно, замѣчаетъ: „приговоръ строгъ, но заслуженъ. Оказывается, что данныя біологіи не могутъ быть цѣликомъ переносимы въ сферу обществовѣденія, и выступаетъ, какъ нельзя лучше, научное значеніе того, чему училъ Контъ, выдѣляя ее въ особую науку, которая должна поэтому имѣть собственные законы“ (Сборникъ въ пользу недостаточн студентовъ московскаго университета Москва 1897 г. *М. Ковалевскій*: Соціологія и соціологи стр. 3).

Сопоставимъ съ только-что приведенными отзывами объ органической теоріи слѣдующія замѣчанія другого соціолога, нашего соотечественника, профессора Трачевскаго. Въ предисловіи къ русскому переводу книги Рене Вормса объ „общественномъ организмѣ“ проф. Трачевскій говоритъ, что наше время представляется торжествомъ органической теоріи, что, если еще недавно многіе соціологи возставали противъ понятія объ обществѣ, какъ организмѣ, то теперь „эта сомнительная пора въ исторіи органической теоріи, и вообще не важная, почти миновала. Въ настоящую минуту почти нѣтъ соціолога, который возставалъ бы противъ этой теоріи открыто и непосредственно *Одинъ* горячій Тардъ твердо идетъ въ арьергардѣ, но громы его тяжелой артиллеріи уже слишкомъ далеки, чтобы вредить. Гумпловичъ больше удивляетъ свѣтъ, чѣмъ вліяетъ на него, застывъ на своей допотопной теоріи породъ, приличной австрійцу. Летурно самъ ведетъ свои изслѣдованія органическимъ путемъ и въ своей „Соціологіи“ прямо заявляетъ, что „всякое общество есть организмъ“ У нхъ крупныхъ старшихъ союзниковъ, у Мэна и Лавеле, не осталось послѣдователей. А *всѣ остальные* соціологи или открыто исповѣдуютъ органическую теорію, или работаютъ въ увѣренности, что она сама собою разумѣется... Новѣйшіе авторы *всѣ* идутъ за ними, какъ по проторенной дорожкѣ. Словомъ, теперь уже вездѣ, у соціологовъ всѣхъ оттѣнковъ, употребляются какъ бы безсознательно біологическіе термины— „органы, функціи, клѣтки, нервы, анатомія, физіологія, даже патологія, гигіена общества и т. д.“ (*Р. Вормсъ* „Общественный организмъ“, изд. Павленкова, С.-Петербургъ 1897 г. смотр. предисловіе проф. Трачевскаго, стр. XIV)

Приведенный отзывъ проф. Трачевскаго появился почти одновременно съ тѣмъ, какъ въ Парижѣ состоялся (въ іюлѣ 1897 г.),

третій международный конгрессъ соціологовъ, въ которомъ вопросъ объ органической теоріи общества обсуждался особенно долго и при непосредственномъ участіи сторонниковъ и противниковъ этой теоріи. Въ преніяхъ и докладахъ принимали участіе: Гарофало, Новиковъ, Лиліенфельдъ, Тардъ, Крозъ, Штейнъ, Рене Вормсъ, Штейнметцъ, Штарке, Лимузенъ, Карѣевъ и Эспинасъ (См. Annales de l'Institut International de Sociologie, tome IV, Paris 1898 г.).

Въ недавнее время высказались за органическую теорію: въ нѣмецкой литературѣ Лиліенфельдъ („Uber Socialphilosophie", Zeitschrift für Socialwissenschaft 1898 № 2 и „Zur Vertheidigung der Organischen Methode in der Sociologie" Berlin 1898), во французской—Новиковъ („La théorie organique des sociétés: defense de l'organicisme" въ Annales de l'Institut International de Sociologie, tome V, Paris 1899, p p 71—223) и въ англійской—Гербертъ Спенсеръ („What is social evolution? въ Ninetteth Century, Октябрь 1898—статья эта написана въ отвѣтъ на статью Меллока „Объ аристократизмѣ и эволюціи"). Гораздо болѣе голосовъ раздалось противъ этой теоріи Отмѣтимъ въ нѣмецкой литературѣ брошюру проф. Людвига Штейна „Wesen und Aufgabe des Sociologie" (Berlin 1898), статью проф Штейнметца („Die organische Socialphilosophie" въ Zeitschrift für Socialwissenschaften 1898 № 3), Эрнеста-Виктора Ценкера („Die organische Methode in der Sociologie" въ томъ же журналѣ 1899 г. № 4); во французской литературѣ—Буателя („Discussion de la theorie des sociétes—organismes" въ Revue général du droit, de la législation et de la jurisprudence 1899 г № 1 —Статья эта вошла цѣликомъ въ его-же „Курсъ философіи права"); въ итальянской проф. Астураро („La Sociologia i suoi metodi e le sue scoperte" Genova 1897, стр. 113, 115, 120—121 и друг.), Бонарди („I concetti di analogia e di legge nelle publicazioni sociologiche въ Rivista moderna di coltura, Ottobre 1898, Anno I, fasc. IV).

Какъ разобраться въ столь противорѣчивыхъ отзывахъ, въ которыхъ съ одной стороны утверждается, что органическій методъ изученія соціологіи представляетъ единственно надежный путь обоснованія закономѣрности развитія общества (Lilienfeld „Zur Vertheidigung d. Organ. Methode im der Sociologie, S. 9 и друг., Его-же, La Pathologie Sociale, Paris 1896 p. XXII и друг.), а съ другой заявляется, что органическая метода соціологіи не имѣетъ ничего общаго съ наукой. (*Штейнметцъ,* Die organische Social-

philosophie, Zeitschr für Socialwiesenshaft 1898 г № 3, стр 200), что это не наука, а фантазія (Jdem и Boistel, Discussion de la théorie des sociétés—organismes, Révue générale du droit etc 1899 г № 1, стр 15) и что значеніе аналогіи равно нулю (Asturaro, La Sociologia, i suoi metodi e le sue scoperte p 113—114)? Но, прежде отвѣта на поставленный вопросъ, возникаетъ другой, не менѣе важный: нужно-ли разобраться въ этомъ вопросѣ? Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о практическомъ значеніи соціологіи Въ другомъ мѣстѣ („Днѣпровская молва" 1899 г. № 7) я писалъ слѣдующее Будетъ-ли сущность историческаго процесса развитія общества зависѣть отъ законовъ развитія, установленныхъ біологіей для эволюціи органической, связанной съ идеей о невмѣшательствѣ личности въ естественный ходъ вещей и вслѣдствіе сего правила поведенія личности должны быть сведены къ формулѣ „laisser faire, laisser passer" какъ въ отношеніи ея (личности) роли въ общественной жизни, такъ и государства въ жизни общественныхъ группъ (Таковъ идеалъ Спенсера въ его „The man versus the state" London 1885); будетъ-ли онъ (историческій процессъ) сводиться къ необходимому и неизбѣжному развитію капиталистическаго производства, связаннаго съ „освобожденіемъ" мелкаго производителя отъ орудій производства вплоть до того момента, когда внѣшняя оболочка сконцентрированнаго капитализма лопнетъ сама по себѣ и экспропріирующіе будутъ экспропріированы (*Марксъ* „Капиталъ" и „Къ критикѣ капиталистической экономіи"; *Энгельсъ* „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft", Leipzig 1878; *Его-же*, La force et l' économie dans le developpement social", издано Бернштейномъ въ журналѣ „Le devenir social" 1896, іюль—октябрь); будетъ-ли, какъ это полагаетъ Тардъ и Балдуинъ, сущность соціальныхъ законовъ сводиться къ изобрѣтеніямъ съ одной стороны и подражаніямъ съ другой (*Тардъ*, Законы подражанія, перев. съ французск. 1892 г; *Его-же*, Соціальные законы, перев. Оболенскаго, Спб. 1899 г., а также друг. труды его, наприм. La logique social, Paris 1895); будетъ-ли указанный процессъ сводиться къ проявленію соціальнаго движенія и нарождаемыхъ имъ энергій, затѣмъ къ представленію и воспроизведенію динамическихъ силъ соціальной энергіи и къ окончательному ихъ воспроизведенію въ солидарномъ поведеніи индивидуальныхъ и групповыхъ единицъ, носителей и выразителей динамической энергіи соціальнаго движенія, словомъ бу-

детъ-ли выражаться соціальный процессъ въ формулѣ moventur, repraesentantur, reguntur omnia (M. Hauriou, Leçons sur le mouvement social, Paris 1899 г.) и т. д., и т. д.—отъ правильнаго рѣшенія вопроса зависитъ и постановка разрѣшенія проблемы о личномъ поведеніи или, точнѣе говоря, о возможности личной активной дѣятельности, о цѣлесообразности реформъ и т. п. Мало того рѣшеніе даннаго вопроса должно указать и границы активной дѣятельности, если самый вопросъ о возможности таковой будетъ разрѣшенъ утвердительно. Каждый политическій дѣятель, говоритъ Огюстъ Контъ, убѣждается на личномъ опытѣ въ существованіи границъ политической дѣятельности, каковыя границы опредѣляются совокупностью соціальныхъ факторовъ. Соціологія именно и даетъ возможность опредѣлить на сколько возможно точно эти границы для каждаго даннаго случая. (Rigolage, La sociologie par Auguste Comte, Paris 1897, p. 66).

Рѣшеніе проблемы о сущности основаній, по которымъ совершается процессъ развитія общества, зависитъ отъ рѣшенія вопроса о сущности общества, объ основаніяхъ его возникновенія и роста. А знаніе этихъ послѣднихъ основаній даетъ въ послѣднемъ счетѣ возможность предвидѣнія (формула О. Конта „Savoir c'est prévoir, prévoir-pour agire“. Сравн. статью *Лестера Уорда* въ книгѣ „Огюстъ Контъ и позитивизмъ“. Москва 1897 г. стр. 281). Возможность же предвидѣнія даетъ личности увѣренность въ цѣлесообразности или нецѣлесообразности дѣйствія и, наконецъ, характеръ нравственныхъ устоевъ личности опредѣляетъ направленіе дѣятельности, если вопросъ о возможности таковой личностью рѣшенъ на основаніи объективно изученныхъ научныхъ данныхъ.

Такимъ образомъ въ вопросѣ нужно разобраться и притомъ не въ видахъ только одного научнаго интереса, который является самъ по себѣ императивомъ для детальнаго изслѣдованія интересующей насъ теоріи, но и въ видахъ рѣшенія проблемъ о цѣлесообразности гражданской и уголовной политики и правилъ поведенія личности.

Слѣдующая цитата подтвердитъ, какъ нельзя лучше, всю важность вопроса.

Проф. Карѣевъ въ своихъ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“ (С.-Петербургъ 1895 г.—Вышли новымъ изданіемъ въ 1899 году) посвящаетъ интересующей насъ теоріи

особую статью „Общество и организмъ“, въ которой, разбирая означенную теорію, въ лицѣ Спенсера, Лилиенфельда, Шеффле, Фуллье и Эспинаса, говоритъ слѣдующее: „Организмъ есть общество, общество есть организмъ,—вотъ главный тезисъ, на которомъ сходятся біологія и разсматриваемое нами направленіе въ соціологіи. Политикъ, юристъ и экономистъ, психологъ и историкъ одинаково заинтересованы въ разрѣшеніи вопроса, насколько наука можетъ выиграть отъ принятія такого обобщенія за твердо установленную истину. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, вы занимаетесь государствовѣдѣніемъ—вотъ вамъ теорія, которая объясняетъ вамъ что такое государство; вы изучаете право, какъ одно изъ проявленій общественной жизни—вотъ вамъ теорія, научающая насъ видѣть прототипъ правовыхъ отношеній въ томъ, что происходитъ въ организмѣ; вы изслѣдуете хозяйственную жизнь народовъ—вотъ вамъ теорія, которая находитъ эту жизнь въ ея элементарныхъ формахъ уже внутри единичнаго существа... Для историка, который въ наше время долженъ быть и психологомъ, и политикомъ, и юристомъ, и экономистомъ и которымъ, въ свою очередь долженъ быть каждый психологъ, политикъ, юристъ, экономистъ, равнымъ образомъ необходимо стать въ опредѣленныя отношенія къ новой доктринѣ, ведущей къ отождествленію процесса историческаго съ процессомъ біологическимъ. Можно сказать, что теперь это—*коренной вопросъ соціологіи, отъ рѣшенія котораго зависитъ все ея будущее* Если общество—организмъ, соціологія должна непосредственно примыкать къ біологіи въ іерархическомъ ряду основныхъ наукъ· человѣческое общество—только частный случай живаго аггрегата, называемаго организмомъ. Это разъ Если общество—организмъ, изучаться оно должно по тѣмъ же категоріямъ, какъ и всякій другой организмъ: нужны будутъ по этому разныя соціальныя анатоміи и физіологіи, соціальныя эмбріологіи и паталогіи, вмѣсто теперешнихъ политики (въ смыслѣ государствовѣдѣнія), юриспруденціи и политической экономіи Это два. Если общество—организмъ, то оба подвергаются совершенно одинаковымъ законамъ эволюціи, и все, что историки должны сдѣлать для соціологіи, будетъ заключаться лишь въ иллюстраціи на примѣрахъ общихъ положеній органической школы. Это три. (*Карѣевъ*, Историко-философск. и соціологич. этюды. С-Петербургъ 1899 года стр. 246—248.—Въ изданіи 1895 года стр. 135—136).

Изъ всего сказаннаго само собою вытекаетъ заключеніе о необходимости изучить теорію органицистовъ по возможности подробнѣе. Мы это и сдѣлаемъ, на сколько намъ позволятъ время и силы Но прежде еще одно замѣчаніе Выше мы привели слова проф Трачевскаго, изъ которыхъ читатель, не посвященный въ подробности вопроса, можетъ, вывести заключеніе, что теперь *всѣ* соціологи являются сторонниками органической теоріи и только *одинъ* Тардъ противъ нея и потому находится „въ аріергардѣ“ современнаго научнаго движенія Правда, проф. Трачевскій указываетъ еще на Гумпловича, Летурно, Мэна и Лавеле, но Гумпловича нельзя брать въ разсчетъ, благодаря его односторонней и неправильной теоріи породъ. (Съ этой мыслію г Трачевскаго нельзя, дѣйствительно, не согласиться) Мэнъ (нынѣ умершій) и Лавеле значительно отстали отъ прогресса науки и къ тому же односторонни, а Летурно и самъ заявляетъ, что „всякое общество есть организмъ“ и „ведетъ свои изслѣдованія органическимъ путемъ“. Положимъ, что Летурно дѣйствительно выражается такъ, какъ это утверждаетъ проф. Трачевскій (послѣдній цитируетъ стр. 219 редактированнаго имъ же перевода сочиненія Летурно „Соціологія по даннымъ этнографіи“ С.-Петербургъ 1896 г. —Соотвѣтствуетъ стр. 378 французскаго оригинала. См. Charles Letourneau: La Sociologie d'après l'ethnographie, изд. 3 Парижъ 1892 г), но на основаніи такого выраженія нельзя относить автора „Исторіи развитія нравственности“, „Эволюціи собственности“, „Эволюціи рабства“ и проч. къ числу органицистовъ. Утвержденіе проф. Трачевскаго, что Летурно ведетъ свои изслѣдованія органическимъ путемъ, невѣрно, ибо во всѣхъ своихъ трудахъ Летурно проводитъ параллель не между обществомъ и организмомъ, а между обществомъ человѣческимъ и животнымъ, что далеко не одно и тоже. Притомъ параллелизмъ самъ по себѣ представляетъ только способъ изслѣдованія, а не сущность его. По существу-же, Летурно долженъ быть причисленъ къ школѣ матеріалистической, хотя и не pur sang. Что же касается употребленія взятыхъ изъ біологіи терминовъ „органы, функціи, клѣтки“ и т. п., то противъ употребленія этихъ терминовъ, какъ метафоръ, наука ничего не имѣетъ, какъ ничего она не имѣетъ противъ примѣненія терминовъ „сродство, тяготѣніе, параллелограммъ силъ“ и т п. А между тѣмъ употребленіе этихъ послѣднихъ терминовъ не ведетъ къ отождествленію соціальныхъ законовъ съ законами химическими, астрономическими, механическими и т. п. Сравненіе разныхъ областей знанія даже полезно, если

обращено вниманіе не только на сходство, но и на различія, и если сходство не принимается за тождество Съ другой стороны, проф. Трачевскій, очевидно, знакомъ съ трудами Гумпловича,—иначе трудно было бы объяснить себѣ столь рѣзкій и по существу вѣрный отзывъ объ этомъ соціологѣ, занимающемъ во всякомъ случаѣ видное мѣсто въ ряду современныхъ ученыхъ. А между тѣмъ въ одномъ изъ главныхъ трудовъ Гумпловича проф Трачевскій могъ бы найти слѣдующее совершенно справедливое замѣчаніе, которое, быть можетъ, заставило бы его отказаться отъ мысли приписать Летурно непослѣдовательность, съ какою онъ, съ одной стороны, произнесъ приведенный нами выше строгій приговоръ объ органической теоріи общества, а съ другой—самъ призналъ, что всякое общество есть организмъ Гумпловичъ замѣчаетъ: „Такъ. онъ (Спенсеръ) находитъ, что общества въ такой же мѣрѣ подвергнуты *росту*, какъ организмы. Само собою понятно, что сравненіе здѣсь возможно только потому, что рѣчь имѣетъ только одно выраженіе для двухъ совершенно различныхъ понятій роста—организма и увеличенія (Grösserwerden) общества. Будь въ нашей рѣчи выработаны для обоихъ понятій различные термины,—не была бы возможной попытка къ подобнымъ сравненіямъ или смѣшеніямъ. Такимъ же образомъ неопредѣленности нашего словоупотребленія и безпомощности языка должно приписать возможность проведенія аналогіи между „структурами“ общества и организма, какъ и аналогіи въ томъ, что оба (общество и организмъ) вмѣстѣ съ „ростомъ“ измѣняютъ и „структуру“. Недостатокъ языка здѣсь заключается въ томъ, что слово структура примѣняется одинаково къ двумъ разнымъ явленіямъ Безъ этой особенности словоупотребленія не существовало бы весьма многихъ аналогій“.. (Ludwig Gumplowicz, Grundriss der Sociologie, Wien 1885, стр 11—12).

Но возможно ли спорить противъ солидности теоріи, къ которой, если вѣрить проф. Трачевскому, примкнули *всѣ* современные соціологи, исключая одностороннихъ ученыхъ, какъ Мэнъ, Лавеле и Гумпловичъ, непослѣдовательныхъ (по мнѣнію того-же проф. Трачевскаго) ученыхъ, какъ Летурно, и противъ которой, наконецъ, стоитъ одинъ единственный чистый представитель науки, хотя и съ эпитетомъ „горячаго“,[1])—Тардъ, который натурально

[1]) Замѣтимъ, что въ новомъ трудѣ Тарда (Les transformations du pouvoir. Paris 1899), г Трачевскій нашелъ бы такую фразу „политич.

остается въ арьергардѣ научнаго движенія? И весьма понятно, что „въ арьергардѣ“: одинъ въ полѣ не воинъ

Изъ изложеннаго выше уже видно, что кадры противниковъ органической теоріи не такъ уже рѣдки Мы успѣли назвать М. Ковалевскаго, Карѣева, Кроза, Лимузена, Людвига Штейна, Штейнметца, Штарке Попробуемъ, хотя бы вкратцѣ, перечислить сторонниковъ и противниковъ теоріи Чистыми органицистами являются: Гербертъ Спенсеръ, Лилiенфельдъ, Шеффле (нужно замѣтить, что послѣдній въ недавнемъ, новѣйшемъ, изданіи своего „Строенія и жизни общественнаго тѣла“ значительно видоизмѣнилъ свои взгляды), Рене Вормсъ, Новиковъ, Iегеръ, Геккель, Піоже. Къ этой же школѣ нужно причислить еще рядъ ученыхъ, хотя ихъ теоріи и отличаются значительными отклоненіями отъ прямого отождествленія общества съ организмомъ. Таковы Фуллье, Эспинасъ, де-Греефъ, Смоллъ, Изуле, Дюркгеймъ, Виноградовъ, Иванцовъ, Вида, Сантамарiа-де-Паредесъ, Вагнеръ Что касается противниковъ органической теоріи, то, помимо многочисленныхъ сторонниковъ теоріи экономическаго матеріализма, высказались противъ теорій органицистовъ какъ вышеотмѣченные ученые, такъ и еще Гиддингсъ, Уордъ, Раценгоферъ, Тенисъ, Бартъ, Берне, Дюпра, Лагрезилль, Зиммель, Буатель, Штейнметцъ, Позада, Астураро, Ценкеръ, Оболенскій, Михайловскій, Южаковъ, Миртовъ, Юзовъ, Коркуновъ, Массаръ, Демооръ, и Вандервельдъ. Едва-ли послѣ этого краткаго перечня можно сказать, что органическая теорія завоевала всѣ умы, и что Тардъ стоитъ одиноко въ своей борьбѣ противъ органической школы.

Все нами до сихъ поръ изложенное служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что вопросъ далеко не рѣшенъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это сдѣлано у г. Трачевскаго въ его предисловіи къ переводу труда Вормса, и что рѣшеніе вопроса требуетъ хотя бы краткаго обзора теорій главнѣйшихъ представителей органической школы соціологіи. Къ этому мы теперь и приступимъ.

власть для націи составляетъ то-же, что личная и сознательная воля составляетъ для мозга личности“ Если Рене Вормсъ (Revue de l'Institut International de Sociologie, 1899 г № 10, стр 736) по этому поводу только замѣчаетъ, что этими строками могъ бы удовлетвориться и самый ревностный адептъ органической теоріи, то г Трачевскій навѣрное причислилъ бы и Тарда къ числу непослѣдовательныхъ ученыхъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ отношеніи Летурно.

Задача наша опредѣлилась сама собой. Мы разсмотримъ труды главнѣйшихъ представителей органической школы, укажемъ на тѣ доводы, которые въ наукѣ высказаны были за и противъ этой теоріи и восполнимъ эти критическія замѣчанія тѣми доводами, которые мы нашли полезными для всесторонняго выясненія вопроса.

Настоящій очеркъ ограничивается разборомъ ученій Спенсера, одного изъ главнѣйшихъ и сильнѣйшихъ представителей школы.

II.

Соціологическое ученіе Спенсера.

Труды Спенсера давно извѣстны въ Россіи, и первая же критика главныхъ основныхъ положеній Спенсера принадлежитъ перу русскаго ученаго Еще тридцать лѣтъ тому назадъ Н. К. Михайловскій, въ статьѣ „Что такое прогрессъ“, подвергъ основныя положенія философіи Спенсера серьезной критикѣ. Работа г. Михайловскаго тогда не вызвала никакихъ возраженій, кромѣ небольшой поправки, сдѣланной безыменнымъ авторомъ статьи „Формула прогресса г. Михайловскаго“, помещенной въ Отечественныхъ Запискахъ въ 1870 году Въ настоящее время работа г. Михайловскаго переведена на французскій языкъ (N Mikhailowsky: Qu'est-ce que le progres?—Paris 1897) и заслужила самаго лестнаго отзыва спеціалистовъ Въ дальнѣйшемъ мы предполагаемъ познакомить читателей съ сущностью труда г Михайловскаго, а теперь считаемъ необходимымъ обратиться къ самому ученію Спенсера объ обществѣ—организмѣ. „Основанія Соціологіи“ Спенсера впервые переведены на русскій языкъ г. Тибленомъ въ 1877 г Это изданіе составляетъ теперь библіографическую рѣдкость и потому нельзя не привѣтствовать новое изданіе этого труда, предпринятаго въ 1898 году Рубакинымъ. (Сочиненія Герберта Спенсера. Основанія Соціологіи т. I и II)

Установивъ еще въ своихъ „Основныхъ началахъ“ (First Principles; переведены на русск. языкъ г. Тибленомъ и въ 1886 году г. Алексѣевымъ) три вида эволюціи—неорганическую органическую и надъ-органическую, Спенсеръ относитъ послѣднюю къ міру явленій, имѣющихъ въ виду совмѣстную жизнь отдѣльныхъ индивидуумовъ и отличіе этой надъ-органической эволюціи отъ эволюціи органической видитъ въ томъ, что первая включаетъ

всѣ тѣ процессы и продукты, которые основаны на согласованіи (координаціи) дѣятельности многихъ индивидовъ. (См. Основанія Соціологіи, изд 1898 г. стр 1—3, § 1—3) Въ дальнѣйшемъ изложеніи Спенсеръ ограничиваетъ свои изслѣдованія только тою формою надъ-органическаго развитія, которую проявляютъ не всѣ общества живыхъ существъ, а лишь общества людей Замѣтимъ, что Спенсеръ еще въ статьѣ „Опытъ о прогрессѣ“ исключилъ телеологическое понятіе этого термина и въ своихъ „Основныхъ началахъ“ замѣнилъ его терминомъ “эволюція“ (Mikhailowsky Qu'est—ce que le progrés? p. 24—25), который затѣмъ и употребляется имъ во всѣхъ дальнѣйшихъ трудахъ Итакъ, Спенсеръ называетъ соціальную эволюцію надъ-органическою и даже указываетъ начало, отличающее ее отъ эволюціи органической. И въ тоже время ни онъ, ни Рене Вормсъ, также называющій общество сверхъ-организмомъ (см *Рене Вормсъ* „Обществ. организмъ“, стр. 45), не идутъ далѣе отождествленія общества съ организмомъ, не обращая вниманія на ту самую координацію дѣятельности входящихъ въ общество индивидовъ, которая, благодаря главнымъ образомъ психической основѣ своей, отличаетъ общество отъ организма и которая заставила Спенсера изобрѣсти для общества новый терминъ „надъ-организма“ Ту-же ошибку повторяетъ и де-Греефъ, хотя и въ менѣе грубой формѣ (см. De-Greef: Introduction à la Sociologie, т. I Bruxelles—Paris, 1886 г. и т. II, 1889 г.)

Что такое общество? Вотъ вопросъ, говоритъ Спенсеръ, который долженъ быть поставленъ и разрѣшенъ съ самаго же начала. (Основ. соціологіи, изд. 1898 г., § 212, стр. 212, стр. 278). Общество не является лишь собирательнымъ именемъ для обозначенія извѣстнаго числа индивидовъ: оно представляетъ собою особое бытіе (entity). По Вагнеру—это біологическая индивидуальность (см. статьи проф. Вагнера въ Научномъ Обозрѣніи за 1898 годъ). Хотя общество, продолжаетъ Сенсеръ, состоитъ изъ отдѣльныхъ (discrete) единицъ, но постоянное сохраненіе, въ теченіе цѣлыхъ поколѣній и даже вѣковъ, извѣстнаго общаго сходства въ группировкѣ этихъ единицъ, въ предѣлахъ занимаемой каждымъ обществомъ мѣстности, указываетъ на извѣстную конкретность составляемаго аггрегата.[1]) Свойства общества сходны, по мнѣнію Спенсера, со свойствами (именно съ постояннымъ от-

[1]) Но см *Зиммеля*: Соціальн лифференціця. Переводъ съ нѣмецк Кіевъ 1898 г, стр. 20 и друг.

ношеніемъ между частями) живого существа. Поэтому на вопросъ „что такое общество“ Спенсеръ отвѣчаетъ: *„общество есть организмъ“*.

Послѣднее утвержденіе Спенсеръ доказываетъ слѣдующимъ образомъ. И обществу, и организму свойственъ непрерывный ростъ, и въ этомъ ихъ коренное отличіе отъ міра неорганическаго. Вторая отличительная черта обществъ и живыхъ существъ заключается въ томъ, что рядомъ съ увеличеніемъ въ размѣрахъ у нихъ наблюдается и увеличеніе сложности строенія. Сходство въ этомъ отношеніи организма и общества выступаетъ еще съ большею силою, если обратимъ вниманіе на то, что увеличеніе дифференціаціи соціальныхъ строеній ведетъ за собою и дифференціацію (несходство, расчлененіе) соціальныхъ функцій, все равно какъ въ организмѣ ростъ и усложненіе строенія влекутъ за собою и усиленіе спеціализаціи органовъ. Такъ, пищеварительная система, принимая на себя, вмѣстѣ съ ея структурными особенностями, сполна всю функцію всасыванія питательныхъ веществъ, распадается постепенно на отдѣльныя, отличныя другъ отъ друга системы, каждая изъ которыхъ выполняетъ свою спеціальную функцію, составляющую часть общей функціи всего пищеварительнаго канала. Такимъ образомъ, съ ростомъ организма и общества, расчленяются ихъ части, въ нихъ (этихъ частяхъ) обнаруживаются все большія и большія взаимныя несходства, и эти несходства ведутъ къ несходству дѣйствій этихъ частей (дифференціація функцій). Это несходство дѣйствія частей является какъ въ организмѣ, такъ и политическомъ аггрегатѣ не простымъ, нестройнымъ, а взаимно согласованнымъ, такъ что спеціализація частей взаимно помогаетъ функціямъ этихъ частей, и наличность однихъ спеціальныхъ органовъ составляетъ самое условіе существованія другихъ такихъ же специальныхъ органовъ или частей съ ихъ спеціальными же функціями. Въ организмѣ и въ обществѣ измѣненія различныхъ частей взаимно опредѣляютъ другъ друга и измѣненныя дѣйствія этихъ частей также находятся въ тѣсной *взаимной зависимости*. Эта взаимозависимость структуры и функцій частей общества и организма возрастаетъ вмѣстѣ съ прогрессомъ развитія. Изложенныя мысли Спенсеръ поясняетъ примѣромъ. У низшихъ типовъ животнаго царства все тѣло есть желудокъ, все тѣло есть дыхательная поверхность, все тѣло есть органъ движенія, хватанія, перемѣщенія. Развитіе особыхъ при-

датковъ для перемѣщенія съ мѣста на мѣсто и для схватыванія пищи можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда эти придатки, потерявъ способность къ непосредственному поглощенію пищевыхъ веществъ изъ окружающей среды, будутъ въ достаточной мѣрѣ снабжены пищей тѣми частями, которыя сохранили эту способность. Такимъ образомъ, ростъ организма связанъ съ его усложненіемъ, онъ переходитъ отъ простого къ болѣе сложному, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ происходитъ постепенная дифференціація частей, связанная съ специализаціей функцій этихъ частей: работа, исполнявшаяся прежде всѣмъ организмомъ, расчленилась и специализировалась между расчлененными частями. Въ то же время мы видимъ взаимозависимость этихъ частей, ибо органъ въ состояніи отправлять свою работу при условіи доставленія ему другимъ органомъ того питанія, которое до расчлененія первый самъ себѣ добывалъ. Въ свою очередь возможность добыванія пищи и доставленія ея другими органами путемъ отдѣльныхъ спеціальныхъ органовъ обусловливается специализаціей органовъ перемѣщенія и хватанія, каковая необходима для преуспѣванія въ поддержаніи вида въ борьбѣ за существованіе. То же самое, говоритъ Спенсеръ, мы замѣчаемъ въ общественной организаціи. Въ зачаточномъ обществѣ каждый членъ его одновременно является воиномъ, охотникомъ, досмотрителемъ и проч Переходъ къ постоянной арміи можетъ совершиться только съ развитіемъ въ обществѣ такихъ приспособленій, въ силу которыхъ остальные члены будутъ снабжать армію пищею, одеждою и боевыми снарядами. Въ свою очередь послѣднее возможно, благодаря наличности арміи, ибо члены общества, занимающіеся хозяйствомъ, не должны въ этомъ случаѣ отвлекаться отъ труда ради защиты своей жизни и своего благосостоянія. Общественное раздѣленіе труда, такимъ образомъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ, по Спенсеру, физіологическому рвздѣленію труда. На этомъ положеніи настаиваютъ положительно всѣ теоретики общественнаго организма (см. замѣчанія по этому поводу *Михайловскаго*: Борьба за индивидуальность. Сочиненія т. V, изд. 1888 г, стр. 237 и слѣд)

„Чтобы видѣть еще яснѣе, говоритъ Спенсеръ, какимъ образомъ жизнь цѣлаго слагается изъ комбинаціи дѣятельности его составныхъ частей, находящихся въ тѣсной взаимной зависимости, и какимъ образомъ отсюда вытекаетъ несомнѣнный параллелизмъ между національной жизнію и жизнію индивидуальной, слѣ

дуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что жизнь каждаго видимаго организма слагается изъ жизней крошечныхъ единицъ, слишкомъ мелкихъ для того, чтобы быть видимыми невооруженнымъ глазомъ. (Основ соціологіи, т. I ч 2, стр 281). Въ дальнѣйшемъ Спенсеръ излагаетъ основанія принятаго въ біологіи положенія, что организмъ есть въ свою очередь общество, ибо онъ состоитъ изъ системы клѣточекъ, представляющихся, каждая въ отдѣльности, организмомъ

Указанными выше чертами не исчерпывается, по Спенсеру, сходство организма и общества. Имѣется еще и слѣдующая общая имъ черта. Вслѣдствіе какой либо катастрофы жизнь аггрегата можетъ быть разрушена, однако, безъ разрушенія жизней всѣхъ составляющихъ его единицъ, и наоборотъ, если никакая катастрофа не сократитъ насильственно жизнь аггрегата, то эта жизнь продолжается, несмотря на отмираніе отдѣльныхъ, составляющихъ части цѣлаго, единицъ. И эта мысль Спенсера поясняется лишь примѣрами. Такъ, у холоднокровныхъ животныхъ рѣснитчатыя клѣточки продолжаютъ выполнять свои движенія долго послѣ того, какъ животное, часть коего онѣ составляютъ, представляетъ недвижный трупъ [1]); мышечныя волокна долго еще послѣ смерти цѣлаго сохраняютъ свою способность къ сокращенію; сердце продолжаетъ свою дѣятельность и нѣкоторое время послѣ того, какъ будетъ вырѣзано изъ тѣла животнаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ разрушеніе жизни аггрегата безъ единовременнаго разрушенія жизней всѣхъ составляющихъ его частей. Такимъ же образомъ въ обществѣ промышленная дѣятельность, напримѣръ, можетъ быть остановлена насильственнымъ образомъ (положимъ, вслѣдствіе вторженія варваровъ)—и въ то же время дѣятельность всѣхъ составляющихъ это общество единицъ можетъ быть и не остановленной.—Съ другой стороны, какъ указано, выше, Спенсеръ находитъ, что мелкіе живые элементы организма, сыгравъ свою роль въ общей экономіи тѣла, умираютъ,

---

[1]) Въ сущности говоря, это положеніе ничего не доказываетъ, ибо если анестезирующія вещества, умерщвляющія инфузорію, и не останавливаютъ дѣйствительно еще долгое время движенія рѣснитчатыхъ клѣточекъ, то лишь потому, что движенія эти обязаны главнымъ образомъ процессу окисленія, т е причинѣ внѣшней, а не имманентной организму. См. *Ле-Дантека*, Живое вещество, перев съ франц., Москва 1898 г., стр. 41—42 и примѣч

разрушаются и замѣняются другими такими же клѣточками, а самъ организмъ продолжаетъ существовать Такъ, въ нижнемъ слоѣ кожи идетъ постоянное образованіе новыхъ клѣточекъ путемъ дѣленія. По мѣрѣ своего роста, эти клѣточки выдвигаются кнаружи, сплющиваются, превращаются въ наружный эпителій и, наконецъ, отшелушиваются и отпадаютъ, уступая свои мѣста лежащимъ ниже, болѣе молодымъ клѣткамъ То же самое имѣетъ мѣсто и въ обществѣ: и здѣсь происходитъ постоянная смѣна единицъ, а цѣлое продолжаетъ жить. Какъ въ обществѣ, такъ и въ организмѣ отправленія разныхъ частей слагаются изъ дѣятельностей множества единицъ (клѣточекъ). Умираніе этихъ клѣточекъ (органическихъ и соціальныхъ) и замѣщеніе ихъ новыми не вліяетъ чувствительнымъ образомъ на то отправленіе, въ которомъ онѣ принимали участіе. Вслѣдствіе этого въ соціальномъ организмѣ, какъ и въ индивидуальномъ, является жизнь цѣлаго, совершенно отличная отъ жизни отдѣльныхъ единицъ, хотя и слагающаяся изъ этихъ послѣднихъ. (*Спенсеръ*, Основ соціологіи, стр. 284),

Отмѣтивъ всѣ вышеуказанныя черты сходства между организмомъ и обществомъ, Спенсеръ переходитъ къ разсмотрѣнію чертъ несходства. (См. Основанія соціологіи, изд 98 г. стр. 284 и слѣд., изд. 1877 г. т. II, стр. 508 и слѣд). Первое несходство отмѣчаемое Спенсеромъ (и до сихъ поръ неопровергнутое органицистами), состоитъ въ томъ, что части животнаго образуютъ конкретное цѣлое, въ то время какъ части общества *дискретны* Составныя части организма тѣсно и матерьяльно соединены между собою, соприкасаются другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ члены общества не связаны матерьяльно, свободны, не соприкасаются другъ съ другомъ, но разсѣяны болѣе или менѣе далеко другъ отъ друга. Спенсеръ, однако, не придаетъ этому различію особеннаго значенія и даже полагаетъ, что оно ничуть не противорѣчитъ принимаемой имъ аналогіи Дѣло въ томъ, что соціальный организмъ, хотя и представляетъ цѣлое, части коего разсѣяны, но матерьяльная связь составляющихъ его единицъ замѣняется связью эмоціональнаго и интеллектуальнаго языка Второй контрастъ между обществомъ и организмомъ, вытекающій изъ перваго заключается по Спенсеру въ отсутствіи *соціальнаго сенсоріума*. Дѣло въ томъ, что раздѣльность соціальнаго организма не препятствуетъ раздѣленію отправленій и взаимной зависимо-

сти частей, но она все же не позволяетъ подобной дифференціаціи дойти до такого предѣла, чтобы одна часть сдѣлалась органомъ чувства и мысли (сенсоріумъ), а остальныя части, взамѣнъ того, утратили совершенно всякую чувствительность. Такимъ образомъ, различіе заключается въ томъ, что въ организмѣ сознаніе сконцентрировано въ одной части цѣлаго, въ другомъ оно присуще каждой части отдѣльно. Вслѣдствіе этого благосостояніе цѣлаго, разсматриваемое отдѣльно отъ благосостоянія частей, никогда не можетъ считаться цѣлью общественныхъ стремленій. Общество существуетъ для блага своихъ членовъ, а не члены—для общества. Но и указанное отличіе общества отъ организма не существенно, по мнѣнію Спенсера, ибо оно не влечетъ за собою различія со стороны законовъ организаціи, которые одинаковы въ обоихъ случаяхъ, ибо необходимое условіе каждой организаціи, а именно—возможность для всѣхъ частей организма *вліять* другъ на друга, существуетъ и въ обществѣ, хотя оно выполняется здѣсь не прямымъ, а косвеннымъ путемъ.

Установивъ общія основанія для проведенія аналогіи между обществомъ и организмомъ, Спенсеръ разсматриваетъ сходство между ними болѣе детально, и именно со стороны роста общества, строенія его, общественныхъ отправленій, системы органовъ, системы питанія, распредѣлительной системы и регулятивной системы. Вотъ вкратцѣ—въ чемъ заключается эта часть ученія Спенсера. Общества растутъ подобно живымъ тѣламъ; они начинаютъ существованіе съ зародышевыхъ формъ, небольшихъ группъ, иногда заключающихся въ простыхъ парахъ, какъ, напримѣръ, живутъ и нынѣ лѣсные Веддахи Самый ростъ соціальнаго организма совершается при помощи двухъ процессовъ, дѣйствующихъ то порознь, то вмѣстѣ,—именно, путемъ размноженія и путемъ соединенія группъ въ большіе аггрегаты. Ростъ общества проявляетъ еще и другую аналогію съ ростомъ организма. Интеграція проявляется также одновременнымъ увеличеніемъ связей между отдѣльными частями группы. Что касается строенія общества, то оно, какъ и у живыхъ существъ, усложняется вмѣстѣ съ возрастаніемъ массы. Чѣмъ сложнѣе группа, тѣмъ значительнѣе раздѣленіе труда. Дифференціація строенія общества, какъ и организма, подвигается всегда отъ болѣе общаго къ болѣе спеціальному. Прежде всего появляются широкія и простыя отличія между частями; затѣмъ, въ каждой изъ этихъ грубо-обозначенныхъ частей

наступаютъ измѣненія, раздѣляющія ее на несходные между собою отдѣлы; въ этихъ послѣднихъ строеніе снова дифференцируется и такъ далѣе Такъ, у простыхъ племенъ, на раннихъ ступеняхъ аггрегаціи, мы находимъ въ одномъ лицѣ и колдуна, и жреца, и гадателя, и доктора Съ прогрессомъ общественной интеграціи являются здѣсь заразъ и различія со стороны дѣятельности, и различія со стороны сана Напр., новозеландцы отличаютъ жрецовъ отъ колдуна, у каффровъ, кромѣ гадателей и колдуновъ, существуетъ еще два класса лѣкарей, дѣйствующихъ различными средствами. Еще въ болѣе сложномъ обществѣ, въ древней Мексикѣ, колдуны отличались отъ жрецовъ, а послѣдній классъ распадался на нѣсколько различныхъ отдѣловъ: жертвоприносителей, гадателей, пѣвцовъ, наставниковъ юношества и т. д. Здѣсь же между жрецами существовала и градація относительно высоты занимаемаго сана Жрецы-астрологи древнихъ расъ были прародителями нашего ученаго класса, который распался теперь на такое множество разнообразнѣйшихъ специальныхъ группъ

Дальнѣйшая аналогія въ строеніи организма и общества заключается въ поразительномъ, по мнѣнію Спенсера (Основ. соціологіи, стр 296), сходствѣ со стороны внутренняго устройства органовъ того и другаго: и тамъ, и здѣсь эти органы оказываются построенными на основаніи одного и того же принципа. Такъ, всякій внутренній органъ въ живомъ существѣ обладаетъ аппаратами для доставленія ему питанія, для распредѣленія и удаленія продуктовъ и для регулированія его дѣятельности, ослабленія и усиленія таковой. Хотя, напримѣръ, печень и почка сильно отличаются одна отъ другой и по внѣшнему виду, и по гистологическому строенію, и по выполняемымъ ими отправленіямъ, однако каждая изъ нихъ имѣетъ свою систему артерій, свою систему венъ и свою систему лимфатическихъ сосудовъ; въ каждой изъ нихъ имѣется своя система развѣтвленныхъ канальцевъ для выведенія ея специфическаго выдѣленія и своя система нервовъ для регулированія ихъ функцій То же самое, говоритъ Спенсеръ, мы видимъ и въ обществѣ. Каждая группа гражданъ, образующая собою органъ, производящій какой-нибудь продуктъ на пользу всего народа, обладаетъ извѣстною суммою вспомогательныхъ приспособленій, напримѣръ аппараты, занятые доставленіемъ сырья, аппараты, занятые собираніемъ и отсылкою заготовля-

емыхъ продуктовъ и т п Существуетъ и еще аналогія въ строеніи общества и организма. Развитіе органовъ въ живомъ существѣ проходитъ чрезъ три ступени, которыя Спенсеръ называетъ первичною, вторичною и третичною Такимъ же образомъ совершается и развитіе общественныхъ органовъ У низшихъ животныхъ вовсе не существуетъ органовъ, а лишь извѣстное число специфическихъ единицъ, не соединившихся еще въ одинъ общій органъ Эта форма вполнѣ аналогична съ зачаточною формой любого промышленаго органа въ обществѣ: каждый работникъ ведетъ свое дѣло въ одиночку и самъ сбываетъ потребителю плоды своихъ трудовъ. Вторая ступень развитія органа представляетъ собой явленіе тѣсно сплоченныхъ клѣточекъ, цѣлую семью клѣтокъ То же самое мы наблюдаемъ въ полу-цивилизованныхъ обществахъ, въ которыхъ спеціальныя занятія отца переходятъ къ его дѣтямъ и образуются ремесленные роды. Таковъ именно былъ порядокъ въ Перу, Мексикѣ, въ средневѣковой Франціи и т. п (остатокъ такого устройства заключается въ названіи улицъ по ремесламъ: кузнечная, мясницкая и т. п) Такая же аналогія въ строеніи органовъ живаго существа и общества наблюдается и на третьей ступени ихъ развитія, гдѣ усовершенствованному органу живаго существа соотвѣтствуетъ въ обществѣ переходъ отъ домашняго способа производства къ производству фабричному.

Переходя къ разсмотрѣнію общественныхъ функцій, Спенсеръ замѣчаетъ и здѣсь полное сходство организма съ обществомъ. И тамъ и здѣсь низкая организація отличается сравнительною независимостью частей другъ отъ друга, а высокая—наоборотъ, —такою сильною зависимостью каждой части отъ всѣхъ остальныхъ, что разлученіе ихъ должно вести къ гибели. Вотъ почему самопроизвольное или искусственное раздѣленіе низшаго организма остается почти безъ вліянія на жизнь отдѣльныхъ частей. Вотъ почему, и подобно низшему организму, кочующая кучка первобытныхъ людей, однородная по составу, не имѣющая надъ собою главы, раздробляется на части безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Въ высокоорганизованныхъ аггрегатахъ, индивидуальныхъ и общественныхъ, дѣло обстоитъ иначе. Раздѣлить высокоорганизованный индивидуальный аггрегатъ — значитъ убить его. Хотя въ соціальномъ организмѣ подобное изувѣченіе и не влечетъ такихъ серьезныхъ послѣдствій, но все же эти послѣдствія

очень значительны Стоитъ отрѣзать хлопчатобумажный округъ отъ Ливерпуля и другихъ портовъ, чтобы его промышленность немедленно же остановилась, а за остановкою послѣдней послѣдовало бы вымираніе его населенія.

Дальнѣйшая функціональная черта, общая обоимъ родамъ организмовъ, заключается, по Спенсеру, въ слѣдующемъ Когда части еще мало дифференцированы, онѣ могутъ сравнительно легко выполнять другъ за друга различныя отправленія; но когда дифференціація ихъ уже очень значительна, онѣ могутъ исполнять функціи другъ друга лишь очень несовершенно, или даже вовсе не могутъ дѣлать этого. Такъ, полипъ имѣетъ слѣдующее свойство. Каждое изъ этихъ мѣшкообразныхъ твореньицъ можетъ быть вывернуто, какъ перчатка, внутренней стороной кнаружи, а наружной внутрь, такъ что внѣшній покровъ станетъ желудкомъ, а желудокъ—кожей, причемъ каждый изъ нихъ начинаетъ исполнять роль другого. (Основ. соціологіи, стр. 303) [1]). Но чѣмъ выше строеніе живого существа, тѣмъ подобный обмѣнъ затруднительнѣй То же самое мы наблюдаемъ и въ общественныхъ организмахъ Въ первобытныхъ обществахъ съ однороднымъ населеніемъ замѣна одного члена общества другимъ происходитъ легко, ибо оба одинаково приспособлены къ дѣйствующимъ въ группѣ соціальнымъ функціямъ. Въ обществѣ же развитомъ обученіе и воспитаніе, требующіяся для успѣшнаго выполненія какой либо спеціальной обязанности, обусловливаютъ уменьшеніе пригодности къ выполненію другихъ, сильно отличающихся отъ нихъ, спеціальныхъ обязанностей. Наконецъ, и въ обществѣ и въ организмѣ, ограниченія дѣятельности органовъ, ихъ спеціализація, связаны съ выполненіемъ этими органами своей задачи съ большимъ совершенствомъ, отъ чего возрастаетъ и самая сумма дѣятельности, или, что-то же, жизнь общества или организма.

Разсматривая системы органовъ живого существа и общества, Спенсеръ замѣчаетъ, что органы начинаютъ свое развитіе

---

[1]) Теперь установлено, что опыты Трамблея, на которыхъ основываетъ это утвержденіе Спенсеръ (а также и Вундтъ „Душа человѣка и животныхъ"), были произведены небрежно и что „гидру вывернуть на изнанку, разумѣется, можно, но жить въ такихъ условіяхъ животное не можетъ, ибо внутренній его слой функціонируетъ иначе, чѣмъ наружный" (*Владиміръ Вагнеръ* Вопросы Зоопсихологіи, С-Петероургъ, 1896 г. стр 30).

одинаковымъ образомъ. Сначала отдѣляется система органовъ внѣшнихъ отъ внутреннихъ, потомъ начинаетъ выдѣляться распредѣлительная система, лежащая между двумя предыдущими и облегчающая ихъ кооперацію Низшіе типы соціальныхъ организмовъ не обладаютъ распредѣлительными системами, въ нихъ еще нѣтъ ни устроенныхъ для этого путей сообщенія, ни торговцевъ. Развитіе того и другого идетъ постепенно, соразмѣрно съ ростомъ и одновременнымъ усложненіемъ строенія общества, связаннымъ съ спеціализаціей занятій

Вслѣдъ затѣмъ Спенсеръ дѣлаетъ обзоръ возникновенія и постепеннаго развитія системъ, которыя отмѣчены выше, именно системъ внутреннихъ—или питанія, системы распредѣлительной (раздѣленіе труда физіологическое и соціологическое; сосудистыя системы у высшихъ животныхъ и дороги, обыкновенныя и желѣзныя въ развитыхъ обществахъ) и системы регулятивной Аналогія подчиненія мѣстныхъ правящихъ центровъ общему правящему центру въ организмѣ и въ обществѣ, постепенное образованіе сложной регулирующей системы для избѣжанія антагонизма частей, дѣятельность этихъ правящихъ центровъ путемъ посредственнаго, непрямого, воспріятія свѣдѣній и передачи приказаній (ощущенія и импульсы); средства сообщенія, при помощи которыхъ правящій центръ вліяетъ на части, увеличеніе быстроты этой передачи, по мѣрѣ роста строя всего цѣлаго, наконецъ, самая спеціализація управленія цѣлымъ—все это, по Спенсеру является совершенно одинаковымъ въ организмѣ и въ обществѣ, и все это оправдываетъ положеніе, выставленное въ началѣ разсужденій—что общество есть организмъ

Классификація Спенсера обществъ по ихъ типу и составу не представляетъ столь существеннаго интереса для нашей непосредственной задачи, чтобы мы считали возможнымъ злоупотреблять вниманіемъ читателя.

Мы старались дать возможно болѣе подробное изложеніе теоріи Спенсера, какъ потому, что онъ первый изложилъ стройную систему общественнаго организма, такъ потому, что всѣ дальнѣйшія построенія органицистовъ являются лишь развитіемъ идей Спенсера, съ весьма незначительными отклоненіями, такъ и потому, что съ появленіемъ труда Спенсера начинается въ соціологіи до сихъ поръ не прекращающійся споръ за и противъ данной теоріи и что, наконецъ, наиболѣе обстоятельная критика органиче-

ской теоріи является вмѣстѣ съ тѣмъ критикой изложеннаго нами ученія Спенсера. При изложеніи этой критики мы одновременно отмѣтимъ еще нѣкоторыя частности ученія Спенсера, изложенныя имъ въ другихъ отдѣлахъ его громаднаго курса синтетической философіи, укажемъ встрѣчающіяся у самаго Спенсера противорѣчія съ имъ же отстаиваемыми положеніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснимъ идеологію сторонниковъ органической теоріи общества.

Органическая теорія представляется столь важной соціологической доктриной, принятіе ея связано съ столь серьзными практическими послѣдствіями, что всякій человѣкъ, отдающій себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ и въ поставляемыхъ себѣ жизненныхъ задачахъ, долженъ разъ на всгда рѣшить вопросъ о томъ, истинна или ложна эта теорія. Вотъ почему столь подробное изложеніе этой теоріи казалось намъ далеко нелишнимъ и вотъ почему мы полагаемъ посвятить дальнѣйшія наши бесѣды съ читателемъ критикѣ взглядовъ Спенсера, изложенію теорій другихъ органицистовъ (главнымъ образомъ Лиліенфельда, Новикова, Рене Вормса. Шеффле и Фуллье) и, наконецъ, критикѣ этихъ послѣднихъ теорій.

III

Спенсерова формула эволюціи и его органич. ученіе

Гиддингсъ, трудъ котораго „The Principles of Sociology“ переведенъ на всѣ европейскіе языки, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе по поводу соціологическаго ученія Спенсера. „Большинство писателей, произносившихъ свои приговоры соціологическимъ доктринамъ Спенсера, не обратили своего вниманія на тѣ принципы, изъ которыхъ были выведены его заключенія. Они искали его соціологическую систему въ тѣхъ его книгахъ, которыя носятъ соціологическія заглавія, тогда какъ въ дѣйствительности основныя теоремы его соціологической мысли разсыпаны по всей второй половинѣ его сочиненія, озаглавленнаго „First Principles“ (Основныя начала), и требуютъ нѣкотораго труда отъ читателя, который захотѣлъ бы собрать ихъ вмѣстѣ. Эти теоремы, взятыя вмѣстѣ, служатъ истолкованіемъ соціальныхъ измѣненій посредствомъ тѣхъ законовъ постоянства силы, направленія и ритма движенія, интеграціи матеріи и дифференціаціи формы, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ хорошо знакомую Спенсеровскую форму-

лу всемірной эволюціи" (*Гиддингсъ*, Основанія Соціологіи, переводъ Спиридонова. Москва 1898 г., стр 9) Указаніе Гидингса совершенно вѣрно въ томъ отношеніи, что для уразумѣнія ученія Спенсера и правильной оцѣнки его теоріи и допущенныхъ имъ ошибокъ—требуется разсмотрѣніе взглядовъ Спенсера, изложенныхъ въ „Основаніяхъ Соціологіи" въ связи съ его же взглядами на данный предметъ, приведенными имъ въ другихъ трудахъ (не только въ „Основныхъ началахъ", а также въ „Опытахъ", „Основаніи біологіи" и „The man versus the Stat"), а также въ связи съ основнымъ ученіемъ Спенсера о сущности эволюціи вообще и ея законовъ Замѣтимъ, однако, что упрекъ, сдѣланный Гиддингсомъ критикамъ Спенсера, не относится къ Н К Михайловскому и Полю Барту, въ чемъ читатель убѣдится изъ дальнѣйшаго изложенія

Изъ только-что сказаннаго очевидно, что приведенное нами въ предыдущемъ очеркѣ изложеніе теоріи Спенсера требуетъ пополненія изложеніемъ Спенсеровой формулы всемірной эволюціи, въ связи съ которой стоитъ и его соціальная доктрина, составляющая только приложеніе основаній этой формулы къ явленіямъ соціальнаго міра. Это разъ. Во вторыхъ, какъ это и замѣчено многими критиками Спенсера, для правильнаго пониманія доктрины Спенсера и допущенныхъ имъ ошибокъ необходимо имѣть въ виду именно предшествующую подготовку Спенсера какъ эволюціониста. По мнѣнію, напримѣръ, Барта глубокое знакомство Спенсера съ біологіей сказалось роковымъ образомъ на соціологической доктринѣ его и именно сказалось перенесеніемъ законовъ органической жизни въ жизнь соціальную. Такъ, напримѣръ, главное основаніе къ отождествленію общества съ организмомъ, какъ мы уже знаемъ, заключается въ присущемъ тому и другому сходствѣ законовъ роста и структуры. Это сходство приводитъ къ тому, что оба ряда явленій сводятся къ одному закону эволюціи, который формулированъ Спенсеромъ въ его „Основныхъ началахъ" и который въ свою очередь въ простѣйшемъ видѣ сводится къ формулѣ, по которой развитіе идетъ отъ неустойчиваго равновѣсія однороднаго къ устойчивому равновѣсію разнороднаго. Отсюда необходимость болѣе подробнаго знакомства съ этой частью ученія Спенсера. Это два. Въ третьихъ ученіе Спенсера объ общественномъ организмѣ стоитъ въ связи съ его политическимъ міровоззрѣніемъ. хотя эта связь Спенсеромъ понята неправильно

и хотя его научная теорія должна бы его привести къ совершенно инымъ заключеніямъ въ смыслѣ идеологическомъ Отсюда необходимость ознакомленія съ этими сторонами философіи Спенсера. Это три. Наконецъ, независимо только что указаннаго, должно признать, что коренное основаніе заблужденій Спенсера лежитъ въ той абсолютной объективности, съ какою онъ стремится изучить міръ общественныхъ явленій и благодаря которой онъ исключилъ, какъ мы это показали при изложеніи ученія Спенсера, изъ науки терминъ „прогрессъ“ и замѣнилъ его терминомъ „эволюція“. Мы увидимъ при изложеніи взглядовъ Н. К Михайловскаго на этотъ предметъ, что въ этомъ лежитъ одно изъ главнѣйшихъ основаній ошибочности теоріи общественнаго организма

Мы намѣтили выше четыре основанія ошибокъ Спенсера и тѣмъ самымъ опредѣлили сущность предлежащей намъ задачи. Нужно, однако, замѣтить, что этимъ критика взглядовъ Спенсера не можетъ ограничиться. Для полноты таковой необходимо указать, что самое существо ученія Спенсера ошибочно въ разныхъ отношеніяхъ и независимо отъ личности Спенсера, какъ ученаго и носителя извѣстныхъ идеаловъ. Одною изъ такихъ ошибокъ является неопредѣленность его соціологическаго ученія въ двухъ весьма важныхъ отношеніяхъ. При той стройной системѣ, которую далъ Спенсеръ, наше утвержденіе о неопредѣленности его ученія можетъ показаться неожиданнымъ и все-же мы полагаемъ возможнымъ доказать, что ученіе Спенсера страдаетъ неопредѣленностью во первыхъ въ отношеніи того, что въ соціальномъ мірѣ считаетъ онъ организмомъ—политическое-ли общество, національное-ли, или религіозное и т. д. или каждое изъ нихъ и всѣ вмѣстѣ и, наконецъ, быть можетъ все человѣчество составляетъ одинъ организмъ? Во вторыхъ ученіе Спенсера не даетъ категорическаго отвѣта на вопросъ о томъ, что является единицей, клѣточкой соціальнаго организма? А когда такой отвѣтъ и дается Спенсеромъ, то въ однихъ случаяхъ онъ невѣренъ, а въ другихъ оказывается неоднообразнымъ и „клѣточкой“ общественнаго организма являются совершенно различныя по природѣ своей институты, явленія и проч. Такимъ образомъ, помимо необходимости ознакомленія съ Спенсеровой формулой эволюціи, съ его идеологіей и политическими взглядами, оказывается, необхо-

димымъ хотя бы кратко указать на то, что Спенсеръ называетъ соціальнымъ организмомъ и что—соціальной клѣточкой

Но и это еще не все. Мы видѣли, что вся соціологическая доктрина Спенсера основана на аналогіи Мы должны будемъ оцѣнить этотъ методъ по своему существу и по значенію его для основательности дѣлаемыхъ заключеній. При чемъ это послѣднее должно быть опредѣлено лишь въ связи съ тѣмъ, какъ примѣняетъ этотъ методъ Спенсеръ, т. е. въ связи съ исключительностью его, безъ сопутственнаго примѣненія другихъ пріемовъ изученія явленій, установленныхъ научной методологіей Правда, эта сторона дѣла не требуетъ никакихъ добавленій къ изложенію теорій Спенсера, но указаніе нами сдѣлано лишь для того, чтобы читатель сразу былъ посвященъ въ существо и объемъ предначертанной нами себѣ задачи.

Еще одно предварительное замѣчаніе Спенсеръ, установивъ полную аналогію между обществомъ и организмомъ, намѣчаетъ и ихъ различія, но при этомъ онъ привелъ не всѣ тѣ различія, которыя онъ самъ ранѣе установилъ въ другомъ своемъ трудѣ. Вслѣдствіе сего дополненіе этой части доктрины Спенсера или, вѣрнѣе говоря, дополненіе аргументовъ противъ этой доктрины, дополненіе составляющее главное содержаніе трудовъ почти всѣхъ критиковъ Спенсера,—является необходимымъ. Само собою понятно, что при этомъ необходима и провѣрка мнѣнія Спенсера о тождествѣ физіологическаго и соціальнаго (respective-экономическаго) раздѣленія труда.

Итакъ, вотъ вопросы, на которыхъ намъ предстоитъ остановиться: 1) въ чемъ состоитъ Спенсерова теорія эволюціи и какова ея связь съ его соціологической доктриной; 2) почему установленіе этой формулы составляетъ основаніе ошибокъ Спенсера при изложеніи эволюціи соціальной; 3) въ чемъ заключается ошибочность формулы эволюціи безотносительно къ идеологіи Спенсера; 4) въ чемъ сказалось вліяніе политическаго міровоззрѣнія Спенсера на его научной доктринѣ, 5) въ чемъ заключается недостаточность методовъ Спенсера и каково вліяніе этихъ методовъ на существо его ученія, 6) въ чемъ заключаются противорѣчія въ доктринѣ Спенсера и неопредѣленность разныхъ частей ея и 7) наконецъ, каковы отрицательныя стороны аналогіи, т. е. въ чемъ заключаются различія организма и общества и не является-ли вслѣдствіе этого различія мнѣніе Спенсера о томъ, что об-

щество есть сверхъ-организмъ достаточнымъ основаніемъ для отрицанія тождества его съ организмомъ Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ покажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ чемъ заключается истинная цѣнность данныхъ біологіи для соціологіи и равнымъ образомъ освѣтитъ вопросъ и о томъ, составляетъ-ли соціологія простую разновидность біологіи или должна она быть выдѣлена въ самостоятельную науку, отдѣленную въ классификаціи наукъ отъ біологіи еще однимъ промежуточнымъ звѣномъ

Послѣ этого небольшаго отступленія, вызываемаго серьезностью вопроса, мы обратимся къ тѣмъ дополненіямъ къ сдѣланному нами ранѣе очерку теоріи Спенсера, сущность которыхъ только-что нами намѣчена.

Въ основѣ эволюціонной теоріи, хотя и развитой съ надлежащей научной полнотой только въ недавнее время Дарвиномъ и Спенсеромъ, лежитъ такъ называемый законъ Бэра Это именно законъ постепеннаго и постояннаго усложненія, усовершенствованія организаціи. Формула эволюціи развита Спенсеромъ въ его „Основныхъ Началахъ“. Вотъ, вкратцѣ, аргументація Спенсера Исторія чего бы то ни было состоитъ въ переходахъ отъ состоянія неощутимаго къ ощутимому и вновь отъ послѣдняго къ неощутимому. Это неощутимое представляется наиболѣе простымъ, разсѣяннымъ и переходъ заключается въ усложненіи, сгущеніи. Вслѣдствіе сего простѣйшая формула эволюціи заключается въ переходѣ отъ простого къ сложному, представляющемся по внутреннему своему содержанію интеграціей, сплоченіемъ. Вслѣдъ за интеграціей наступаетъ разложеніе или дезинтеграція. Интеграція связана съ разсѣяніемъ движенія. Это положеніе требуетъ поясненія. Каждый аггрегатъ значительно разрѣженный, т. е. незначительно интегрированный, заключаетъ въ себѣ много движенія и, наоборотъ, вполнѣ интегрированный, т. е уже и сложный, аггрегатъ заключаетъ въ себѣ сравнительно мало движенія, т. е движеніе въ такомъ аггрегатѣ представляется значительно разсѣяннымъ. Такъ напримѣръ, тѣло химически устойчивое обладаетъ незначительнымъ молекулярнымъ движеніемъ и, по мѣрѣ увеличенія этого послѣдняго, устойчивость ослабляется, тѣло становится жижѣ. (*Спенсеръ*, Основныя Начала, §§ 98—106). Исторія солнечной системы, образованіе земной коры, ростъ растѣнія, который заключается въ концентраціи имъ элементовъ, бывшихъ до того разрѣженными (газы),—все это примѣры перехода простаго къ слож-

ному, отъ неощутимаго къ ощутимому, отъ разрѣженнаго къ сплоченному,—все это интеграція массы, соединенная съ разсѣяніемъ движенія. То-же самое мы видимъ въ процессѣ интеграціи социальныхъ группъ. Соединеніе мелкихъ владѣній въ болѣе крупныя, послѣднихъ въ провинціи и, наконецъ, провинціи въ королевства и послѣднихъ въ большія имперіи—все это примѣры социальной интеграціи, заключающейся въ переходѣ отъ простого къ сложному (Ibidem § 111) Итакъ, формула эволюціи представляется теперь въ такомъ видѣ: это переходъ отъ менѣе связной формы къ болѣе связной, заключающійся въ интеграціи вещества и разсѣяніи движенія Далѣе. Когда что-либо интегрируетъ, то одновременно съ цѣлымъ усложняются и его части Это ведетъ къ внутреннему усложненію цѣлаго путемъ расчлененія частей, заключающагося въ томъ, что однѣ части начинаютъ отличаться отъ другихъ. Не будь этого, цѣлое оставалось бы простымъ, ибо сходство частей есть однородность цѣлаго. Иначе говоря, интеграція цѣлаго сопутствуется дифференціаціей частей, вслѣдствіе чего цѣлое переходитъ отъ однороднаго къ разнородному. Переходъ отъ однороднаго къ разнородному, говоритъ Спенсеръ, достаточно проявляется въ процессѣ развитія самаго разнороднаго созданія—человѣка Здѣсь Спенсеръ имѣетъ въ виду измѣненіе типа цивилизованнаго человѣка и большую разнородность самаго вида, благодаря размноженію рассъ и дифференцированію ихъ другъ отъ друга. Исторія человѣческаго общества также начинается съ почти однороднаго аггрегата, начинающаго по мѣрѣ роста расчленяться и дошедшаго до современнаго крайне разнороднаго состава. Итакъ эволюція представляется переходомъ отъ простой, безсвязной однородности къ сложной, связной разнородности, переходомъ, связаннымъ съ интеграціей матеріи и разсѣяніемъ движенія или, проще говоря, чѣмъ цѣлое *сплоченнѣе, тѣмъ оно и разнороднѣе*. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ это сплоченіе связано съ разсѣяніемъ (уменьшеніемъ) движенія, то это сплоченное разнородное тѣло и болѣе *устойчиво*: уменьшеніе движенія—основаніе для меньшаго количества колебанія цѣлаго. Попробуйте, читатель примѣнить эту формулу къ человѣческому обществу (какъ это и дѣлаетъ Спенсеръ) и вы увидите, что дѣло становится серьезнымъ: если устойчивость зависитъ отъ разнородности, то послѣдняго и нужно желать. А такъ какъ современное западно-европейское общество является типомъ разнороднаго цѣлаго, то оно же пред-

ставляется и желательнымъ. Сколько бы вашему нравственному міровоззрѣнію ни претилъ подобный выводъ, но противъ непреложности научнаго закона ничего не подѣлаешь Ясно стало быть, что необходимо рѣшить, таковъ ли дѣйствительно научный законъ и если даже таковъ, то приложимъ ли онъ къ явленіямъ соціальной жизни. Очевидно, что нами не напрасно предпринято ознакомленіе съ формулой эволюціи и что, какъ бы читателю ни казалось изложеніе сухимъ, онъ долженъ вооружиться терпѣніемъ, чтобы затѣмъ правильно судить о вопросѣ, вся важность котораго очевидна сама по себѣ

Итакъ, эволюція заключается въ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному. Едва на однородное цѣлое начинаетъ дѣйствовать какая-либо сила, какъ это цѣлое начинаетъ дифференцироваться, переходитъ къ разнородному. Но этого мало: этотъ переходъ представляется такъе измѣненіемъ неопредѣленнаго въ опредѣленное, въ томъ смыслѣ, что неопредѣленное, безпорядочное распредѣленіе частей въ простомъ цѣломъ переходитъ къ распредѣленію опредѣленному, къ порядку частей. Такъ, безпорядочная, разсѣянная матерія переходитъ къ болѣе сложному и опредѣленному строенію солнечной системы, такъ стало болѣе опредѣленнымъ строеніе земли, и прекращеніе смѣшенія теплоты солнца съ теплотой земли выразилось въ болѣе опредѣленномъ распредѣленіи климатовъ и временъ года Такимъ же образомъ бродячее племя дикарей, неустойчивое ни по своему устройству, ни по занимаемой территоріи, представляется и менѣе опредѣленнымъ въ относительномъ положеніи своихъ членовъ, чѣмъ то же положеніе ихъ въ организованномъ, устойчивомъ обществѣ. Рядомъ съ изложенными измѣненіями строенія развивающагося тѣла происходитъ и развитіе функцій его, т. е измѣненіе движенія, которое, хотя и уменьшается (разсѣивается), но все же не окончательно уничтожается. Вотъ это-то остающееся движеніе въ свою очередь перестаетъ быть безпорядочнымъ, неопредѣленнымъ и снова дифференцируется. Такимъ образомъ формула эволюціи представляется въ слѣдующемъ видѣ *Эволюція есть интеграція матеріи и сопутствующее ей разсѣяніе движенія, причемъ матерія переходитъ отъ состоянія неопредѣленной, безсвязной однородности къ состоянію опредѣленной, связной разнородности, а сохраненное движеніе претерпѣваетъ параллельныя измѣненія* (Основныя начала § 145).

Раньше было сказано, что, по мнѣнію Спенсера, за завершеніемъ цикла интеграціи слѣдуетъ дезинтеграція или разложеніе (диссолюція) Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой стороны вопроса, Спенсеръ останавливается на связи описанныхъ имъ явленій эволюціи съ законами направленія силы и ритма движенія Остановимся вкратцѣ и на этомъ, ибо здѣсь то и лежитъ коренное основаніе всей системы Спенсера

При бѣгломъ обзорѣ Спенсеровой формулы эволюціи мы видѣли, что таковая заключается прежде всего въ переходѣ отъ простаго къ сложному, причемъ матерія претерпѣваетъ измѣненія сама по себѣ (интегрируетъ и переходитъ къ связной и опредѣленной разнородности) и въ сопутствующемъ ей измѣненіи движенія, которое разнообразится и упорядочивается. Вмѣстѣ съ тѣмъ это есть переходъ отъ неустойчиваго къ устойчивому. Но чѣмъ вызывается этотъ переходъ и почему онъ именно таковъ, какимъ его описываетъ Спенсеръ? Это зависитъ, по мнѣнію Спенсера, отъ двухъ коренныхъ законовъ, одного характеризующаго матерію, которая подвергается эволюціи, и другаго, характеризующаго дѣйствіе силы, которая производитъ эволюцію Что эволюція вызывается приложеніемъ силы къ матеріи, понятно само по себѣ и подробностей этой стороны ученія Спенсера мы считаемъ возможнымъ не касаться. Гораздо важнѣе вопросъ о результатѣ дѣйствія силы на матерію. Результатъ этотъ, какъ указано, зависитъ отъ двухъ коренныхъ законовъ. Одинъ изъ нихъ характеризуетъ матерію Почему матерія переходитъ отъ простого къ сложному, отъ разсѣяннаго къ сплоченному, отъ неощутимаго къ ощутимому? Этотъ переходъ отъ простого къ сложному не представляетъ собою формулы на столько простой, чтобы дальнѣйшаго анализа ея нельзя было сдѣлать. Потому и принятіе ее за истину, понятную безъ дальнѣйшихъ объясненій, не можетъ быть допущено. Наоборотъ, законъ, характеризующій матерію, представляетъ, по мнѣнію Спенсера, истину, простѣйшая формула которой не допускаетъ дальнѣйшаго разложенія. Въ чемъ же состоитъ этотъ законъ? Спенсеръ формулируетъ его, какъ законъ несутойчивости однороднаго Все однородное неустойчиво—вотъ простѣйшая формула, могущая расчленяться уже не въ своей сущности, а лишь логически Доказывается это положеніе такъ-же просто, какъ проста формула. Раскаленное до-красна тѣло не можетъ оставаться равномѣрно нагрѣтымъ, вполнѣ уравновѣшенные вѣсы не сохра-

няютъ равновѣсія и т п. Вслѣдствіе этого эволюція начинается легко, какъ только къ однородному приложена сила Неустойчивость однороднаго не оказываетъ сопротивленія, и измѣненіе начинается Въ дальнѣйшемъ измѣненія эти продолжаются, ибо менѣе разнородное неустойчивѣе болѣе разнороднаго и вслѣдствіе этого оно превращается въ все менѣе однородное и потому болѣе устойчивое. Такимъ образомъ возрастаніе сложности матеріи—основа эволюціи—зависитъ отъ коренного свойства матеріи, выражающагося въ неустойчивомъ равновѣсіи однороднаго

Второй простѣйшій законъ характеризуетъ силу въ ея приложеніи къ матеріи (Основн. Начала § 159 и слѣд) Н. К. Михайловскій, который далъ наиболѣе полный и наиболѣе серьезный разборъ ученія Спенсера, излагаетъ вкратцѣ изложенную выше формулу эволюціи и затѣмъ поясняетъ, что характеристическія особенности всякихъ измѣненій сводятся для Спенсера, какъ и указано выше, къ двумъ трансцедентнымъ законамъ Второй изъ нихъ уже нами указанъ. Первый же формулируется такъ. „Каждая дѣйствующая сила производитъ болѣе одного дѣйствія“, или въ болѣе отвлеченномъ видѣ: „всякое измѣненіе сопровождается болѣе нежели однимъ измѣненіемъ“ Спенсеръ полагаетъ, что этотъ основной законъ измѣненій находится къ закону развитія въ такомъ же отношеніи, какъ законъ тяготѣнія къ законамъ Кеплера. Аргументація Спенсера на этомъ пунктѣ понятна и безъ тѣхъ многочисленныхъ примѣровъ, которыми онъ добросовѣстно обременяетъ свое изложеніе. Дѣло-то все въ томъ, что если каждое измѣненіе сопровождается болѣе нежели однимъ измѣненіемъ, то это должно вести все къ большему и большему усложненію результатовъ“ (*Михайловскій*, Сочиненія, изд. 1888 г т. IV, „Что такое прогрессъ“ стр. 26—27)

Такова формула эволюціи по Спенсеру и таковы основные законы, составляющіе ея основу. Мы видимъ здѣсь стройную систему, части которой взаимно зависятъ одна отъ другой и всѣ вмѣстѣ покоятся на двухъ неразложимыхъ истинахъ (трансцедентныхъ законахъ)— неустойчивости однороднаго и размноженія слѣдствій. Вся эта система находится въ полной связи съ теоріей Спенсера о соціальномъ организмѣ и пополняетъ въ этой системѣ все то, что въ ней оставалось недосказаннымъ. Эта же система даетъ и ключъ къ разъясненію той аналогіи, которая проводится Спенсеромъ между обществомъ и организмомъ. Дѣло въ

томъ, что если бы сходство общества и организма было бы только сходствомъ явленій того и другаго, т е аналогія была бы только феномологической, то заключеніе о *тождествѣ* сравниваемыхъ явленій не могло бы быть сдѣлано, ибо сходныхъ явленій можно указать много со стороны совершенно различныхъ по природѣ предметовъ, напримѣръ сходство движенія одушевленной особи и неодушевленнаго предмета. Если же присоединить къ сходству явленій еще и сходство управляющихъ этими явленіями законовъ, какъ это дѣлаетъ Спенсеръ и какъ это видно изъ сопоставленія его органической теоріи съ формулой эволюціи, примѣняемой и здѣсь и тамъ (въ „Основн Началахъ“ и „Основаніяхъ Соціологіи“) и къ міру соціальныхъ явленій, то сходство окажется не только феномологическимъ (сходствомъ явленій), но и сходствомъ номологическимъ (сходствомъ управляющихъ этими явленіями законовъ). А отсюда уже слѣдуетъ выводъ о тождествѣ сравниваемыхъ явленій. Такимъ образомъ болѣе подробное изученіе воззрѣній Спенсера привело насъ къ заключенію, что формула его „общество есть организмъ“ не составляетъ метафоры, а дѣйствительное тождество организма и общества, ибо всѣ явленія того и другаго и управляющіе этими явленіями законы одинаковы.

Такъ-ли это дѣйствительно или нѣтъ, мы увидимъ впослѣдствіи, а пока остановимся еще на одной сторонѣ ученія Спенсера, уже нами намѣченной выше. Выше было указано, что по мнѣнію Спенсера эволюція завершается разложеніемъ или дезинтеграціей Эволюція, говоритъ онъ, имѣетъ предѣлъ Всюду и всегда это движеніе по направленію къ равновѣсію. Предѣломъ разнородности, къ коему стремится всякій аггрегатъ, является такая комбинація и спеціализація (дифференціація) частей, которая соотвѣтствовала бы комбинаціи и спеціализаціи силъ подлежащихъ уравновѣшиванію (Осн. начала, § 170) Процессъ уравновѣшиванія силъ въ обществѣ видѣнъ изъ исторіи борьбы разныхъ направленій. Уже и теперь процессъ борьбы консерватизма и реформаторства находится въ такомъ періодѣ, когда колебанія становятся все рѣже и слабѣе; но онъ (процессъ) будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока равновѣсіе между борющимися силами не сдѣлается почти полнымъ. Установленіе подобнаго равновѣсія равносильно созданію такого соціальнаго устройства, когда человѣкъ не имѣетъ другихъ желаній, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть

имъ удовлетворены безъ нарушенія свойственной ему сферы дѣятельности и когда общество не налагаетъ на своихъ членовъ другихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя индивидъ добровольно признаетъ. Здѣсь мы уже видимъ опредѣленный политическій идеалъ Спенсера, заключающійся въ полномъ равновѣсіи общества, съ полнѣйшей спеціализаціей дѣятельности членовъ, съ полнымъ господствомъ индивидуализма. Прежде, чѣмъ указать соотвѣтственное воззрѣніе Спенсера въ его „Основаніяхъ Соціологіи", прослѣдимъ еще за дальнѣйшей аргументаціей Спенсера о разложеніи уравновѣшеннаго аггрегата Достигшій равновѣсія аггрегатъ все же подвергается вліянію всего окружающаго. И на эту уравновѣшанную матерію дѣйствуетъ сила Благодаря этому содержимое аггрегатомъ движеніе (которое, какъ мы видѣли, хотя все болѣе и болѣе разсѣивается, но все же не уничтожается, а остается) можетъ возрасти Такимъ образомъ части аггрегата получаютъ избытокъ движенія, равновѣсіе нарушается и начинается дезинтеграція (диссолюція).

Спенсеръ заканчиваетъ свои „Основанія Соціологіи" слѣдующимъ заключеніемъ. Если процессъ эволюціи будетъ продолжаться и въ будущемъ,—а этого обязательно слѣдуетъ ожидать,—чрезъ всѣ критическіе перевороты въ общественной жизни, чрезъ жизнь и смерть націй и вытѣсненіе одной расы другою, человѣческая природа будетъ постепенно совершенствоваться, въ смыслѣ приспособленія къ общественности, и въ концѣ концовъ это приспособленіе сдѣлается полнымъ.. Соціальная эволюція въ будущемъ (какъ и органическая эволюція), какъ и соціальная эволюція въ прошломъ, шагъ за шагомъ вырабатывая высшія общественныя формы, будетъ оставлять нетронутыми многія низшія, которыя, обособившись въ условіяхъ неблагопріятной почвы и климата, будутъ оставаться въ соціальномъ устройствѣ небольшихъ общинъ съ простой организаціей. Всѣ остальныя общества будутъ выполнять законъ эволюціи посредствомъ увеличенія разнородности и имѣющая при этомъ произойти интеграція, проявлявшаяся и до сихъ поръ въ образованіи все большихъ націй, достигнетъ еще болѣе высокой стадіи и дастъ еще болѣе благотворные результаты. Придетъ время, когда федерація высшихъ націй воспретитъ войны между націями, входящими въ составъ ея, и положитъ конецъ пережиткамъ варварства, постоянно подрывающимъ дѣло цивилизаціи. Тогда-то приспособленіе человѣка къ общественности,

которому постоянно препятствуютъ антиобщественные конфликты, будетъ совершаться безпрепятственно и съ одной стороны всѣ общества, входящія въ федерацію, будутъ сходны въ главныхъ чертахъ, вытекающихъ изъ *полнаго самогосподства единицы* (т. е человѣка), не чувствующей надъ собою никакого гнета, кромѣ *пассивнаго* вліянія аггрегата,—а съ другой—будетъ постепенно, путемъ постояннаго обузданія аггрессивныхъ инстинктовъ и выработки чувствъ, побуждающихъ къ служенію общему благу и путемъ отмѣны ограниченій, постепенно ставшихъ ненужными, вырабатываться человѣкъ такого склада, что его личныя желанія будутъ вполнѣ совпадать съ общественными потребностями и, удовлетворяя одни, онъ будетъ удовлетворять и другія Поэтому конечнымъ человѣкомъ будетъ такой человѣкъ, личныя требованія и нужды котораго будутъ совпадать съ общественными, такой, который, *самопроизвольно* удовлетворяя запросы своей природы, вмѣстѣ съ тѣмъ выполняетъ функціи соціальной единицы, и въ то же время потому только имѣетъ возможность поступать въ духѣ своей природы, что всѣ остальные дѣлаютъ тоже (т. е непринужденно). На этомъ Спенсеръ заканчиваетъ свое изложеніе (см. „Основанія Соціологіи“ т II § 853) Какъ видимъ и эта часть соціологическихъ воззрѣній вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что ранѣе имъ указано въ качествѣ необходимаго члена формулы эволюціи.

Изъ намѣченной выше программы нашей работы читатель можетъ усмотрѣть, что до сихъ поръ нами данъ отвѣтъ только на первый изъ поставленныхъ вопросовъ Разъясненіе остальныхъ вопросовъ не потребуетъ отъ насъ столь подробныхъ разсужденій, ибо большая часть изъ нихъ должна вытекать изо всего до сихъ поръ уже сказаннаго. Итакъ, обращаемся къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, почему установленіе формулы эволюціи послужило основаніемъ къ ошибкамъ Спенсера при изложеніи эволюціи соціальной. Вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ и разъясненіемъ третьяго и четвертаго вопросовъ нашей програмы,—въ чемъ заключается ошибочность формулы Спенсера безотносительно къ его идеологіи и на сколько она ошибочна благодаря вліянію именно этой идеологіи.

IV

Критика ученія Спенсера

Многіе ученые пытались разгадать основаніе того, что такой глубокій умъ, какъ Спенсеръ, допустилъ рядъ промаховъ мысли, вся очевидность которыхъ будетъ ясна для читателя послѣ развитія всего круга критическихъ идей, вызываемыхъ ученіемъ Спенсера. Большинство критиковъ сходятся на томъ, что главныхъ причинъ заблужденій Спенсера имѣется двѣ—предварительное глубокое знакомство его съ біологіей и сущность политическаго идеала Спенсера Къ этому нѣкоторые ученые добавляютъ еще одинъ важный элементъ—это именно употребленіе исключительно объективнаго метода изученія соціальныхъ явленій. Не касаясь пока этого послѣдняго обстоятельства, породившаго цѣлую самостоятельную литературу, особенно у насъ въ Россіи, коснемся первыхъ двухъ основаній

Н. К Михайловскій въ своей, неоднократно нами цитированной, статьѣ „Что такое прогрессъ“, говоритъ слѣдующее. Спенсеръ утверждаетъ (въ статьѣ „Значеніе очевидности“), что наблюдателя одинаково сбиваетъ съ толку и присутствіе и отсутствіе *предвзятаго мнѣнія* Въ одномъ случаѣ наблюдатель невольно поддается своей затаенной мысли и видитъ вещи не такими, каковы онѣ въ дѣйствительности, а въ другомъ—упускаетъ изъ виду многое, существенно важное въ наблюдаемомъ явленіи (*Михайловскій*, Что такое прогрессъ? Сочин. т. IV, изд. 1888 стр. 11—15. Срав. замѣчанія Михайловскаго въ той же статьѣ о значеніи апперцепціоннаго процесса, стр. 133 и слѣд.) Михайловскій полагаетъ, и по моему совершенно правильно, что отсутствіе нѣкотораго рода предвзятаго мнѣнія немыслимо. „Человѣкъ всегда приступаетъ къ изслѣдованію съ предвзятымъ мнѣніемъ и смотря по качеству послѣдняго, доходитъ то до геніальнаго открытія, то до невообразимой нелѣпости Если читатель не согласится съ этимъ, то только потому, что въ умѣ его съ выраженіемъ „предвзятое мнѣніе“ ассоціоровалось представленіе о чемъ-то несостоятельномъ и неизбѣжно ложномъ, что разумѣется, нѣверно“ (loco citato, стр. 15). Вѣдь даже изобрѣтатель новаго, невиданнаго долженъ имѣть хотя-бы смутную идею искомаго имъ, какъ и представленіе о томъ, что искомое должно существовать, какъ должна существовать возможность его открытія. Я уже имѣлъ

случай высказаться о значеніи предвзятаго мнѣнія въ своихъ „Очеркахъ первобытнаго права", какъ и въ возраженіяхъ, сдѣланныхъ мною моимъ оппонентамъ въ засѣданіи Екатеринославскаго Юридическаго Общества въ 1898 году Ни одно научное изслѣдованіе, сказалъ я, не можетъ обойтись безъ своего рода предвзятаго мнѣнія. Научная идея возникаетъ сначала въ видѣ смутнаго предположенія *на почвѣ агломерата фактовъ*, но впослѣдствіи слагается въ твердо выработанную систему и тогда отстаивающій этому систему авторъ оправдываетъ ее фактами. (См Протоколы и Труды Екатер. Юридич. Общества, годъ I, 1898 г, часть 1, стр 15).

По Михайловскому предвзятое мнѣніе обусловливается двумя элементами: во первыхъ *запасомъ предъидущаго, безсознательно или сознательно пріобрѣтеннаго опыта* (агломератъ фактовъ) и во вторыхъ *высотой нравственнаго уровня изслѣдователя*. И если этотъ нравственный уровень достаточно высокъ, а предварительная умственная работа была достаточно сильна, то нѣтъ причины опасаться за состоятельность предвзятаго мнѣнія. Что касается запаса пріобрѣтеннаго опыта, то, по вѣрному замѣчанію Милля (Система логики), даже въ наукѣ чисто опытной необходимъ поводъ произвести одинъ опытъ предпочтительно предъ другимъ Человѣкъ, замѣчаетъ Михайловскій, находитъ только то, что ищетъ и если бы можно было предположить, что люди ничего не ищутъ, то они ничего и не нашли-бы Побѣда искателя зависитъ иногда не столько отъ обширности знаній, сколько отъ особенностей качествъ ума изслѣдователя Что же касается до втораго элемента предвзятаго мнѣнія, т е. до нравственнаго уровня, то, не столь очевидный въ естествознаніи, онъ даетъ себя особенно чувствовать въ соціологіи. Такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ необходимымъ, но и съ желательнымъ, то въ постановляемыхъ нами себѣ цѣляхъ предвзятое мнѣніе необходимо осложняется нравственнымъ элементомъ. Поэтому „отказаться отъ предвзятаго мнѣнія значитъ отказаться отъ всего своего умственнаго и нравственнаго капитала, что и невозможно и было бы невыгодно, если даже допустить возможность такого самоотрѣченія. Нужно только имѣть въ виду, что предвзятое мнѣніе должно, какъ говоритъ Спенсеръ, вытекать изъ установившихся и истинныхъ теорій" (*Михайловскій*, Что такое прогрессъ, стр. 18). Вся соціологическая доктрина Спенсера служитъ лучшимъ доказатель-

ствомъ того, что къ ней онъ приступилъ при наличности того естественнаго предвзятаго мнѣнія, которое вытекало изъ запаса накопленныхъ имъ біологическихъ знаній (т. е. изъ созданной имъ формулы эволюціи) и его нравственнаго склада (политическаго идеала) Михайловскій, разсмотрѣвъ нѣкоторые примѣры эволюціи приведенные Спенсеромъ (напримѣръ, агитація разныхъ обществъ— агитація, подготовившая итальянское королевство, позднѣйшая агитація оставившая за штатомъ итальянскихъ Бурбоновъ и т п,— примѣръ болѣзненнаго нароста), основательно замѣчаетъ, что мы называемъ одни явленія прогрессивными, а другія—нѣтъ, смотря по тому, приближаются ли эти явленія къ нашему идеалу или нѣтъ. Но Спенсеръ не имѣетъ права на подобную оцѣнку явленій. Онъ заранѣе исключилъ изъ изслѣдованія всякую телеологію и даже замѣнилъ слово прогрессъ словомъ „эволюція" Между тѣмъ и онъ называетъ нѣкоторыя изъ этихъ явленій прогрессивными, а за другими отказывается признать такой характеръ Но почему? Вѣдь съ точки зрѣнія его формулы развитія болѣзненность нароста не можетъ имѣть значенія, и явленіе нароста составляетъ переходъ сравнительно однороднаго къ болѣе разнородному Поэтому ясно, что и Спенсеръ не могъ удержаться на высотѣ объективнаго метода и, въ противность своему обѣщанію, придерживается извѣстныхъ субъективныхъ воззрѣній на прогрессъ, вноситъ въ свои разсужденія нѣкоторую телеологію; имѣетъ свой идеалъ общественныхъ отношеній, по мѣркѣ котораго выкроены и общіе взгляды его на соціальный прогрессъ (*Михайловскій*, Что такое прогрессъ, стр. 139). Въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго и мы уже указали въ своей статьѣ о практическомъ значеніи соціологіи („Днѣпр. Молва" 1899 г № 7) на необходимость наличности идеала въ изслѣдователѣ соціальной жизни Весь вопросъ лишь въ высотѣ этого идеала Съ этой точки зрѣнія вполнѣ правильна и постановка вопроса объ оцѣнкѣ соціологическихъ трудовъ проф. Дюркгейма, сдѣланная въ статьѣ г П. Ю. въ Русскомъ Богатствѣ за 1898 годъ (Русское Богатство 1898 г. №№ 11 и 12).

Итакъ, мы должны согласиться, что искать критерія для опредѣленія истинности или ложности соціальной доктрины Спенсера мы должны въ его предварительной научной подготовкѣ и въ его политическомъ идеалѣ. Съ такимъ мнѣніемъ вполнѣ согласенъ и Поль Бартъ, утверждающій, что глубокое знакомство Спенсера съ біологіей отразилось роковымъ образомъ на его соціологиче-

ской доктринѣ (См P. Barth, Die Philosophie der Geschichte als Sociologie, т I, Leipzig 1897, стр 90 и слѣд.) И дѣйствительно, знакомое уже намъ изъ вышеизложеннаго біологическое и соціологическое ученіе Спенсера представляется „грандіознымъ захватомъ явленій природы и общественной жизни въ руки одного великаго принципа (эволюціонизма): а съ другой стороны—научной санкціей существующаго порядка и его идеальнаго будущаго съ царствомъ самогосподства личности и ограниченія вліянія на нее политическаго аггрегата, т. е санкціей полнаго господства индивидуализма“ (Взятыя въ ковычки слова цитированы по Михайловскому: Что такое прогрессъ, стр. 21)

Изложивъ въ краткихъ словахъ знакомую уже намъ формулу эволюціи Спенсера, сводящуюся въ своей основѣ къ дѣйствію двухъ трансцедентныхъ законовъ—неустоичивости однороднаго и размноженія слѣдствій, г Михайловскій останавливаетъ вниманіе читателя прежде всего на этихъ двухъ законахъ. Положеніе свое о томъ, что одна причина производитъ нѣсколько дѣйствій, Спенсеръ иллюстрируетъ примѣромъ. Когда зажигаютъ свѣчку, т. е прилагаютъ къ фитилю ея силу нѣкоторой посторонней теплоты (приложеніе силы къ матеріи),—начинается *рядъ разнообразныхъ* химическихъ и физическихъ явленій (одна причина произвела нѣсколько дѣйствій) Образуется углекислота, вода, появляется свѣтъ, химическій процессъ развиваетъ теплоту, образуется струя разгорячепныхъ газовъ, новые токи воздуха: каждый изъ этихъ результатовъ даетъ новые, все болѣе сложные: углекислота, отдѣлившаяся при горѣніи, соединяется съ какимъ нибудь новымъ основаніемъ или вновь разлагается, чтобы выдѣлить свой углеродъ листьями рѣстеній и т. д. Такимъ образомъ, разсуждаетъ Спенсеръ, одна сила приложенной первоначально къ свѣчкѣ теплоты производитъ множество измѣненій, множество дѣйствій. Но, замѣчаетъ г. Михайловскій, она производитъ ихъ, очевидно только благодаря *разнородности среды и состава* свѣчки и фитиля; не будь этой разнородности, и сила не произвела бы даже и одного дѣйствія. Очевидно, стало быть, что количество измѣненій, производимыхъ силой въ какомъ либо тѣлѣ обусловливается степенью разнородности какъ этого тѣла, такъ и окружающей среды Уменьшая разродность тѣла и среды. мы будемъ получать постепенно все менѣе и менѣе сложные результаты, такъ что. дойдя до полной однородности, т. е. до слитія среды съ тѣломъ, мы, пуская въ ходъ

все ту-же силу, не получимъ ни одного измѣненія Такимъ образомъ результатъ, заключающійся въ размноженіи слѣдствій, зависитъ не отъ дѣйствія одной силы, давшей толчекъ къ дѣйствію, а также и отъ дѣйствія силъ, входящихъ въ разнородный составъ тѣла и среды, т. е отъ вліянія силъ, тѣлу и средѣ имманентныхъ Такимъ образомъ потенція размноженія слѣдствій заключается въ данномъ тѣлѣ и средѣ, а сила является лишь *поводомъ* къ освобожденію этой связной потенціи Иначе говоря, установленный Спенсеромъ законъ гласитъ совершенно иное, а именно, какъ говоритъ Михайловскій, законъ „одна причина производитъ нѣсколько дѣйствій“ долженъ быть въ сущности сведенъ къ истинѣ, гораздо менѣе широкой и гораздо менѣе цѣнной: „нѣсколько причинъ производятъ нѣсколько дѣйствій“ (*Михайловскій*, Что такое прогрессъ, стр, 29) На подобнымъ образомъ формулированномъ законѣ Спенсеръ не рѣшился бы основать свою формулу эволюціи, ибо ему не на чемъ было бы построить свой законъ развитія, какъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному. Очевидно, Спенсерова формула эволюціи требуетъ поправки и во всякомъ случаѣ не можетъ быть приложима къ міру соціальныхъ явленій, ибо даже зародышевое общество живетъ и въ разнородной средѣ и разнородно по составу, такъ какъ каждый данный членъ соціальной группы не составляетъ въ ней стереотипнаго изданія по образцу своего сочлена по аггрегату

Изъ всего сказаннаго видно, что условная вѣрность закона размноженія силъ не можетъ дать основаній ни для безспорной формулы эволюціи, ни въ особенности—для перенесенія ея въ соціологію Не лучше обстоитъ дѣло и со вторымъ основнымъ (простѣйшимъ, трансцедентальнымъ) закономъ Спенсера—о неустойчивости однороднаго Законъ этотъ, въ перифразѣ Тарда, означаетъ, что начальное и основное состояніе матеріи представляется однороднымъ (напримѣръ однородная вселенная, превратившаяся въ разнородную) и потому неустойчивымъ; вслѣдствіе этого самомалѣйшее приложеніе силы производитъ возмущеніе покоя и наступаетъ быстро растущее и постепенно умножающееся движеніе. Тардъ находитъ, однако, что Спенсеръ не доказалъ ни неустойчивости однороднаго, ни того, почему и какъ первично-однородное становится разнороднымъ. Тардъ приводитъ также данныя, изъ которыхъ видно, что однородное, наоборотъ, болѣе устойчиво, чѣмъ разнородное. (Tarde, Etudes de Psychologie Sociale, Paris

1898, p. 27 sq.). Къ тому же заключенію приходитъ и Михайловскій, который аргументируетъ подборомъ примѣровъ, доказывающихъ положеніе, обратное тому, какое установилъ Спенсеръ. И дѣйствительно, простыя тѣла, неразложимыя наличными средствами химіи, обладаютъ и наибольшею устойчивостью, они же представляютъ и большую химическую однородность. Подобнаго рода факты говорятъ скорѣе въ пользу существованія закона устойчивости однороднаго и потому слѣдуетъ заключить, что если бы удалось сообщить членамъ какого-либо общества одинаковыя силы, свойства, положенія, то это общество отличалось бы замѣчательною устойчивостью. Ясно, стало быть, что спеціализація членовъ общества, подготовленная соотвѣтствующимъ состояніемъ и воспитаніемъ и въ такомъ смыслѣ, что функціи одного члена общества не составляли бы функцій другаго, какъ этого требуетъ Спенсеръ, не составляетъ условія устойчивости общества. Напротивъ, полная дифференціація частей общества представляется не развитіемъ цѣлаго, а разложеніемъ его. Хотя подобное общество и приближается дѣйствительно къ организму, но это представляетъ собой не явленіе соціальнаго прогресса, а упадка. „Всякое общество, говоритъ Михайловскій, если оно приближается къ состоянію организма, если члены его дѣйствительно начинаютъ функціонировать какъ простые органы, безъ мысли и воли, если общество дѣйствительно начинаетъ уподобляться гигантскому туловищу, на которомъ сидитъ думающая за всѣхъ голова, а съ боковъ торчатъ работающія за всѣхъ руки, всякое общество, дошедшее до такого состоянія, находится при смерти (Что такое прогрессъ, стр. 180—181). То-же самое говоритъ проф. Карѣевъ. „Высота органическаго развитія измѣряется степенью интеграціи цѣлаго и дифференціаціи частей; чѣмъ совершеннѣе организмъ, тѣмъ болѣе его части поглощены цѣлымъ и тѣмъ большее различіе существуетъ между частями. Если бы мы эту формулу приложили къ „соціальному организму“, то должны были бы признать за самое совершенное такое общество, въ которомъ каждая отдѣльная личность была бы, во-первыхъ, совершенно поглощена цѣлымъ, а во-вторыхъ, способна исполнять только одну функцію. Что для соціальной эволюціи возможно пойти по такому пути—доказывается примѣрами поглощенія личности государствомъ въ античномъ мірѣ, кастоваго устройства древней Индіи и т. п. Но противъ такой органической тенденціи общественнаго

цѣлаго въ немъ дѣйствуютъ и другія силы. Общественная интеграція находитъ свой естественный предѣлъ въ невозможности для личности вполнѣ утратить свою индивидуальную самостоятельность, дабы превратиться въ простую клѣточку общественнаго организма" (*Карѣевъ*, Введеніе въ изученіе соціологіи Спб. 1897 г, стр 60—61)

Изъ всего изложеннаго мы видимъ во первыхъ, что изученіе біологіи сказалось роковымъ образомъ на соціологической доктринѣ Спенсера, что въ самой біологической доктринѣ Спенсеромъ допущены ошибки и что ошибки эти, не имѣя существеннаго значенія для формулы біологической эволюціи, имѣютъ громадное значеніе для формулы соціальнаго прогресса и что, наконецъ, прямое перенесеніе біологическихъ законовъ въ формулу соціальнаго прогресса приводитъ къ нелѣпымъ выводамъ.

Михайловскій обращаетъ вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство Соціальный прогрессъ, какъ его изобразилъ Спенсеръ, имѣетъ двѣ стороны, изъ коихъ Спенсеръ обратилъ вниманіе только на одну. Общество развивается, по Спенсеру, какъ организмъ: переходитъ отъ однороднаго къ разнородному (слѣдуетъ, однако, говорить: отъ менѣе разнороднаго къ болѣе разнородному), отъ простаго къ сложному, постепенно расчленяясь и дифференцируясь. Но что-же въ это время дѣлается съ личностью реальною— съ членомъ общества? На это, какъ сказано, Спенсеръ не обратилъ должнаго вниманія Нечего и говорить, что она регрессируетъ. Прежде цѣлостный человѣкъ, отправлявшій всѣ свойственныя личности функціи, размышлявшій и проч., становится чѣмъ-то вродѣ машины Раздѣленіе труда ведетъ общество отъ однородности къ разнородности, а отдѣльныхъ индивидуумовъ, наоборотъ, отъ разнородности къ однородности. (*Михайловскій*, Что такое прогрессъ, стр 45). Изъ сказаннаго ясно, что прогрессъ индивидуальный и развитіе общества, по типу развитія органическаго, взаимно исключаются. Если органъ и представляетъ жертву развитія недѣлимаго, если онъ и интегрируетъ въ то время, какъ недѣлимое дифференцируется, то это дѣло вполнѣ законное, потому что органъ, строго говоря, есть всегда часть и только путемъ отвлеченія можетъ разсматриваться какъ цѣлое Но недѣлимое, есть, наоборотъ, всегда цѣлое и можетъ разсматриваться какъ часть только въ виду нѣкоторыхъ спеціальныхъ цѣлей Поэтому оно не можетъ приноситься въ жертву развитію идеальнаго цѣлаго, ка-

ково общество И если это общество развивается по типу органическаго прогресса, т е переходя отъ однородности къ разнородности, т. е дробясь на классы, подклассы и т д., то, непосредственно исходя изъ закона Бэра, мы должны признать такое явленіе патологическимъ, а не нормальнымъ развитіемъ, потому что недѣлимое при этомъ переходитъ отъ разнородности къ однородности, т е регрессируетъ. (*Михайловскій*, loco citato, стр. 51).

Приведенная мысль г Михайловскаго можетъ быть принята въ видѣ общаго положенія и весьма вѣроятно, что лишь желаніе рельефно выразить недостатки Спенсеровой формулы заставило Михайловскаго не обратить вниманія на то, что въ частностяхъ эта мысль противорѣчитъ положенію вещей. Несомнѣнно, что лишь спеціализація занятій выдвинула Эдиссоновъ, Дарвиновъ, Вирховыхъ, Мечниковыхъ и т п и что нельзя этого рода специалистовъ считать личностями регрессировавшими. Если г Михайловскій имѣлъ въ виду собственно рабочій классъ или сельско-хозяйственное некультурное населеніе, то и здѣсь замѣтенъ прогрессъ въ сравненіи съ некультурными классами прошлыхъ временъ. Конечно, сравнительно съ прогрессомъ другихъ классовъ населенія, эти послѣдніе почти не подвинулись въ прогрессивномъ развитіи, но этого явленія нельзя назвать регрессомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова Относительно же говоря, г Михайловскій правъ, *ибо для своего времени* и для даннаго объема культуры древній дикарь былъ болѣе цѣлостнымъ индивидуумомъ, нежели современный крестьянинъ и рабочій (см. *Мои* „Очерки первобытнаго права“, Спб. 1893 г., стр 32, 39). Съ указанными только-что ограниченіями и можно принять тѣ поправки, которыя вноситъ въ разбираемый предметъ г Штейнбергъ, такъ какъ означенный авторъ, въ своихъ, вообще совершенно справедливыхъ замѣчаніяхъ по вопросу о параллельномъ ростѣ индивидуальности и соціальной дифференцировки, не обратилъ вниманія на то, что сравненію подлежатъ не вообще градаціи роста индивидуальности, а градаціи ея относительной величины по сравненію съ культурой даннаго времени (См. *С. Штейнберга*, Соціальная дифференцировка и личность, журналъ „Жизнь“ 1899 г т. XI, стр. 145, 148, 151 и 153)

Мы видѣли выше, что, проводя аналогію между обществомъ и организмомъ, Спенсеръ находитъ этому оправданіе и въ тождествѣ раздѣленія труда физіологическаго и экономическаго. Михайловскій находитъ, что, какъ метафора, такое уподобленіе удоб-

но и въ высшей степени рельефно характеризуетъ данное явленіе, но что построить на немъ идею тождественности прогресса органическаго и соціальнаго невозможно Дѣло въ томъ, что физіологи заимствовали выраженіе „раздѣленіе труда“ изъ политической экономіи, но послѣдней извѣстно, что раздѣленіе труда есть только частное проявленіе гораздо болѣе общаго факта, именно *кооперации*. Что сочетаніе труда, или кооперація, безусловно способствуетъ усиленію производительности труда, что кооперація, кромѣ формы раздѣленія труда, знаетъ и болѣе могучую форму простого сотрудничества—это внѣ всякаго сомнѣнія, и основное заблужденіе экономистовъ заключалось въ ихъ исключительномъ вниманіи къ раздѣленію труда и въ игнорированіи простаго сотрудничества. (*Михайловскій*, loco cit., стр. 59—60) Это во-первыхъ Во вторыхъ физіологическое раздѣленіе труда между органами цѣлаго ведетъ къ усовершенствованію цѣлаго, экономическое же раздѣленіе ведетъ къ регрессу цѣлаго Съ другой стороны экономическое раздѣленіе труда ведетъ къ ослабленію дѣятельности нѣкоторыхъ частей организма, которымъ остается менѣе дѣла, чѣмъ прежде. Отсюда выводъ, что физіологическое и экономическое раздѣленіе труда взаимно исключаются и что, слѣдовательно, взаимно исключаются и прогрессы органическій и соціальный, какъ его понимаетъ Спенсеръ (Loco citato, стр 63) Дальнѣйшія мысли Михайловскаго о данномъ вопросѣ, хотя и представляютъ сами по себѣ значительный интересъ, но могутъ быть опущены, такъ какъ въ настоящее время справедливость положенія о различіи между физіологическимъ и экономическимъ раздѣленіемъ труда составляетъ, кажется, признанную истину *) Въ другомъ трудѣ своемъ Михайловскій замѣчаетъ, что человѣкъ и нѣкоторыя другія животныя давно уже имѣютъ въ своемъ распоряженіи орудіе, способное парализовать невыгоды индивидуальной измѣнчивости, сохраняя ея выгоды. Орудіе это—кооперація. (*Михайловскій*, Замѣтки о дарвинизмѣ. Сочиненія, т. V, Спб. 1888 г., стр 181). „Всѣ теоретики общественнаго организма, замѣчаетъ г. Михайловскій, настаиваютъ на аналогіи физіологическаго и экономическаго раздѣленія труда Возьмемъ примѣръ, грубый и рѣзкій и удобный по своей наглядности. Образо-

*) Въ критикѣ взглядовъ Михайловскаго, напечатанной въ 1899 году въ журналѣ „Жизнь“ г Евгеніемъ Соловьевымъ, эта сторона ученія Михайловскаго едва затронута

ваніе сословій или, еще лучше, индійскихъ кастъ, аналогично обособленію тканей и органовъ въ организмѣ Какъ въ Индіи общественное раздѣленіе труда породило касты браминовъ, воиновъ, простыхъ гражданъ и рабовъ, такъ физіологическое раздѣленіе труда обособляетъ въ организмѣ различные органы, исполняющіе только одну какую нибудь функцію. Аналогія можетъ идти дальше, проводя параллели между браминами и головой, воинами и руками и т. д Отсюда выводъ: Индія есть организмъ Пусть, но нужно же указать на взаимное отношеніе физіологическаго и экономическаго раздѣленія труда А взаимныя ихъ отношенія таковы, что они взаимно исключаются, т е чѣмъ общественное раздѣленіе труда сильнѣе, тѣмъ физіологическое слабѣе и обратно. Въ нашемъ примѣрѣ у браминовъ ослабѣваютъ остальныя отправленія, а у другихъ членовъ общества ослабляются функціи мозга .. Поэтому, если даже допустить, что общество прогрессируетъ, то личность регрессируетъ" (*Михайловскій*, Борьба за индивидуальность, Сочиненія т V, стр. 237—238) Поэтому аналогія въ данномъ случаѣ несостоятельна и формула соціальнаго прогресса должна быть иной, нежели данная Спенсеромъ. „Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ Внѣ этой формулы нѣтъ примиренія между интересами личности и общества и вѣковой тяжбѣ между ними нѣтъ конца (*Михайловскій*, Замѣтки о дарвинизмѣ, стр. 184). *)

Изъ всего изложеннаго видно, что аналогія, проводимая Спенсеромъ, не можетъ быть допущенной и что сама по себѣ она невѣрна въ основаніи и во многихъ подробностяхъ Какъ уже было указано, ошибка Спенсера вытекаетъ изъ предвзятаго мнѣнія, основаннаго на запасѣ опыта изъ области чуждыхъ соціальному міру наукъ. Второе основаніе заблужденій Спенсера лежитъ въ его нравственномъ идеалѣ господства индивидуализма и доктрины

*) Формула эта въ столь рѣзкой формѣ требуетъ поправокъ Къ сожалѣнію, непосредственный предметъ нашего труда не даетъ намъ возможности высказаться по данному вопросу.

laissez faire laissez passer, такъ прочно совпадающей съ ученіемъ объ обществѣ, какъ организмѣ. Правда, въ окончательномъ выводѣ идея соціальнаго организма противорѣчитъ идеалу Спенсера о полнѣйшей свободѣ личности, въ особенности идеалу, выраженному имъ въ работѣ „The man versus the Stat“, ибо въ организмѣ части поглощаются цѣлымъ и играютъ по отношенію къ цѣлому лишь служебную роль, но Спенсеръ полагаетъ исправить это противорѣчіе тѣмъ, что отмѣчаетъ его какъ одно изъ различій между обществомъ и организмомъ, различій, вытекающихъ изъ дискретности частей соціальнаго цѣлаго, различій, ведущихъ къ формулѣ „цѣлое существуетъ для блага своихъ частей, а не наоборотъ“. Спенсеръ, однако, не придаетъ этому различію существеннаго значенія, такъ какъ оно не измѣняетъ сходства структуры и роста организма и общества. Однако, несомнѣнно, что это различіе представляется настолько глубокимъ, что его одного достаточно, чтобы отвергнуть всю аналогію. Если Спенсеръ этого не замѣчаетъ, то виною этому два элемента предвзятаго мнѣнія: разстаться съ аналогіей не допускаетъ накопленный агломератъ фактовъ изъ области біологическихъ наукъ, разстаться съ различіемъ мѣшаетъ нравственный элементъ—идея индивидуализма и идея невмѣшательства государства

Мы уже замѣтили выше, что Спенсеръ устраняетъ изъ соціологическаго изслѣдованія телеологическій элементъ. И вотъ оказывается, что устраненіе этого элемента совпадаетъ съ наиболѣе грубыми ошибками. Лишь буржуазное спокойствіе могло заставить Спенсера, при всей глубинѣ его мысли, не замѣтить важнаго значенія раздѣленія труда для личности Михайловскій совершенно основательно поэтому настаиваетъ на введеніе телеологіи въ методъ изслѣдованія соціальныхъ явленій. Самое слово „прогрессъ“, говоритъ онъ, имѣетъ смыслъ только по отношенію къ человѣку, и явленіями прогрессивными въ области человѣческой мысли и человѣческихъ дѣяній мы можемъ признать только тѣ, которыя подвигаютъ человѣка къ данной цѣли .. Коренная и ничѣмъ неизгладимая разница между отношеніями человѣка къ человѣку и отношеніями человѣка къ остальной природѣ состоитъ прежде всего въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не просто съ явленіями, а съ явленіями, тяготѣющими къ извѣстной цѣли, тогда какъ во второмъ цѣль эта для человѣка отсутствуетъ. Различіе это до такой степени важно и существенно, что само по

себѣ уже намѣкаетъ на необходимость примѣненія *различныхъ методовъ* въ двухъ великихъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія. (*Михайловскій*, Что такое прогрессъ, стр 161—162) Нельзя поэтому не согласиться, что путаница въ изложеніи и мысляхъ Спенсера зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ ненадлежащаго примѣненія объективнаго метода, въ то время, когда самъ Спенсеръ вскользь указалъ на методъ сочувственнаго опыта, который и долженъ руководить изслѣдователемъ при изученіи имъ явленій соціальной жизни. Сочувственный опытъ основанъ на нашей способности переживать чужую жизнь, ставить себя въ чужое положеніе. (*Михайловскій*, loco citato, стр 165). Какъ невозможна для человѣка безусловная справедливость, какъ невозможно чистое отъ всякихъ тенденцій исскуство (примѣры и развитіе этихъ положеній см. у Михайловскаго—ibidem), такъ невозможенъ и исключительно объективный методъ въ соціологіи (стр 169). Объективный методъ самымъ грубымъ и топорнымъ образомъ уклоняется отъ оцѣнки внутренняго смысла явленій и скользитъ по ихъ внѣшности Да и по внѣшности только именно скользитъ... (стр 179). Черты нравственнаго склада Спенсера, являющагося мыслителемъ, предписывающимъ искусству отворачиваться отъ современной ему дѣйствительности (ради оправданія теоріи контрастовъ, какъ основы красоты); мыслителемъ, находившимъ возможнымъ въ изслѣдованіи о прогрессѣ обойти вопросъ о человѣческомъ счастіи; мыслителемъ, заявившимъ, что всякое общественное броженіе, стирающее осужденныя исторіей перегородки, каковы бы ни были его цѣли, есть шагъ къ разложенію,—такія черты нравственнаго склада Спенсера объясняютъ намъ и объективное его отношеніе къ міру соціальныхъ явленій и тѣ противорѣчія, которыя видны теперь сами собой Ибо, иначе, трудно себѣ объяснить, какъ Спенсеръ, назвавъ общество сверхъ-организмомъ, его развитіе надъ-органическимъ, отмѣтивъ затѣмъ отличіе надъ-организма отъ организма, заключающееся въ психической связи частей, какъ Спенсеръ, самъ указавъ на дискретность частей общества въ отличіе отъ конкретности органовъ тѣла и на отсутствіе соціальнаго сенсоріума,—какъ онъ могъ не придать всему этому значенія и встать въ противорѣчіе съ фактами, имъ же самимъ отмѣченными.

Изъ всего изложеннаго выше видно, что мы выполнили первые четыре пункта намѣченной программы, т. е. показали, въ

чемъ состоитъ Спенсерова теорія эволюціи и какова ея связь съ его соціологической доктриной, почему установленіе этой формулы служитъ основаніемъ ошибокъ Спенсера при изложеніи имъ эволюціи соціальной, въ чемъ заключается ошибочность формулы Спенсера безотносительно къ его идеологіи и въ чемъ сказалось вліяніе послѣдней на его научной доктринѣ. Мы разсмотрѣли также отчасти и пятую и шестую части программы, отмѣтивъ недостатки употребляемаго Спенсеромъ метода изслѣдованія соціальныхъ явленій и нѣкоторыя изъ противорѣчій разныхъ частей его системы Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ частямъ нашей программы, указанію на неопредѣленность двухъ главныхъ частей въ системѣ Спенсера и указанію отрицательныхъ сторонъ аналогіи между обществомъ и организмомъ, мы считаемъ нужнымъ еще сказать нѣсколько словъ собственно *по поводу метода аналогіи*

Мы видѣли, что Спенсеръ почти исключительно пользуется сравнительнымъ методомъ Однако, одно сравненіе не въ состояніи повести къ серьезнымъ выводамъ Прежде всего истинно научный методъ долженъ быть, какъ это доказано Сергѣевичемъ и М. М. Ковалевскимъ, историко-сравнительнымъ, т е сравненію долженъ сопутствовать анализъ сравниваемыхъ явленій Спенсеръ, иногда такъ и поступаетъ, но при этомъ онъ сравниваетъ несоизмѣримыя явленія Въ однихъ случаяхъ сравненіе высшаго соціальнаго аггрегата дѣлается съ высшимъ же аггрегатомъ органическимъ, въ другихъ, когда сложный организмъ не даетъ повода для аналогіи, сравненіе производится съ простѣйшими организмами, даже изъ класса protozoa. Помимо всего этого, аналогія не обозначаетъ тождества и, будучи полезной для болѣе рельефнаго освѣщенія міра неизвѣстныхъ явленій путемъ сравненія съ сходными (но отсюда еще не тождественными) явленіями изъ хорошо извѣданнаго міра,—она сама по себѣ не можетъ вести къ заключенію о внутреннемъ родствѣ сравниваемыхъ явленій. Такъ Ломброзо и его послѣдователи пришли къ выводу о родствѣ современнаго преступника съ первобытнымъ человѣкомъ, благодаря многимъ чертамъ сходства ихъ анатомическаго строенія и ихъ психической организаціи Но, однако, школа Ломброзо не доказала родства этихъ типовъ, ни связывающаго ихъ явленія атавизма. Сходство есть, но нѣтъ родства; сходство есть, но имѣются и многочисленныя различія и явленія сходства имѣютъ свой рядъ поясняющихъ причинъ, совершенно различныхъ для той и другой

категоріи явленій. Такъ есть и сходство между обществомъ и организмомъ, сходство весьма понятное, ибо общество состоитъ изъ живыхъ существъ,—но родства, тождества нѣтъ и каждая категорія явленій, органическихъ и соціальныхъ, имѣетъ свой рядъ объясняющихъ мотивовъ. Поль Бартъ, посвятившій спеціальный трудъ разбору теоріи Спенсера (въ журналѣ Vierteljahrsschrift fur wissenschaftliche Philosophie т. XVII, 1893 года), останавливается особенно подробно на недостаткахъ сравнительнаго метода и въ особенности на несовершенствахъ примѣненія его Спенсеромъ. Статья Барта помѣщена въ его позднѣйшей книгѣ „Исторія философіи, какъ соціологія“ (Лейпцигъ 1897 г.). Вотъ, въ краткихъ словахъ, что говоритъ по данному поводу Бартъ. Принципы своей дедукціи Спенсеръ извлекъ изъ жизни растеній и животныхъ и законы развитія этой жизни перенесъ въ міръ соціальныхъ явленій. Онъ желаетъ, такимъ образомъ, доказать тождество отношеній у двухъ нетождественныхъ объектовъ. Еслибы дѣло заключалось *только* (курсивъ подлинника) въ простомъ указаніи на эти отношенія, то противъ такого способа ихъ освѣщенія ничего возразить нельзя было-бы; такой способъ изученія неизвѣстнаго ряда явленій путемъ сопоставленія съ явленіями извѣстными могъ бы быть даже полезнымъ. Но если бы кто либо, основательно знакомый съ систематикой растеній, исходя изъ таковой, пытался бы опредѣлить порядокъ и классификацію міра животныхъ, ему менѣе извѣстнаго, то, конечно, прямое перенесеніе системы одного міра въ другой повело бы за собою многочисленныя ошибки: онъ ожидалъ-бы, что, какъ это имѣетъ мѣсто въ растительномъ мірѣ, животное простираетъ свои органы во внѣшнюю среду, въ то время какъ въ дѣйствительности большая часть ихъ развивается внутри организма. Такой изслѣдователь поставилъ бы рака среди молюсковъ, ибо онъ живетъ въ водѣ, или среди отдѣла рыбъ; змѣй онъ помѣстилъ бы въ разрядъ червей и т. п. При проведеніи метода аналогіи въ область соціологіи дѣло не ограничивается одними аналогическими указаніями, ибо къ нимъ присоединяются заключенія по аналогіи, что уже заставляетъ смотрѣть на дѣло серьезнѣе. Указавъ затѣмъ, въ какомъ духѣ должна вестись истинно-научная аналогія и слѣдуя въ этомъ главнымъ образомъ ученію Вундта (Barth, Die Philosophie der Geschichte als Sociologie, s. 95 f.). Бартъ устанавливаетъ прочно то положеніе что аналогія имѣетъ только относительную цѣнность и никогда

не въ состояніи дать основаній для заключенія о тождествѣ сравниваемыхъ объектовъ. Поэтому аналогія должна быть безусловно провѣряема отысканіемъ *различій* въ сравниваемыхъ явленіяхъ и если такія различія существуютъ, то аналогія служитъ лишь способомъ изученія сравниваемыхъ объектовъ, но отнюдь не основаніемъ установленія ихъ тождества Изъ всего изложеннаго нами выше слѣдуетъ, что основаній для признанія тождества между организмомъ и обществомъ аналогія не даетъ и что потому вся цѣнность аналогіи представляется только относительной. Общество не организмъ: въ немъ существуетъ иногда тенденція превратиться въ организмъ, но тогда общество находится при смерти

Итакъ, вся изложенная критика ученія Спенсера приводитъ различными путями къ выводу, что органическій взглядъ на общество является невѣрнымъ Мнѣ остается еще указать на нѣкоторыя противорѣчія и неопредѣленности, непослѣдовательности въ общей системѣ Спенсера Мы уже говорили, что Спенсеръ, сравнивая общество съ организмомъ, обнаруживаетъ непостоянство въ сравненіи его то съ организмомъ высшаго порядка, то съ организмомъ низшаго порядка Почти тоже повторяется въ другомъ отношеніи Проф Людвигъ Штейнъ говоритъ о Спенсерѣ слѣдующее. Мы причисляемъ Спенсера къ одной изъ оригинальнѣйшихъ, хотя далеко не изъ симпатичнѣйшихъ фигуръ соціальной философіи Такъ, если Милль перешелъ отъ либерализма къ соціализму то наоборотъ Спенсеръ превратился изъ соціалиста въ одного изъ крайнихъ приверженцевъ либерализма въ смыслѣ экономическаго индивидуализма Именно, въ то время какъ въ своей „Соціальной статикѣ“ (изданной въ 1850 г.) Спенсеръ тепло отстаиваетъ, подъ вліяніемъ Конта (это вліяніе Спенсеръ отрицаетъ) и Милля, націонализацію земли и въ то время какъ онъ еще въ „Основаніяхъ соціологіи“ заявлялъ, что земля, которая не можетъ быть создана трудомъ, въ концѣ концовъ будетъ разсматриваться, какъ нѣчто не могущее быть предметомъ частной собственности и что вѣроятно общинное землевладѣніе возстановится съ достиженіемъ промышленнаго типа высшаго развитія. (*Спенсеръ*. Основаніе соціологіи, § 540, стр 419-420).—онъ уже въ своемъ сочиненіи „Основаніе нравственности“ совершенно отказывается отъ соціалистическихъ „блужданій“ своей юности и открыто заявляетъ себя крайнимъ индивидуалистомъ. (Ludwig Stein, Die Sociale Frage im Liche der Philosophie, Stuttgart 1897, S 488-489) Мы отмѣчаемъ

эту непослѣдовательность, какъ результатъ неправильности метода и положенныхъ въ основу изслѣдованія принциповъ Нельзя не указать еще на отмѣченную уже нами неопредѣленность соціальныхъ идеаловъ Спенсера, выраженныхъ съ одной стороны въ трудѣ, посвященномъ спеціально воспитанію и съ другой въ статьѣ „The man versus the Stat“, гдѣ онъ отрицаетъ систему общественнаго воспитанія, при которомъ одно лицо является отвѣтственнымъ за воспитаніе дѣтей другаго лица. Такимъ же образомъ Спенсеръ отвергаетъ общественную и частную филантропію, но не съ точки зрѣнія извѣстной формулы „чѣмъ хуже—тѣмъ лучше“, а съ точки зрѣнія крайняго невмѣшательства, съ точки зрѣнія принципа laissez faire, laissez passer.

Профессоръ Кильскаго Университета Фердинандъ Теннисъ, посвятившій два самостоятельныхъ изслѣдованія соціологическимъ трудамъ Спенсера (въ журналѣ „Philosophische Monatshefte“ за 1889 и 1892 г.), осуждаетъ въ отдѣльной брошюрѣ школу Спенсера за то, что она, опредѣляя общество, какъ организмъ, приписываетъ ему нѣчто священное, нѣчто стоящее надъ интересами составляющихъ общество гражданъ. (E Tönnies, Ueber die Grundthatsachen des socialen Lebens, Bern 1897, S 6). Мы видѣли, что Спенсеръ придерживается обратнаго взгляда („цѣлое существуетъ для блага частей“), но мы должны признать, что несомнѣнно этотъ выводъ Спенсера стоитъ въ противорѣчіи съ отождествленіемъ общества съ организмомъ: вѣдь въ послѣднемъ части существуютъ для блага цѣлаго, а не наоборотъ. Если же для общества вѣрна обратная формула, то общество не организмъ. Теннисъ даже замѣчаетъ, что органическое воззрѣніе на общество имѣетъ весьма незначительную научную цѣну и именно въ томъ лишь смыслѣ, что общества не на столько отграничены другъ отъ друга, какъ живыя существа, и что во всякомъ случаѣ существуетъ сходство вообще между различными соединеніями частей въ одно цѣлое, а потому существуетъ нѣкоторое сходство и между соціальными, химическими, органическими и механическими соединеніями и что въ особенности существуютъ сходства между животными организмами и соціальными союзами, ибо въ обоихъ составныя части состоятъ изъ живыхъ существъ (Tönnies, loco citato S. 7 f.).

Мы видѣли уже неопредѣленность сравненій Спенсера въ томъ отношеніи, что онъ не всегда сравниваетъ общество съ аналогичнымъ типомъ организмовъ. Еще болѣе неопредѣленности мы ви-

димъ въ сравненіи организма съ обществомъ Съ какимъ же обществомъ сравниваетъ Спенсеръ организмъ? Изъ изложенія его ученія мы знаемъ, что въ иныхъ случаяхъ (въ большинствѣ) Спенсеръ имѣетъ въ виду политическое общество, въ иныхъ федерацію такихъ обществъ, въ иныхъ, наконецъ, національное общество. Эта неопредѣленность сравниваемаго объекта подрываетъ значеніе самаго сравненія Еще болѣе неопредѣленности мы встрѣчаемъ въ указаніяхъ Спенсера, на то, что онъ считаетъ общественной единицей, клѣточкой соціальнаго организма Такъ, въ „Основаніяхъ Соціологіи“ онъ прямо называетъ человѣка соціальной клѣточкой. (§ 7). Это же явствуетъ изъ того, что вся первая часть его „Соціологіи“ посвящена изученію свойствъ индивида, ибо, по мнѣнію Спенсера, свойства составныхъ частей опредѣляютъ характеръ цѣлаго. На томъ же принципѣ построены „Описательная соціологія“ и „Обрядовыя учрежденія“. Въ другомъ мѣстѣ „Основаній соціологіи“ мы видимъ, что клѣточкой соціальнаго организма является первобытная безпорядочная, простая орда, которая и является зародышемъ общества, ибо съ нея начинается соціальная эволюція (§ 225) Противорѣчіе—очевидное. Бартъ полагаетъ, что это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что Спенсеръ затѣмъ окончательно признаетъ соціальной клѣточкой человѣческую семью, съ тѣмъ ограниченіемъ, что единицей стараго общества является семья, а современнаго—индивидуумъ Не можетъ, конечно не показаться страннымъ существованіе одного и того же организма, который, благодаря своему развитію, реформируется до того, что самыя составныя его части радикально измѣняются А между тѣмъ въ самой общей формѣ [*]) можно принять это положеніе, высказанное еще Г. С. Мэномъ (единицей примитивнаго общества является семья и проч.), но тогда нужно отказаться отъ воззрѣнія на общество, какъ на организмъ.

Что касается воззрѣнія Спенсера на индивидуумъ, какъ на соціальную клѣточку, то далеко не всѣ органицисты держатся того-же взгляда Напримѣръ, Шеффле, а въ своемъ мѣстѣ и Контъ, считаютъ соціальной единицей семью И дѣйствительно, замѣчаетъ Бартъ, единичный человѣкъ никогда не можетъ быть элементомъ общества въ томъ смыслѣ, въ какомъ клѣточка является элементомъ живаго существа Это потому, что человѣкъ не можетъ раз-

[*]) Ограниченія этого положенія указаны въ *Моихъ* „Очерк Первобытн Права“

множаться чрезъ себя самаго, ни прогрессировать къ множественному аггрегату Поэтому соціальнымъ элементомъ является семья. (Здѣсь не мѣсто входить въ критику этой критики и потому я прохожу это спорное утвержденіе молчаніемъ) Спенсеръ, какъ мы знаемъ, избираетъ моментами своей аналогіи ростъ и структуру общества и организма. Бартъ и полагаетъ, что соціальной единицей въ отношеніи роста общества является семья, для соціальной же структуры—человѣческая личность (Barth. l. citato, s. 100—103) Такимъ образомъ единицей организма, какъ въ явленіи роста, такъ и въ отношеніи структуры остается все одна и таже клѣточка, единицей же соціальной является въ отношеніи структуры—личность, въ явленіи роста—семья Стало быть и съ этой стороны общество—не организмъ: аналогіи нѣтъ. Этого Спенсеръ не замѣтилъ, благодаря главнымъ образомъ неопредѣленности своихъ взглядовъ на данный предметъ

На этихъ положеніяхъ мы собственно закончили первую часть предначертанной себѣ задачи и отвѣтили на всѣ шесть поставленныхъ нами вопросовъ Вмѣстѣ съ тѣмъ мы отмѣтили истинное значеніе сходства общества съ организмомъ и предѣлы допустимости сравненія этихъ двухъ объектовъ Осталось намъ, собственно говоря, дать отвѣтъ на послѣдній вопросъ, въ чемъ заключаются различія общества отъ организма Но да будетъ позволено намъ сдѣлать небольшое отступленіе и познакомить читателя съ одной оригинальной попыткой установленія взгляда на семью, какъ клѣточку соціальнаго организма

Мы имѣемъ въ виду брошюру испанскаго ученаго Іеронима Вида, одно заглавіе которой характеризуетъ сущность изложенныхъ въ ней взглядовъ Брошюра называется „Семья какъ соціальная клѣточка“ Авторъ ставитъ слѣдующій вопросъ. Имѣетъ ли соціальный организмъ сходство съ индивидуальнымъ организмомъ и состоитъ-ли онъ такъ-же изъ клѣточекъ, или нѣтъ? Для отвѣта авторъ считаетъ необходимымъ прежде всего разъяснить, что должно разумѣть подъ органической клѣточкой Отвѣтъ, разумѣется, состоитъ въ томъ, что это живое существо, автономное и самостоятельное, изъ коего и составляются всѣ организмы въ природѣ (Ieronimo Vida, La Familia como cèlula social, Madrid 1885, p. 18). Сходенъ ли въ этомъ отношеніи съ живымъ существомъ соціальный организмъ? Состоитъ-ли послѣдній изъ живыхъ единицъ, автономныхъ и самостоятельныхъ, изъ элементовъ съ

собственною жизнію, съ собственною активностью, различными отъ жизни и активности цѣлаго? Разумѣется, да—говоритъ Вида. Значитъ общество является реальнымъ существомъ, а не простой абстракціей: оно имѣетъ собственную жизнь—оно является организмомъ. Но что-же является соціальной клѣточкой, индивидуумъ или семья? Въ этомъ отношеніи, говоритъ Вида, мнѣнія ученыхъ раздѣлились Но, если слѣдовать указаніямъ современной науки, то подъ клѣточкой нельзя разумѣть однородную единицу, а сравнительно сложную массу, измѣнчивой формы, состоящую иногда всего изъ двухъ элементовъ—протоплазмы и ядра (idem стр. 21 и слѣд). Индивиды не могутъ служить соціальной клѣточкой, они части этой клѣточки, если угодно—это микроцимы Бешампа, пластидулы Геккеля (современная наука знаетъ и другія расчлененія клѣточки),—это части или элементы семьи, а не соціальнаго организма. (Vida, l cit p 27). Клѣточкой соціальнаго организма является семья и потому благо общества зиждется на благѣ семьи, а крайній индивидуализмъ не имѣетъ опоры въ истинно научномъ натуралистическомъ освѣщеніи природы общества (loco citato стр. 28 и слѣд)

Вотъ вамъ, читатель, теорія, которая приводитъ разныхъ приверженцевъ своихъ къ практическимъ выводамъ радикально противоположнаго свойства. По существу, конечно, ученіе Вида не выдерживаетъ критики. Самъ онъ въ началѣ изслѣдованія называетъ соціальной клѣточкой индивида, а затѣмъ, благодаря лишь тому, что клѣточка является тѣломъ сравнительно сложнымъ, приходитъ къ иному выводу и связываетъ его съ своего рода теоріей либерализма Вида обращаетъ вниманіе на сходство, законность котораго уже доказана выше, и совершенно не видитъ различій Стоитъ припомнить хотябы исторію возникновенія и развитія семьи, чтобы придти къ заключенію, что между семьей и клѣточкой живаго существа нѣтъ тождества. Въ смыслѣ метафорическомъ, какъ это сдѣлалъ Бартъ, можно, конечно, говорить, что семья основа общества, но въ смыслѣ метафорическомъ и для рельефности мысли можно и общество называть организмомъ и вообще употреблять въ соціологіи термины, взятые изъ біологическихъ и даже физическихъ наукъ Впрочемъ по нашему мнѣнію, правъ проф. Раценгоферъ, когда оттѣняетъ то положеніе, что соціальное цѣлое является не „организмомъ“, какъ его называютъ многіе соціологи, а „*организаціей*“ (Ratzenhofer, Die sociolo-

gische Erkenntnis. Leipzig 1898, s. 293). И въ самомъ дѣлѣ изъ того, что общество состоитъ изъ явленій порядка, координаціи частей, находящихся во внутренней зависимости, какъ и въ зависимости по отношенію къ цѣлому, только и слѣдуетъ, что это извѣстнаго рода (и различнаго рода) организація, но никакъ не организмъ. Если все организованное считать организмомъ, то мы утеряемъ опредѣленность самаго понятія „организмъ“ Если логически терминъ „организація“ происходитъ отъ слова „организмъ“, то это лишь въ виду внѣшняго и внутренняго качества организма, какъ объекта, конструированнаго въ принципѣ извѣстнаго порядка. Но отъ такого соотношенія терминовъ до подобнаго соотношенія характеризуемыхъ ими объектовъ такъ же далеко, какъ далеко отъ терминовъ „каменѣть, деревенѣть“ до понятій дерева и камня.

Считаю необходимымъ остановить вниманіе читателя на слѣдующемъ положеніи профессора Де-Греефа: „Въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ“, говоритъ онъ, „органы, регулирующіе коллективную дѣятельность, прогрессивно совершенствуются, создавая все болѣе и болѣе могущественную координацію всѣхъ дѣятельныхъ общественныхъ элементовъ. То же имѣетъ мѣсто въ іерархической лѣстницѣ всѣхъ органическихъ видовъ, высоту которыхъ въ органическомъ ряду мы вѣдь и измѣряемъ степенью ихъ организаціи. *Точно такъже, степень организаціи является общей мѣрой, мѣриломъ общественнаго прогресса.* Другого критерія относительной высоты той или другой цивилизаціи мы не находимъ въ исторіи“ (*Греефъ*, Общественный прогрессъ и регрессъ Перев. съ франц. Г. Паперна. Спб 1896 г., стр 5). Если признать это положеніе справедливымъ, то всѣ наши разсужденія, приведенныя выше, теряютъ свое значеніе. Но эти положенія содержатъ грубую ошибку: Греефъ обращаетъ вниманіе лишь на *степень* организаціи и совершенно игнорируетъ *качество* ея Съ такой точки зрѣнія римское общество эпохи цезарей представляется болѣе высокимъ, чѣмъ, положимъ, современное общество Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки Ошибка на столько очевидна что, не смотря на категоричность заявленія де-Греефа, что другаго критерія относительной высоты той или другой цивилизаціи мы не находимъ въ исторіи,—можетъ все-же казаться, что авторъ не точно или невѣрно выразилъ свою мысль. Однако, Греефъ не оставляетъ на этотъ счетъ въ читателѣ никакихъ

сомнѣній: ту же мысль онъ повторяетъ нѣсколько разъ (напр стр. 189, 198—199, 243) и всегда игнорируетъ качество организаціи общества, не смотря на то, что само собой понятно, что оно то и имѣетъ наиболѣе существенное значеніе Къ качеству организаціи относится и характеръ моментовъ, изъ которыхъ она слагается. Проф. Эльвудъ совершенно основательно замѣчаетъ, что соціальная организація покоится не только на началахъ физіологическаго свойства, но и соціо-психическаго, каковы соціальныя учрежденія, обычаи, традиціи, языкъ, общественное мнѣніе и т. п. (Charles A. Ellwoool, Prolegomena to social psychology. The American Journal of Sociology, 1899, july, p. 104) Съ этой мыслію можно было бы вполнѣ согласиться, если бы Эльвудъ не упускалъ изъ виду еще экономическаго момента соціальной организаціи, составляющаго сущность такъ называемаго соціальнаго вопроса.

Мы покончили съ первою и главною частью нашей задачи. Мы до сихъ поръ почти совершенно игнорировали существующія между обществомъ и организмомъ различія и пришли къ отрицанію тождества между этими двумя категоріями, лишь стоя на почвѣ отрицанія установленной Спенсеромъ аналогіи Мы, однако, полагаемъ, что проф. Карѣевъ совершенно правъ, утверждая, что, если даже принять за безспорныя всѣ аналогіи между обществомъ о организмомъ, то все же различія между ними такъ велики и серьезны, что части изъ нихъ вполнѣ достаточно, чтобы отринуть органическую теорію, какъ неоправдываемую строгою наукой (*Карѣевъ*, Историко-философскіе и соціологическіе этюды Изд. 2, Спб. 1899 г., „Общество и организмъ“, стр. 248 и слѣд.). Почти то-же самое говоритъ профессоръ Коркуновъ (Лекціи по общей теоріи права, Спб. 1894 г., стр. 198 и друг), Тардъ (Tarde. Etudes de Psychologie sociale, Paris 1898, p. 122* sq и его-же: La Logique sociale. Paris 1895, p. 127 sq), Бартъ (Die Philosophie der Geschichte als Sociologie, S 107 f. f.) и другіе.—Сказаннымъ опредѣляется вторая часть нашей работы и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтъ на послѣдній изъ поставленныхъ нами себѣ вопросовъ. Мы, такимъ образомъ, приходимъ къ разсмотрѣнію *различій между обществомъ и организмомъ*

V.

Дѣйствительныя различія между организмомъ и обществомъ.

Спенсеръ самъ отмѣтилъ главнѣйшія несходства общества съ организмомъ Этихъ несходствъ Спенсеръ находитъ главнымъ образомъ два. Въ то время, какъ части организма неразрывно между собою связаны и образуютъ одно конкретное цѣлое, части общества *дискретны*, свободны и не находятся въ матеріальномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ Второе несходство заключается въ томъ, что въ организмѣ замѣчается полная специализація частей, такъ что, напримѣръ, аппаратъ, посредствомъ котораго организмъ передвигается, не можетъ быть замѣненъ аппаратомъ хватательнымъ или пищеварительнымъ и т п., въ обществѣ же дифференціація такъ далеко зайти не можетъ, ибо отдѣльные члены общества никогда не теряютъ способности мыслить и чувствовать и потому здѣсь не можетъ быть *соціальнаго сензоріума*. По этой же причинѣ общество не можетъ имѣть своего собственнаго благосостоянія, независимаго отъ благосостоянія составляющихъ его единицъ

Спенсеръ, однако, не придаетъ существеннаго значенія этимъ различіямъ и находитъ даже первое изъ нихъ кажущимся. Какъ въ составъ животнаго, говоритъ онъ, входятъ части съ различной степенью жизненности, такъ и въ составъ общества входятъ не только люди, но и территорія, а чрезъ посредство территоріи всѣ члены общества оказываются въ матеріальномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ. (Сравн. *Коркунова*, Лекціи по общей теоріи права, Спб. 1894 г., стр. 197). Понадобилось, такимъ образомъ, ввести въ понятіе „соціальнаго организма“ территорію, какъ часть этого организма Тогда почему-же не ввести климатическія и другія условія жизни „соціальныхъ клѣточекъ“ въ рангъ органовъ общественнаго тѣла? И если такъ, то не становится ли еще неопредѣленнѣе понятіе „соціальной клѣточки“, которой являются не только индивидуумы, семьи и группы, но даже неорганическая матерія? Затѣмъ сами органицисты не отвергаютъ того, что съ ихъ точки зрѣнія и церковь является организмомъ. А между тѣмъ, какъ основательно замѣчаетъ г. Коркуновъ, ея дискретность не можетъ быть ничѣмъ замаскирована, такъ какъ она состоитъ изъ различныхъ, иногда очень мелкихъ и удаленныхъ другъ отъ друга частей. Съ другой стороны и территоріальныя общенія могутъ при-

нимать такія формы, при которыхъ дискретность нельзя замаскировать никакими натяжками. Таковы случаи чрезполостности государственной территоріи, а также государствъ, имѣющихъ заморскія колоніи (*Коркуновъ*. loco cit, стр 200—201) Тотъ-же аргументъ приводитъ и проф Карѣевъ, который при этомъ замѣчаетъ, что, если, напр., государства на географической картѣ провели между собою рѣзкія границы, допускающія, однако, чрезполосность (вспомните Пруссію въ еще очень недавнее время), то въ случаѣ націй уже невозможно проводить между ними такихъ опредѣленныхъ линій. (*Карѣевъ*, Историко-философск. и социологич этюды. Спб. 1899 г стр 252) Съ другой стороны вѣрно и то замѣчаніе проф Коркунова, что приравненіе территоріи, имущества, домашнихъ животныхъ (какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ Лилиенфельдъ) къ омертвѣлымъ, менѣе жизненнымъ частямъ организма, каковы кости, волосы, верхній покровъ кожи, не выдерживаетъ критики, ибо эти составныя части организма суть вмѣстѣ съ тѣмъ и продукты совершающихся въ немъ процессовъ и этимъ существенно отличаются отъ могущихъ иногда попасть въ организмъ, такъ называемыхъ, инородныхъ тѣлъ. (*Коркуновъ*, l. cit. стр. 200). Не является же территорія продуктомъ внутреннихъ процессовъ, совершающихся въ обществѣ! Съ другой стороны нѣтъ такой части организма, которая не могла бы подвергаться измѣненіямъ, обновленіямъ и перерожденіямъ—естественнымъ (естественный подборъ), часто желательнымъ (искусственный подборъ, созданіе гибридныхъ формъ) и патологическимъ А территорія не подвергается ни одному изъ этихъ измѣненій, кромѣ измѣненій органическаго свойства въ дѣлѣ образованія почвы и искусственнаго ея приспособленія къ цѣлямъ матеріальной культуры И все-же и это незначительное сходство не даетъ аналогіи между территоріей и органами тѣла, ибо послѣдніе подвергаются и естественному отбору (искусственный отборъ представляетъ собою только практическое пользованіе законами естественнаго подбора), въ то время, какъ территорія таковому не подвергается Наконецъ, въ дѣлѣ указанной аналогіи рѣчь идетъ о территоріи, какъ основѣ матеріальной связи членовъ общества, а не о землѣ, какъ тѣлѣ, имѣющемъ извѣстный химическій составъ

Итакъ введеніе въ дѣло элемента территоріи нисколько не ослабляетъ значенія дискретности составныхъ частей общества Не менѣе удачна поправка, вносимая въ интересующій насъ во-

просъ другими органицистами. Не касаясь здѣсь взглядовъ ряда ученыхъ на данный предметъ. изглядовъ которые я надѣюсь разсмотрѣть въ будущемъ подробно, укажу, что на одну изъ такихъ поправокъ я уже обратилъ вниманіе читателя въ статьѣ своей о теоріи проф. Вагнера *) Дискретность частей общества кажется г Вагнеру только кажущимся отличіемъ его отъ организма (см *В. Вагнера*, Общество, какъ біологическая индивидуальность. Научное Обозрѣніе 1898 г. № 1, стр. 18), ибо, хотя люди, составляющіе общество, физически раздѣлены другъ отъ друга, но въ понятіе соціальнаго организма должно включить все то низшее органическое существованіе, отъ котораго зависитъ существованіе человѣка, а слѣдовательно и общества Аргументація проф. Вагнера въ пользу этого положенія чрезвычайно остроумна, но это остроуміе не въ состояніи замѣнить научной непреложности. „Нужно помнить, говоритъ г. Вагнеръ, что поверхность, по которой люди разсѣяны, не лишена жизни, а покрыта жизнію низшаго разряда, *вспомоществующею* жизни. Растительность страны дѣлаетъ возможною животную жизнь въ этой странѣ, и только посредствомъ своихъ животныхъ и растительныхъ продуктовъ можетъ такая страна поддерживать человѣческое общество Поэтому члены политическаго тѣла не должны считаться отдѣленными промежутками мертваго пространства, а размѣщенными по пространству, занимаемому жизнію низшаго порядка. Въ понятіе о соціальномъ организмѣ мы должны включить все то низшее органическое существованіе, отъ котораго зависитъ существованіе человѣка, а слѣдовательно и общества При такомъ воззрѣніи, гражданъ, составляющихъ общину, можно считать единицами, одаренными высокой жизненностью и окруженными веществами низшей жизненности, отъ которыхъ онѣ получаютъ свое питаніе. Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, это кажущееся различіе (дискретность частей общества сравнительно съ конкретностью членовъ организма) въ значительной мѣрѣ ослабляется“.

Заключительная фраза аргументаціи проф. Вагнера, собственно говоря, уничтожаетъ значеніе всего отстаиваемаго имъ положенія. Если различіе только ослабляется, хотя-бы и въ значительной мѣрѣ, то, значитъ не уничтожается. А если такъ, то, въ виду уже всего сказаннаго нами выше, можно было-бы мнѣніе это и игно-

*) „Днѣпр Молва“ 1898 г № 8

рировать Но дѣло въ томъ, что тутъ же г Вагнеръ снабжаетъ это различіе эпитетомъ „кажущееся“. Если оно только кажущееся, то значитъ его не существуетъ и потому оно и не можетъ ослабляться, если же, наоборотъ, оно только ослабляется, то ни въ коемъ случаѣ оно не кажущееся Такимъ образомъ мы и послѣ аргументаціи проф Вагнера остаемся въ невѣдѣніи о дѣйствительномъ его мнѣніи—существуетъ ли различіе, хотя бы и ослабленное тѣми замѣчаніями, которыя дѣлаетъ почтенный ученый, или нѣтъ Нужно еще замѣтить, что аргументаціи проф. Вагнера предшествуетъ слѣдующее положеніе Въ низшихъ отдѣлахъ животнаго и растительнаго царствъ, говоритъ онъ, существуютъ типы, въ которыхъ живыя единицы, составляющія сущность массы, разсѣяны въ инертномъ веществѣ, которое едва-ли можно назвать живымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Нѣчто *весьма подобное* представляетъ общество. (Ibidem стр. 18). Непосредственно послѣ этого слѣдуетъ цитированная нами аргументація г. Вагнера. Замѣтьте, читатель, что, вопервыхъ, для защиты аналогіи пришлось прибѣгнуть къ сравненію общества (и притомъ вообще общества, т. е какъ низшаго, первобытнаго, такъ и высшаго) съ организмами, стоящими на самой низкой ступени біологическаго ряда Во вторыхъ, это не аналогія, а лишь „нѣчто подобное“. Значитъ, снова различіе оказывается не кажущимся Нѣчто подобное—значитъ тождественное, а доказать-то вѣдь г. Вагнеру полагалось именно не тождественное, а не нѣчто лишь подобное. Само собою разумѣется, что при такомъ значеніи дальнѣйшей аргументаціи, притомъ значеніи, оттѣненномъ самимъ г Вагнеромъ, она теряетъ интересъ доказательства и мы снова приходимъ къ выводу, что аргументацію эту можно было бы и игнорировать Но во-первыхъ, насъ заставляетъ считаться съ этой аргументаціей то обстоятельство, что г. Вагнеръ, вслѣдъ за Спенсеромъ, все-же утверждаетъ, хотя и въ прямое противорѣчіе со своими же мнѣніями, что это различіе лишь кажущееся, а во вторыхъ, что г. Вагнеръ является ученымъ и съ довольно крупнымъ именемъ Признавая ученость г Вагнера, я полагаю, что виною непослѣдовательности его аргументаціи и ложности послѣдней по существу является та несчастная мысль, которая заставила почтеннаго профессора доказывать невозможное, именно мысль о тождествѣ общества съ организмомъ, мысль объ обществѣ, какъ біологической индивидуальности

Непослѣдовательность аргументаціи г. Вагнера нами уже доказана. Но мы сказали, что эта аргументація ложна по существу. Доказать возможно и это Съ точки зрѣнія приведенной аргументаціи оказывается, что тотъ обѣдъ, который вамъ подаютъ, составляетъ часть вашей организаціи и притомъ не тогда, когда пища уже усвоена вашими органами (это-бы еще куда-ни шло, ибо часть поглощаемой пищи, за вычетомъ выдѣленій, которыя уже никакъ не являются частями организма, перерабатывается на пополненіе убылей организма въ тканяхъ, кровяныхъ и лимфатическихъ клѣточкахъ и т п), но задолго до того, именно, когда вашъ обѣдъ свободно гуляетъ по полямъ, рѣетъ по воздуху, растетъ по огородамъ и т. п. Но пусть такъ. Г Вагнеръ ученый естествоиспытатель—ему и книги въ руки, и я не смѣю продолжать споръ на этой почвѣ. Если я въ глубинѣ своей души профана и считаю такой аргументъ проф Вагнера не положеніемъ представителя точныхъ наукъ, а метафизическимъ аргументомъ, то настаивать на этомъ не желаю, потому что и такъ уже раздаются голоса за монополизированіе соціологіи истинными учеными и противъ выводовъ „представителей соціологіи, обладающихъ лишь поверхностною окраскою біологическихъ и психологическихъ наукъ“ (*Де-Греефъ*, Социальная статика Переводъ съ рукописи. „Жизнь“ 1899 г. книга V. Февраль кн. 2, стр. 4 Сравн. также Vacher de Lapouge, Les sélections sociales, Paris 1896, p 2).

Итакъ, допустимъ, что замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу указаннаго мнѣнія г. Вагнера и заключающіяся въ томъ, что въ такомъ случаѣ все, что ѣдятъ животные организмы и что вспомоществуетъ, какъ выражается почтенный ученый, существованію этихъ организмовъ, должно быть включено въ самое понятіе организма, а всѣ тѣ паразиты, которые сосуществуютъ съ различными животными, являются составною частью организаціи этихъ животныхъ или ихъ обществъ („Днѣпр. Молва“ 1898 г. № 8)—что эти замѣчанія не существенны. И тѣмъ не менѣе окажется, что аргументація проф Вагнера неправильна со стороны фактической, т е. въ области, въ которой позволительно не подчиняться авторитету г. Вагнера. Члены политическаго тѣла, говоритъ г. Вагнеръ, не должны считаться отдѣленными промежутками мертваго пространства, а размѣщенными по пространству, занимаемому жизнію низшаго порядка, долженствующею быть включенной въ понятіе соціальнаго организма. Почему же именно эта низ-

шая жизнь *должна* быть включенной въ понятіе соціальнаго организма? Этого г Вагнеръ намъ не показалъ и это остается либо тайной его авторитета, либо трансцедентнымъ закономъ, не подлежащимъ доказыванію, либо закономъ эмпирическимъ Но пусть такъ Однако, почему же г Вагнеръ находитъ, что члены *политическаго* тѣла не должны считаться отдѣленными промежутками мертваго пространства? Развѣ это не относится и къ членамъ національнаго общества или далѣе ко всему человѣчеству? Вѣдь націи и человѣчество не разграничены „промежутками мертваго пространства" Правда, могутъ сказать,—ну и сдѣлайте эту поправку, считайте соціальнымъ организмомъ все человѣчество Прекрасно. А государства, а народъ—не общества? Какъ видимъ, это не поправка, а доказательство несообразности самаго положенія, отстаиваемаго г Вагнеромъ Далѣе: церковь несомнѣнно общество. А какая же низшая жизнь входитъ во взаимную связь членовъ этого общества, когда эта связь, по самой идеѣ церковнаго союза, исключительно духовнаго свойства?

Сказаннымъ не ограничивается ложность аргументаціи г. Вагнера по самому существу таковой. Если члены политическаго, національнаго, религіознаго тѣла—связаны между собою тою растительною жизнію, которая замѣщаетъ собою „промежутки мертваго пространства" (мы видѣли, впрочемъ, что для случая религіознаго союза это невѣрно), то эта связь должна уже всегда и оставаться таковою и отсутствіе этой связи, какъ это и бываетъ въ животномъ организмѣ, должно уничтожить самый организмъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожить и существованіе самыхъ частей. Предположите, однако, что нѣсколько членовъ, подданныхъ одной и той-же страны, людей одной національности и одной вѣры,—встрѣтились въ мѣстности, необитаемой ни людьми, ни представителями низшей жизни (годной для „воспомоществованія жизни", какъ этого требуютъ Спенсеръ и проф. Вагнеръ), допустимъ—въ пустынѣ, или въ арктической странѣ Перестанутъ-ли эти члены одной націи, одного политическаго и религіознаго союза быть таковыми, въ виду того, что они въ данное время не соединены представителями низшей жизни и раздѣлены промежутками мертваго пространства? Странные (заимствуемъ эпитетъ у проф. Летурно) организмы, члены которыхъ то являются таковыми, то нѣтъ, и странные члены организма, которые то являются таковыми, то нѣтъ, и притомъ *самопроизвольно*. И если они продолжаютъ оставаться

членами прежнихъ „организмовъ“, какъ они продолжаютъ оставаться таковыми, когда подымаются на высокую гору или въ вышину атмосферы, за предѣлы растительной и животной жизни; если, говоримъ мы, они продолжаютъ оставаться членами покинутыхъ ими организмовъ, то какое-же значеніе тогда имѣетъ указанная г Вагнеромъ связь, если и при отсутствіи таковой члены цѣлаго остаются „органами“ покинутыхъ организмовъ? Ясное дѣло, что суть не въ той связи, которую указалъ г. Вагнеръ и которая дѣлаетъ цѣлое конкретнымъ, а въ другой,—которая и производитъ то явленіе, котораго не укажетъ ни одинъ авторитетъ естествовѣдѣнія въ мірѣ органическомъ и которое заключается въ томъ, что, оставляя свое общество, человѣкъ остается членомъ его. Эта другая связь также намѣчена Спенсеромъ, но только ей онъ не придалъ значенія, тогда какъ мы видимъ, что въ ней то и дѣло.—Эту связь Спенсеръ назвалъ связью рѣчи и эмоціальныхъ движеній, это та связь, которая имъ отмѣчена, какъ признакъ отличія надъ-организма отъ организма. Это связь психическая, расчленяющаяся на связь собственно психическую, правовую, экономическую и религіозную. Такимъ образомъ разбираемое нами различіе является не кажущимся, какъ это думаетъ Спенсеръ и другіе органицисты, а дѣйствительнымъ и притомъ весьма важнымъ, на столько важнымъ, что одинъ изъ критиковъ органической теоріи, проф. Карѣевъ, изъ нея выводитъ всѣ дальнѣйшія различія между обществомъ и организмомъ.

Мы указали выше, что второе отличіе общества отъ организма, отмѣченное Спенсеромъ въ „Основаніяхъ Соціологіи“ заключается въ отсутствіи въ обществѣ *сензоргума*, каковое обстоятельство зависитъ отъ различнаго отношенія частей въ обществѣ и организмѣ, въ зависимости въ свою очередь отъ того, что является въ томъ и другомъ цѣлью и что средствомъ Мы указали уже выше, что и это отличіе Спенсеръ считаетъ несущественнымъ. Должно, однако, замѣтить, что и въ этомъ отношеніи сдѣланы поправки и нѣкоторые соціологи, въ особенности Новиковъ и отчасти Гарофало, не отступили и здѣсь предъ аналогіей общества съ организмомъ. Мы, полагаемъ, еще будемъ имѣть случай побесѣдовать съ читателемъ о воззрѣніяхъ Новикова и Гарофало, а пока останемся на томъ положеніи вопроса, на которомъ онъ находится въ ученіи Спенсера. Вопросъ этотъ г. Коркуновъ считаетъ праздным. „Всякое самосознающее существо, говоритъ

онъ, полагаетъ себя цѣлью, а все другое средствомъ. Человѣкъ считаетъ одинаково средствомъ для своихъ цѣлей и тѣ клѣточки, изъ коихъ самъ состоитъ, и то общество, въ составъ котораго входитъ, какъ составной элементъ Это понятіе цѣли совершенно субъективное и еслибы клѣточки обладали самосознаніемъ, онѣ, конечно, считали бы себя цѣлью, а организмъ, ими составляемый, средствомъ" (*Коркуновъ*, Лекціи по общей теоріи права, стр. 201) Проф. Коркуновъ оставляетъ въ сторонѣ телеологію и ищетъ другой, болѣе объективной, постановки вопроса о соотношеніи частей и цѣлаго. Мы находимъ такое устраненіе телеологіи незаконнымъ въ вопросѣ, такъ неразрывно связанномъ съ самою сущностью человѣческаго общества, что даже такой крайній объективистъ, какъ Спенсеръ, не избѣгнулъ ея. Научный объективизмъ въ соціологіи, конечно необходимъ, какъ согласился и одинъ изъ представителей русской субъективной школы, но лишь въ предѣлахъ описанія и классифицированія соціальныхъ явленій Тамъ-же, гдѣ нужно понять эти явленія, ихъ необходимо разсматривать съ точки зрѣнія цѣли, для которой дѣйствія личности составляютъ лишь средства, съ точки зрѣнія цѣлей, которыя вызвали явленія или которыя воплощаются въ общественныхъ формахъ (*П. Л.* Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Современное Обозрѣніе 1869 г. № 5, стр. 137) *) Вопроса этого мы уже вскользь коснулись какъ въ настоящей работѣ, такъ и въ статьѣ о „Практическомъ значеніи соціологіи", но такъ какъ вопросъ о примѣнимости субъективнаго метода къ изученію соціальныхъ явленій не такъ простъ, чтобы можно было ограничиться одними бѣглыми о немъ замѣчаніями, то, не раздѣляя законности устраненія изъ даннаго вопроса телеологіи, устраненной, какъ мы видѣли, проф. Коркуновымъ, мы предпочитаемъ въ настоящее время оставаться на почвѣ объективныхъ взглядовъ этого ученаго, ибо, даже при такомъ объективномъ отношеніи къ дѣлу, оказывается, что отмѣченное Спенсеромъ различіе между обществомъ и организмомъ является глубокимъ и серьезнымъ и устраняющимъ аналогію между тѣмъ и другимъ.

„Оставляя въ сторонѣ телеологію, говоритъ проф Коркуновъ, мы можемъ найти другую, болѣе объективную, постановку

*) Весьма близко къ изложенному взгляду высказался въ недавнея время Дюпра (См Dupraf: Science sociale et démocratie Paris 1900, p 35—35 и p. 74 sq)

вопроса о соотношеніи частей и цѣлаго. Будемъ ли мы считать человѣка цѣлью, а общество—средствомъ или наоборотъ, мы во всякомъ случаѣ не можемъ не замѣтить существеннаго различія между отношеніями человѣка къ обществу и клѣтки къ организму, мы не можемъ отказать въ признаніи за человѣкомъ большей *самостоятельности* сравнительно съ клѣткой („*Коркуновъ* Лекціи по общей теоріи права, стр 201) Далѣе г Коркуновъ аргументируетъ слѣдующимъ образомъ Клѣточка всегда составляетъ исключительную принадлежность одного организма и не можетъ входить въ то-же время въ составъ другого организма Словомъ въ составъ индивидуальнаго организма не входятъ „иностранцы". Напротивъ, человѣкъ (если съ точки зрѣнія органицистовъ, считать его „клѣточкой социальнаго организма"; если нѣтъ, то тоже самое справедливо относительно семьи) можетъ быть одновременно членомъ нѣсколькихъ разнородныхъ общественныхъ союзовъ, не совпадающихъ въ своихъ границахъ Напримѣръ, русско-подданный можетъ быть германской національности и членомъ католической церкви При такихъ условіяхъ вліянію каждаго даннаго общества на личность противостоитъ не эта изолированная личность, какъ таковая, а личность, какъ членъ другихъ общественныхъ союзовъ А между тѣмъ клѣтка организма не можетъ найти противовѣса вліянію организма въ воздѣйствіи другого организма, который также включалъ бы ее въ себѣ. Еще важнѣе то, говоритъ проф. Коркуновъ, что при такихъ условіяхъ каждая личность не является продуктомъ исключительно даннаго организма, а продуктомъ совмѣстнаго воздѣйствія нѣсколькихъ разнородныхъ союзовъ (Idem стр. 200—201) *) Такимъ образомъ соотношеніе частей „общественнаго организма" таково, что не позволяетъ никоимъ образомъ сравнивать этотъ „организмъ" съ индивидуальнымъ Зависимость частей отъ цѣлаго въ одномъ и самостоятельность въ другомъ, подчиненность частей одному чувствилищу въ одномъ и разсѣянная чувствительность въ другомъ— составляютъ столь рѣзкія отличія организма отъ общества, что только метафорически можно говорить о первомъ, какъ объ организмѣ Въ дѣйствительности же черты сходства объясняются не тѣмъ, что общество по природѣ своей является организмомъ, а

*) Сравн о томъ-же у *Демоора, Массара и Вандервельде*: Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи, перев. съ французск Спб 1898 г. стран 9

тѣмъ, что оно представляетъ собой, какъ нами было уже замѣчено выше, *организацію* (Ratzenhofer, Die Sociologische Erkenntnis) То-же самое говоритъ проф. Людвигъ Штеинъ въ своей брошюрѣ посвященной критикѣ ученій представителей органической школы соціологіи (Ludwig Stein, Wesen und Aufgabe der Sociologie, Eine Kritik der organischen Methode in der Sociologie, Berlin 1898) Нужно замѣтить, что представители органической теоріи общества не придаютъ значенія указанному различію, приписывая ему не значеніе по существу дѣла, а лишь *въ степени* (Таковы аргументы Вормса, Лилиенфельда и др Разсмотрѣніе этихъ аргументовъ составитъ предметъ подробнаго изученія въ дальнѣйшихъ нашихъ бесѣдахъ съ читателемъ на ряду съ изученіемъ всѣхъ деталей представленныхъ противъ органической школы возраженій, сдѣланныхъ Тардомъ, Теннисомъ и др) Нельзя, однако, не согласиться, что отмѣченныя выше отличія представляютъ разницу не только въ степени связи частей между собою, но и по существу. Таково, напримѣръ, то обстоятельство, что клѣточка организма является его составною частью и не можетъ въ то-же время быть составною частью другой особи, въ то время какъ каждый человѣкъ можетъ быть одновременно членомъ разныхъ обществъ „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ проф Карѣевъ, сплошь и рядомъ мы видимъ примѣры, что люди одной націи, церкви входятъ въ составъ разныхъ государствъ, что одна церковь обнимаетъ членовъ разныхъ націй и государствъ и т. д Польская, напр. нація состоитъ изъ поданныхъ русскихъ, австрійскихъ и германскихъ; въ ней есть члены церквей католическои, лютеранской и реформаторской Это и тому подобныя явленія возможны именно только вслѣдствіе дискретности общества: и нація—общество, нѣчто цѣлое, и церковь—общество, нѣчто цѣлое, и государство. И вотъ оказывается возможнымъ принадлежать къ разнымъ обществамъ, не покрывающимъ одно другое и одно въ другомъ не заключающимся. *Психическая связь* допускаетъ множество отношеній: человѣкъ можетъ быть и признавать себя членомъ одного общества въ одномъ отношеніи, другого—въ другомъ, третьяго—въ третьемъ и т. д (*Карѣевъ* Историко-философск и соціологич этюды, изд 1899 г. стр. 250—251) Нѣтъ человѣка, замѣчаетъ Тардъ, который не былъ-бы въ одно и то-же время членомъ нѣсколькихъ обществъ, не говоря объ обществахъ коммерческихъ, политическихъ и т. п. Австріецъ нѣмецкой національ-

ности, католической религіи является въ одно и то же время членомъ трехъ обществъ. „Я прошу, прибавляетъ Тардъ, чтобы мнѣ показали нѣчто подобное въ животномъ мірѣ". (Tarde, Etudes de Psychologie Sociale, p. 122—123. Сравн Asturaro, La Sociologia etc., p. 115).

Другого рода параллелизмъ между индивидуумомъ и обществомъ допускаютъ новѣйшіе сторонники соціальной психологіи. Такъ извѣстный Бальдуинъ, въ значительной мѣрѣ слѣдующій теоріямъ Тарда, выводитъ начала коллективной психологіи изъ основъ психологіи индивидуальной, но ограничиваетъ этотъ параллелизмъ лишь съ функціональной стороны жизни общества, а не со стороны структуры послѣдняго. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ни Бальдуинъ, ни его сторонники не находятъ аналогіи между индивидуумомъ и обществомъ именно потому, что въ общенѣтъ спеціальнаго органа, который являлся бы соціальнымъ чувствилищемъ (Charles A. Ellwood, Prolegomena to Social Psychology въ The American Journal of Sociology, July 1899, p. 106—107). Правда, при этомъ Эльвудъ замѣчаетъ, что психологическій параллелизмъ между индивидуумомъ и соціальной группой можетъ быть, съ извѣстной точки зрѣнія, разсматриваемъ какъ коррелативъ органической теоріи строенія общества, но подобный выводъ можетъ быть сдѣланъ лишь съ самой общей точки зрѣнія Эта послѣдняя заключается въ томъ, что основа психическихъ явленій лежитъ въ законахъ физіологическаго свойства, а явленія физіологическія сводятся къ основамъ химическаго свойства (Idem, p. 107—108). Авторъ, однако, не замѣчаетъ, что столь широкая точка зрѣнія уничтожаетъ всякія грани между научными дисциплинами и что, съ другой стороны, съ подобной точки зрѣнія, можно съ одинаковымъ правомъ утверждать, что общество есть механизмъ Чѣмъ принимать такія „общія" точки зрѣнія, лучше отъ нихъ отказываться: дѣло научнаго анализа природы общества можетъ отъ этого только выиграть, ибо, по совершенно вѣрному замѣчанію Лаланда, мыслить общими идеями значитъ не мыслить, а грезить. Допущеніе столь общей точки зрѣнія въ проф. Эльвудѣ тѣмъ болѣе удивительно, что, вообще говоря, этотъ ученый въ остальномъ стоитъ вполнѣ на высотѣ требованій строгой науки и тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ Эльвудъ не является сторонникомъ аналогіи между обществомъ и организмомъ съ точки зрѣнія біологической (см. тамъ-же, стр. 108) и еще тѣмъ болѣе, что

онъ находитъ недостатки въ ученіи Гиддинга, склоннаго, по его мнѣнію, къ механизированію общества (Ср. Ellwood, Prolegomena etc. The American Journ of Sociology, September 1899, p 222) Тоже самое должно сказать относительно аналогичныхъ разсужденій Раценгофера (См Ratzenhofer, Die Sociologische Erkenntnis, Leipzig 1898, s. 117 ff.).

Ниже мы разсмотримъ еще нѣкоторыя частныя различія между обществомъ и индивидуальнымъ организмомъ, а пока вернемся къ Спенсеру, чтобы отмѣтить, что, кромѣ указанныхъ имъ въ „Основаніяхъ Соціологіи“ двухъ коренныхъ отличій (отсутствіе матерьяльной связи между частями общества и отсутствіе въ послѣднемъ подчиненія частей одному соціальному сензоріуму), онъ ранѣе указалъ еще два другихъ различія. Считаемъ не лишнимъ прежде напомнить читателю главнѣйшія черты сходства общества и организма, какъ онѣ установлены Спенсеромъ. Изложеніе выводовъ Спенсера мы въ данномъ случаѣ заимствуемъ у Михайловскаго (Сочиненія, изд. 1888 г. т. IV, стр. 54). *) „Спенсеръ начинаетъ короткимъ общимъ обзоромъ пунктовъ сходства и различія между обществами и индивидуальными организмами. Пунктовъ сходства онъ указываетъ четыре Вопервыхъ, какъ общества такъ и организмы, начинаясь соединеніемъ небольшаго числа частей, постепенно такъ увеличиваются въ объемѣ, что нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ размѣра, въ десять тысячъ разъ болѣе первоначальнаго. Во вторыхъ, и тѣ и другіе развиваются по одному типу, переходя отъ простаго къ сложному. Въ третьихъ, и въ тѣхъ и въ другихъ постепенно развивается взаимная зависимость частей, такъ что, наконецъ, жизнь и дѣятельность каждой части обусловливается жизнію и дѣятельностью остальныхъ частей. Въ четвертыхъ, элементы организма и общества рождаются, развиваются, дѣйствуютъ и умираютъ каждый самъ по себѣ, между тѣмъ какъ цѣлое продолжаетъ жить и переживать одно поколѣніе элементовъ за другимъ. Эти пункты сходства представляются Спенсеру весьма значительными и важными, тогда какъ наоборотъ пункты различія—гораздо менѣе рѣзкими. Ихъ тоже четыре. Во первыхъ организмы имѣютъ специфическія *внѣшнія формы*, тогда какъ общества ихъ не имѣютъ. Но это различіе сглаживается,

*) То-же самое можно найти у Дюпра, а еще подробнѣе касается этого вопроса Уордъ (Dupraț, Science sociale et démocratie, Paris 1900, p. 42—45; Lester Ward, Outlines of Sociology, New York 1898, стр. 50-56).

по мнѣнію Спенсера, какъ неопредѣленностью формъ нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, такъ и тѣмъ, болѣе общимъ фактомъ, что внѣшняя форма организмовъ „зависитъ отъ окружающихъ условій". Надо правду сказать, что это уже слишкомъ общій фактъ, потому что внѣшняя форма неорганическихъ тѣлъ точно также зависитъ отъ окружающихъ условій" Что касается второго и третьяго пунктовъ различія, то они заключаются въ извѣстныхъ намъ уже явленіяхъ конкретности строенія организма и дискретности структуры общества и наличности единаго сензоріума въ организмѣ и отсутствіи такового въ обществѣ Первое изъ различій какъ мы знаемъ, считается несущественнымъ потому, что общественныя единицы не раздѣлены „промежутками мертваго пространства", а, какъ и единицы индивидуальнаго организма, пространствами низшей жизни. Замѣтимъ, что нашъ соотечественникъ г. Новиковъ прибавляетъ еще и другое основаніе несущественности этого различія, именно, что, въ сущности говоря, и клѣточки организма не находятся въ матерьяльной связи и что связь эта намъ только *кажется* таковою въ виду несовершенства нашихъ оптическихъ инструментовъ. Однако, намъ кажется что г. Южаковъ совершенно правильно различаетъ соотношеніе частей въ организмѣ и обществѣ на столько строго, что для случая организма имъ употребляется терминъ „сцѣпленіе" частей, для случая общества, которое онъ называетъ общежитіемъ,—„сочетаніе" живыхъ единицъ. (*Южаковъ*, Соціологическіе этюды. т II. Спб. 1896 года)

Съ другой стороны въ наукѣ не безспорно и вышеприведенное положеніе Новикова объ отсутствіи матерьяльной связи между клѣточками организма и о томъ, что лишь несовершенство нашего зрѣнія и помогающихъ ему оптическихъ инструментовъ заставляютъ людей руководствоваться такимъ грубымъ наблюденіемъ (видимая матерьяльная связь клѣточекъ) и не замѣчать, что въ сущности выводъ изъ такого наблюденія субъективенъ и ненаучнаго свойства и что между клѣточками организма должны быть интервалы, какъ и между социальными клѣточками. (Novicow, La Theorie organique des sociétés. Annales de l'Institut international de sociologie, Tome IV, Paris 1868, p. 179 sqq) Свое замѣчаніе о неправильномъ отношеніи научныхъ критиковъ къ вопросу о значеніи пространства въ отношеніи къ изслѣдуемому предмету г. Новиковъ распространяетъ и на многія другія стороны критики

органицистовъ, но насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ лишь указанная сторона дѣла Въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ, направленномъ на защиту органической школы, г Новиковъ снова повторяетъ, что „клѣточки животнаго организма не находятся въ непрерывной матерьяльной связи: онѣ раздѣлены интервалами, которые *соотносительно* такъ-же велики, какъ и тѣ, которые раздѣляютъ людей въ обществѣ. Но такъ какъ мы этихъ интерваловъ не замѣчаемъ, то мы и утверждаемъ, что ихъ нѣтъ Это очень удобно И вотъ натуралисты, изучающіе вопросъ, часто спрашиваютъ себя съ изумленіемъ, какимъ образомъ клѣточки могутъ отправлять совмѣстную дѣятельность, не будучи въ матерьяльной связи? Они не находятъ разгадки этой тайны“ (Novicow, La théorie organique de sociétés: défense de l'organicisme Annales de l'Institut International de Sociologie, tome V. Paris 1899, p 124) Новиковъ находитъ, что дѣло не во взаимномъ сосѣдствѣ, а въ той жизненной циркуляціи, которая образуетъ изъ этого сосѣдства индивидуальность (Idem p. 125) Не касаясь здѣсь вопроса о характерѣ жизненной циркуляціи (это предметъ живаго спора между виталистами и анти-виталистами), замѣтимъ, что во первыхъ г Новиковъ не доказалъ отсутствія матерьяльной связи между клѣточками организма, а лишь поставилъ вопросъ и, не разрѣшивъ его, отвлекъ вниманіе отъ главной темы путемъ замѣчанія о томъ, что мы не допускаемъ интерваловъ потому, что ихъ не видимъ, какъ будто-бы это исключаетъ возможность и другого вывода: потому мы ихъ и не видимъ, что ихъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ подобный критеріумъ не говоритъ ни за, ни противъ положенія, которое и остается неприкосновеннымъ, т. е что при существующихъ средствахъ наблюденія, мы видимъ матерьяльную связь, а не простое сосѣдство, клѣточекъ организма между собою Но въ началѣ этого замѣчанія мы сказали, что вообще положеніе г Новикова не безспорно въ наукѣ И дѣйствительно рядъ наблюденій и объективно-научныхъ выводовъ приводятъ проф Георга Гѣрманна къ заключенію о непрерывномъ атомномъ сцѣпленіи частей организма, а равно о чисто механическомъ и химическомъ характерѣ передачи раздраженія, полученнаго одними молекулами, другимъ. Пускай, говоритъ Гёрманнъ, молекулы состоятъ изъ милліоновъ атомовъ, пускай онѣ одарены высокой химическою разнородностью, но онѣ останутся безжизненными, доколѣ мы ихъ не свяжемъ между собой допущеніемъ наличности химическаго сродъ-

ства и до тѣхъ поръ. пока не допустимъ непрерывнаго сцѣпленія атомовъ, безъ котораго наличное химическое сродство не можетъ придти въ живое дѣйствіе. (Georg Hörmann, Die Kontinuität der Atomverkettung, ein Strukturprinzip der lebendigen Substanz, Iena 1899, s. 35, 61 ff, 111 и заключеніе, s. 116—118)

Дальнѣйшее отличіе общества отъ организма заключается по-Спенсеру въ слѣдующемъ „Живые элементы организма большею частью неподвижны, а элементы организма соціальнаго способны передвигаться". (*Михайловскій*, l. cit стр. 55) И это различіе Спенсеръ считаетъ неважнымъ и поверхностнымъ Въ качествѣ общественныхъ дѣятелей, люди, по мнѣнію Спенсера, въ сущности неподвижны: сельскій хозяинъ, мануфактуристъ и т д. функціонируютъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, и если отлучаются на всегда или на время, то оставляютъ кого-нибудь на мѣсто себя.— Едва-ли можно, вслѣдъ за Спенсеромъ, считать это различіе лишь различіемъ въ степени подвижности частей общества и организма, а не различіемъ по существу. Замѣтимъ, что органицисты вообще злоупотребляютъ сведеніемъ всѣхъ различій общества отъ организма, различій, которыхъ они не могутъ отвергнуть,—къ различіямъ въ степени, а не по существу. Не должно забывать что часто различіе въ степени является и различіемъ по существу: иначе вообще невозможно провести демаркаціонной линіи между различными космическими явленіями Съ такой точки зрѣнія между обществомъ и *механизмомъ* тоже различіе состоитъ только въ *степени* соотношенія частей. Съ этой точки зрѣнія нужно признать вполнѣ послѣдовательнымъ возрожденіе механической теоріи строенія общества, основанной на новѣйшихъ выводахъ науки. См., напримѣръ, *Л. Виніарскаго*: „La Teoria della proprietà e della famiglia. Saggio sulla meccanica sociale pura" въ Rivista Italiana di Sociologia 1899 г. Сентябрь—Октябрь, особенно стр. 572, 574, 583 и слѣд. Нужно замѣтить, что Фуллье находитъ эволюціонизмъ Спенсера чисто механическимъ и при этомъ замѣчаетъ, что механическая эволюція и даже вообще теорія эволюціи не является закономъ, а скорѣе результатомъ ряда законовъ (Fouillée, L'évolutionnisme des idées—forces, Paris 1890, p. LI). Мысль свою Фуллье поясняетъ тѣмъ, что, въ сущности говоря, эволюція составляетъ понятіе сложное, разложимое на болѣе простые элементы. Съ этой точки зрѣнія Дарвинъ является болѣе философомъ, нежели Спенсеръ, ибо онъ доказалъ, что эволюція не законъ, а

феноменъ, подлежащій объясненію посредствомъ болѣе основныхъ законовъ, каковы естественный подборъ и борьба за существованіе (idem, p. LIV) Находя монизмъ Спенсера ведущимъ къ механическому воззрѣнію на соціальную жизнь, Фуллье считаетъ необходимымъ введеніе въ послѣднюю чувствъ—силъ и идей—силъ, какъ безусловнаго ингредіента строенія и развитія обществъ. (Fouillée, l. c, стр LIV и passim и *его-же*: La psychologie des idées—forces, т. I и II, Paris 1893, passim). Возвратимся, однако, къ вопросу о различіи въ степени. Между бѣгомъ лошади и ходомъ курьерскаго поѣзда различіе также только въ степени, а между тѣмъ къ какимъ плодотворнымъ разультатамъ могла бы повести аналогія между этими двумя явленіями? Съ другой стороны въ только что приведенномъ пунктѣ различія общества и организма имѣется глубокое отличіе и по существу. Функціонированіе сельскаго хозяина и рабочаго на мѣстѣ невозможно считать органическою неподвижностью, ибо оно является самопроизвольнымъ. Когда-же оно и бываетъ пассивнымъ, то въ зависимости не отъ причинъ органическаго свойства, а отъ причинъ экономическихъ, которыхъ можетъ не быть. Ничего подобнаго въ неподвижности органическихъ клѣточекъ мы не видимъ. Нельзя также не указать, что Спенсеръ переноситъ центръ вниманія читателя на явленіе *неподвижности* частей, тогда какъ слѣдовало болѣе изучить вопросъ съ точки зрѣнія ихъ *подвижности*. Хотя и въ организмѣ наблюдается движеніе клѣточекъ (движеніе, напримѣръ, клѣточекъ эндо—и эктодермы, блуждающіе лейкоциты), но здѣсь мы не видимъ ничего самопроизвольнаго. Это во первыхъ. Во вторыхъ замѣна передвинувшейся клѣточки происходитъ строго въ опредѣленномъ порядкѣ, тогда какъ въ обществѣ можетъ совсѣмъ такой замѣны не быть, а съ другой стороны замѣна можетъ заключаться въ томъ, что вмѣсто ушедшаго изъ даннаго общества мануфактуриста, сельскаго хозяина и т. п. можетъ появиться представитель совершенно новой индустріи или новаго типа прежняго производства, самое появленіе котораго обусловило эмиграцію прежней „соціальной клѣточки“. Притомъ эта замѣна не всегда происходитъ въ формѣ эмиграціи „освобожденнаго“ отъ производства члена общества, а большею частью въ переходѣ его въ другіе кадры общественныхъ рабочихъ силъ. Наконецъ, переходъ мануфактуриста къ интелектуальному, напримѣръ, труду—не имѣетъ ровно никакой аналогіи въ движеніи клѣ-

точекъ организма, даже лейкоцитовъ, ибо ихъ движеніе не самопроизвольно, а сводится къ явленіямъ хемотаксиса и т. п.

Г. Михайловскій обходитъ всѣ эти вопросы, вытекающіе изъ различія подвижности частей общества и организма молчаніемъ и обращаетъ больше вниманія на вопросъ о чувствилищѣ (сензоріумъ). Мы уже знаемъ, что, хотя Спенсеръ и признаетъ, что въ тѣлѣ животнаго только извѣстный родъ ткани одаренъ чувствительностью, тогда какъ въ обществѣ всѣ члены одарены ею, онъ тѣмъ не менѣе ослабляетъ этотъ доводъ тѣмъ, что и въ нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, неимѣющихъ нервной системы, обладаемая ими слабая чувствительность распредѣлена одинаково на всѣ части (*Михайловскій*, l. cit. стр. 55). Замѣтимъ, во первыхъ, что Спенсеръ только ослабляетъ значеніе различія, а не отрицаетъ его. Такимъ образомъ поступаетъ онъ и относительно всѣхъ другихъ пунктовъ различія и такимъ же образомъ поступаютъ всѣ его послѣдователи, напримѣръ Вагнеръ, какъ мы это показали выше. Но это различіе въ степени есть и различіе по существу. Во вторыхъ, сравненіе общества вообще, т. е. всякаго общества, съ организмами низшаго типа не рекомендуетъ научной солидности аналогіи. Если сравнивать общество вообще,— то сравнивать должно и съ организмомъ всякаго рода, т. е. съ понятіемъ организма, а не съ такими исключительными организмами, которые обладаютъ признаками, отсутствующими у другихъ представителей органическаго міра. Наконецъ, еще можно было-бы допустить сравненіе общества съ высшими организмами, считая законнымъ сравненіе съ низшими организмами низшихъ обществъ, но отнюдь не отвлеченное общество съ опредѣленными типами организмовъ. При сравненіяхъ же послѣдняго рода должно дѣлать и соотвѣтствующія заключенія, а именно: общество не организмъ вообще, а организмъ низшаго порядка. Но такого заключенія пока еще органицисты не дѣлаютъ, а на иное они, путемъ сравненія общества съ низшими организмами, права не имѣютъ.

Вернемся, однако, къ остановившимъ наше вниманіе разсужденіямъ г. Михайловскаго. Оставивъ безъ возраженій замѣчанія Спенсера о томъ, что упомянутое различіе ослабляется тѣмъ, что и среди нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ встрѣчаются такія, которыя не имѣютъ нервной системы и у которыхъ слабая чувствительность распредѣлена одинаково на всѣ части, г. Михайловскій приводитъ слѣдующія соображенія Спенсера. Общества так-

же не свободны отъ нѣкотораго дифференцированія даннаго рода Единицы общины хотя и всѣ чувствительны, но чувствительны не въ равной степени. Впечатлительность земледѣльческаго сословія не одинакова съ впечатлительностью другихъ сословій. Хотя, такимъ образомъ, отличіе и остается и хотя его не слѣдуетъ упускать изъ виду, потому что это различіе напоминаетъ намъ, что тогда какъ въ индивидуальныхъ тѣлахъ благосостояніе всѣхъ частей вполнѣ подчинено благосостоянію нервной системы,—въ обществѣ живыя единицы не утрачиваютъ и не могутъ утратить индивидуальной сознательности, а община не имѣетъ корпоративной сознательности, какъ цѣлое,—но тѣмъ не менѣе Спенсеръ не придаетъ этому различію значенія таковаго по существу дѣла. Мы, впрочемъ, уже касались этого вопроса выше и здѣсь повторили его только въ связи съ другими, только что разсмотрѣнными вопросами. Г. Михайловскій совершенно резонно замѣчаетъ слѣдующее „Казалось бы, послѣднее различіе („корпоративная жизнь должна подчиняться жизни отдѣльныхъ частей, а не жизнь отдѣльныхъ частей—корпоративной жизни“) до такой степени существенно и важно, что его одного было бы достаточно для уничтоженія параллели между обществомъ и организмомъ. (*Михайловскій* l cit стр 56, *Спенсеръ*, Опыты, т. I, стр 426) Мы знаемъ, однако, что Спенсеръ находитъ это различіе не существеннымъ и не важнымъ. Таковымъ его считаетъ и г Вагнеръ. Приведя разсужденія Спенсера о томъ, что и въ мірѣ органическихъ тѣлъ встрѣчаются организмы съ одинаково распространенною на всѣ ихъ части чувствительностью и что и въ обществѣ не всѣ классы чувствительны въ одинаковой степени, г. Вагнеръ замѣчаетъ, что Льюисъ („The physical basis of mind“) идетъ еще дальше и доказываетъ, что рубежъ между животнымъ и общественнымъ организмомъ, который авторы видятъ въ существованіи спеціальнаго чувствилища у первыхъ и его отсутствіи у послѣднихъ, если и можетъ быть допущенъ, то лишь количественный, а вовсе не качественный. (Опять степень, а не существо!) Чувствительность, по мнѣнію Льюиса, принадлежитъ не одной только нервной системѣ, а разлита и по другимъ частямъ тѣла. Мозгъ—это органъ, который лишь концентрируетъ въ себѣ способность, разсѣянную болѣе или менѣе слабо по всему организму, а изъ этого уже само собою слѣдуетъ (?), что разница между общественнымъ и животнымъ организмомъ, на основаніи

присутствія у однихъ и отсутствія чувствилища у другихъ—только количественная. Это заключеніе, по утвержденію Льюиса, является тѣмъ болѣе справедливымъ, что не всѣ части общественнаго тѣла одинаково воспріимчивы къ политическимъ эмоціямъ, а нѣкоторыя изъ нихъ даже почти совершенно индифферентны къ своимъ высшимъ интересамъ, особенно въ мало цивилизованныхъ обществахъ. (*В. А. Вагнеръ*, Общество, какъ біологическая индивидуальность. Научн Обозр. 1898 г. кн I, стр. 20—21). То-же говоритъ Льюисъ и въ другомъ своемъ трудѣ. См „Исторію философіи“, перев съ англ Спб. 1892 г. стр. 514 и слѣд.

Собственно говоря, только-что приведенная аргументація Льюиса представляетъ собою, во второй части, только повтореніе вышеприведеннаго разсужденія Спенсера. По поводу же этихъ разсужденій мы имѣли уже случай замѣтить, что изъ того явленія, что у нѣкоторыхъ организмовъ чувствительность распространена по всѣмъ частямъ тѣла, безъ выдѣленія особаго сензоріума, можно только сдѣлать выводъ, что существуютъ и такіе организмы и ничего болѣе. Во вторыхъ, что различные члены и слои общества думаютъ и чувствуютъ не одинаково, это вѣрно, но это ничего въ пользу аналогіи общества съ организмомъ не доказываетъ, ибо эти члены всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности все-таки чувствуютъ и думаютъ и только кругозоръ думъ и чувствъ ихъ не одинаковъ. („Днѣпр. Молва“ 1898 г № 8). Что же касается собственно той мысли Льюса, что мозгъ только концентрируетъ въ себѣ способность, болѣе или менѣе разсѣянную по всему организму, то во первыхъ само по собѣ это не безусловно вѣрно, ибо существуютъ клѣтки организма (напр. клѣтки костнаго основанія организма), не обладающія самостоятельною чувствительностью. Нужно, однако, замѣтить, что проф. Эрнстъ Геккель, и, насколько я знаю, онъ одинъ, въ своей теоріи „целюлярной психологіи“ надѣляетъ и костянную клѣтку „своимъ собственнымъ и самостоятельнымъ ощущеніемъ и своей собственной волей, хотя эта клѣтка, какъ и кровянная, кожная и т. д совершенно подчинена всемогущему вліянію господствующихъ мозговыхъ клѣтокъ“ (*Геккель*, Клѣточныя души и душевныя клѣтки, Кіевъ 1880 г. стр. 38). Не нужно становиться на точку зрѣнія Делажа Ле-Дантека, Шимкевича, Вагнера, Тимирязева и друг., чтобы признать ненаучность подобнаго воззрѣнія: даже крайніе виталисты, напр. Бунге, не раздѣляютъ такого взгляда. Во вторыхъ здѣсь

снова, какъ это часто дѣлаютъ приверженцы органической теоріи общества, вниманіе читателя отвлечено на одну только, и притомъ не самую существенную, сторону дѣла Суть заключается не столько въ томъ, что нѣкотораго рода самостоятельною чувствительностью (если только это вѣрно!) обладаютъ и части животнаго организма, причемъ эта разсѣянная чувствительность оперируетъ при помощи концентрирующей ее нервной системы, а въ томъ, что въ обществѣ *нѣтъ* (сколько бы ни утверждалъ противоположное г. Новиковъ, которому въ этомъ отношеніи рѣшаются слѣдовать только немногіе органицисты) центральнаго сензоріума, которому были бы подчинены члены общества и чрезъ который „слабо разсѣянная среди этихъ членовъ чувствительность“ оперировала бы во-внѣ. Наконецъ, чувствительность чувствительности рознь. Разница не количественная только, какъ полагаютъ сторонники органической теоріи общества, а и по существу. Не говоря здѣсь о теоріи Уорда, отличающаго индивидуумъ, какъ члена общества, не по простой чувствительности, а по интелекту, а въ послѣднемъ не только интуитивный разумъ, но также и „изобрѣтательный“, а также о теоріи, по которой животное зависитъ отъ среды, а человѣкъ перерабатываетъ среду (*Лестеръ Уордъ*. Психическіе факторы цивилизаціи. перев. Давыдовой. Спб 1897 г.), мы, слѣдуя чисто объективному изслѣдованію вопроса со стороны Южакова, отличающаго чувствительность члена общежитія моментомъ активности (*Южаковъ*. Соціологическіе этюды т. II Спб. 1896 г. стр. 76 и слѣд.), замѣтимъ, что коренное различіе между чувствительностью всего того, что не является индивидуальностью и чувствительностью послѣдней заключается именно въ присущемъ всякой индивидуальности элементѣ активности. Это не количественное только различіе, ибо, благодаря новому элементу (активности) является совершенно новое понятіе—индивидуальности, которою, конечно, не отличаются отдѣльныя клѣточки этой индивидуальности. Правда, органицисты утверждаютъ, что и индивидуумъ является обществомъ, ибо состоитъ изъ взаимно связанныхъ живыхъ тѣлъ (клѣточекъ), но до признанія активности за этими клѣточками не дошелъ ни Льюисъ, ни крайніе виталисты, ни одинъ изъ новѣйшихъ органицистовъ. Не менѣе важное значеніе имѣетъ этическая чувствительность индивидуума. Но вопросъ этотъ слишкомъ серьезенъ и сложенъ, чтобы ограничиться простымъ за-

мѣчаніемъ Я и коснусь его въ другомъ очеркѣ, посвященномъ теоріи Вормса.

Такимъ образомъ поправка, внесенная въ дѣло Льюисомъ и вслѣдъ за нимъ проф. Вагнеромъ, нисколько не измѣняетъ коренного и важнаго различія между обществомъ и организмомъ, заключающагося въ самостоятельности частей общества и отсутствіи въ немъ сенсоріума и въ наличности моментовъ обратнаго характера въ организмѣ Поэтому совершенно правы г.г Михайловскій, Карѣевъ и другіе, утверждающіе, что этого одного различія достаточно чтобы отвергнуть всякія аналогіи между обществомъ и живымъ существомъ.

Собственно говоря вопросъ о чувствительности отдѣльныхъ частей организма, раздѣляемый многими учеными вплоть до созданія „целлюлярной психологіи" (Геккель Ср. также теорію Мечникова) *), является столь серьезнымъ и важнымъ, что требуетъ болѣе детальнаго разбора, тѣмъ болѣе, что сторонники органической теоріи строенія общества придаютъ этому вопросу весьма серьезное значеніе Такъ, напримѣръ, Эспинасъ („Социальная жизнь животныхъ", Спб. 1882 г. изд г Павленкова) говоритъ, что для образованія общественнаго организма необходимо, чтобы единеніе субстанціи перешло въ единеніе сознаній, хотя это единеніе „понимается имъ далеко не такъ, какъ бы это съ точки зрѣнія послѣдовательности, слѣдовало, именно въ смыслѣ духовнаго стремленія частей социальнаго организма другъ къ другу" (*Михайловскій*, Патологическая магія Сѣверн. Вѣсти. 1887 г № 12, стр

*) *Геккель* Клѣточныя души и душевныя клѣтки, перев. съ нѣм. Кіевъ 1880 г., особ., стр 24 и 42—43 Что касается *И И Мечникова*, то, судя по одной фразѣ въ его позднѣйшемъ научномъ трудѣ, этотъ знаменитый ученый отказался отъ прежнихъ воззрѣній на целюлярную психологію, или по крайней мѣрѣ отказался отъ признанія психическихъ явленій въ движеніяхъ лейкоцитовъ по направленію къ болѣзнетворнымъ бактеріямъ для поглощенія таковыхъ „Съ самаго начала изслѣдованія фагоцитоза, говоритъ г Мечниковъ (а это „начало" принадлежитъ г Мечникову), эти явленія (приближеніе фагоцитовъ къ микробамъ и т п) считались выраженіемъ *чувствительности*; но нѣсколькими годами позже было построено болѣе систематическое ученіе о проявленіяхъ чувствительности фагоцитовъ вообще и о „хемотаксисѣ" въ особенности" (*Мечниковъ*, Иммунитетъ. Перев. Алексѣева, Спб. 1898 г., стр. 26). Явленія же хамотаксиса или химотропизма, какъ и гелиотропизма или гальванотропизма, не имѣютъ ничего общаго съ чувствительностью въ смыслѣ психическаго момента

208). Однако, нельзя не замѣтить, что не можетъ быть и рѣчи о духовномъ стремленіи клѣточекъ другъ къ другу, ибо это стремленіе составляетъ психическое явленіе *цѣлесообразности, а не причинности* (см. различеніе этихъ явленій у *Лилiенфельда*: „Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft“ Bd. I, Mittau 1875, S 68). Въ сущности говоря, вопросъ о „стремленіи частей организма другъ къ другу“ представляетъ собою вопросъ о „проблемѣ жизни“, такъ оживленно обсуждаемый, особенно въ послѣднее время въ наукѣ. Къ сожалѣнію, я не могу здѣсь же войти въ разсмотрѣніе современныхъ ученій по данному вопросу, но, сознавая всю важность его для обсуждаемой мною органической теоріи общества,—я принужденъ еще буду коснуться даннаго вопроса при изложеніи теорій Эспинаса и Вормса, изъ которыхъ въ особенности послѣдній широко использовалъ нео-виталистическое направленіе, почти совершенно не коснувшись въ то-же время тѣхъ серьезныхъ возраженій, которыя это направленіе вызвало въ наукѣ.

Сдѣлавъ это небольшое, но необходимое отступленіе, возвратимся къ указанію еще нѣкоторыхъ различій между обществомъ и организмомъ. Послѣ разсмотрѣнія этихъ различій намъ останется сказать лишь нѣсколько словъ объ исповѣдуемой Спенсеромъ „эволюціонной этикѣ“ и тѣмъ закончить изложеніе и критику отстаиваемой Спенсеромъ органической теоріи строенія общества. Спѣшимъ оговориться, что дальнѣйшее изложеніе наше будетъ по необходимости очень краткимъ, потому что, во первыхъ, настоящій очеркъ посвященъ собственно только органическому ученію Спенсера и одного только Спенсера и потому вопросы, имъ не изслѣдованые, и не должны быть подробно разсмотрѣны въ замѣчаніяхъ, посвященныхъ его ученію и во вторыхъ потому, что со всѣми этими вопросами мы еще встрѣтимся при разсмотрѣніи теорій другихъ органицистовъ, выдвинувшихъ то или иное положеніе въ защиту исповѣдуемаго ученія.

Спенсеръ самъ отмѣтилъ одно изъ серьезныхъ различій между обществомъ и организмомъ, заключающееся въ томъ, что въ то время, какъ организмъ имѣетъ извѣстную форму, общество аморфно. Какъ уже указано выше, Спенсеръ по этому поводу замѣчаетъ, что это различіе сглаживается какъ неопредѣленностью формъ нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, такъ и тѣмъ, болѣе общимъ фактомъ, что внѣшняя форма организмовъ „зависитъ отъ

окружающихъ условій". Мы уже знаемъ, что Н. К. Михайловскій основательно указываетъ на то, что это уже слишкомъ общій фактъ, ибо и внѣшняя форма неорганическихъ тѣлъ точно также зависитъ отъ окружающихъ условій. „Каждый организмъ, состоящій изъ сросшихся клѣточекъ, говоритъ проф. Карѣевъ, имѣетъ необходимо извѣстную видимую форму; общество такой видимой формы не имѣетъ Общество не есть тѣло, которое можно измѣрять по тремъ направленіямъ: вертикальные и горизонтальные его разрѣзы—только фигуральныя выраженія; измѣрять мы можемъ лишь площадь, территорію, занимаемую обществомъ, и тогда фигура общества совпадаетъ съ фигурою занимаемой имъ площади: полкъ солдатъ останется тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, построятъ ли его въ каре, въ шеренги, вытянутъ ли въ линію, или солдаты разбредутся по городу, по цѣлой странѣ и т. д. Общество есть цѣлое, матеріально безформенное, неотграниченное". (*Карѣевъ*. Основные вопросы философіи исторіи. Издан. 1897 г., стр. 278). Буатель указываетъ еще на одну особенность организмовъ, связаную съ симметричностью ихъ—это унаслѣдованіе формы вида всѣми дальнѣйшими поколѣніями. Между тѣмъ какъ общества не имѣютъ постоянной формы—двѣ монархическихъ страны могутъ совершенно не походить одна на другую и въ одной формѣ устройства государства могутъ лежать зародыши другой, совершенно непохожей на прежнюю. (Boistel, Discussion etc. p. 13) Франція нынѣшняго строя произошла изъ старой Франціи, совершенно на нее не похожей, а между тѣмъ это одна и та-же „Франція". Для случая организма появленіе новой формы составляетъ гибридъ, или уродство, для случая общества—это прогрессъ. *)

Никто не станетъ оспаривать, говоритъ проф. Карѣевъ, что общество не имѣетъ *фигуры*... „Если одинъ изъ нашихъ неудавшихся соціологовъ, г. Стронинъ („Политика, какъ наука") придаетъ обществу коническую форму, то вѣдь это только научная аллегорія, причемъ авторъ ея забываетъ, что эти конусы, такъ сказать, въѣзжаютъ одинъ въ другой, т. е. напр., конусъ націо-

*) Сопутствующія историческому развитію человѣчества регрессивныя явленія нисколько не вліяютъ на правильность общаго вывода о политическомъ прогрессѣ обществъ, даже если не считать эти регрессивныя явленія необходимымъ спутникомъ прогресса, какъ это полагаютъ многіе соціологи (напр. Де-Греефъ, Масаръ, Демооръ и Вандервельде).

нальный можетъ входить въ составъ трехъ различныхъ конусовъ, политическихъ, состоящихъ цѣликомъ или частью изъ другихъ національныхъ конусовъ и т д.“ (*Карѣевъ*, Историко-философскіе и соціологическіе этюды, изд. 2, Спб 1899 г., стр. 251). „Если и существуютъ извѣстныя линіи называемыя нами границами, то (не говоря о случаяхъ черезполосности) онѣ отдѣляютъ одно отъ другого не общества, но занимемыя ими территоріи: особь всегда можетъ перешагнуть чрезъ такую линію, не разрывая своихъ связей съ цѣлымъ, изъ котораго удалилась, и завязывая тѣ или другія отношенія съ другими новыми цѣлыми“ (Idem стр 252). Нѣчто подобное попыткѣ г. Стронина сдѣлалъ и другой нашъ соотечественникъ П. Л. Лиліенфельдъ въ своемъ докладѣ о „графическомъ методѣ въ соціологіи“ (Annales de l'Institut International de Sociologie, Tome III, Paris 1897 г., p. p. 33—136. См. таблицы тамъ-же), замѣнивъ конусы кругами. Попытка эта не встрѣтила въ наукѣ ни подражаній, ни отзывовъ. Въ другомъ своемъ трудѣ г. Лиліенфельдъ, касаясь замѣчанія Спенсера о томъ, что организмы, именно организмы высшаго порядка, построены симметрично, говоритъ, что порядокъ и симметрія въ соціальномъ организмѣ опредѣляется не только механическими и химическими факторами, какъ въ біологическихъ организмахъ, но и *психическими* и что въ сущности въ данномъ вопросѣ все заключается не въ различіи по существу дѣла, а по *степени* наличности симметріи (Lilienfeld, Zur Vertheidigung der organischen Methode in der Sociologie, S. 51). По этому поводу замѣтимъ, что различіе въ степени, въ томъ случаѣ, когда ею создается *новое* явленіе, составляетъ и различіе по существу. Вѣдь съ точки зрѣнія монистическаго взгляда Лиліенфельда и между механизмомъ и организмомъ различіе состоитъ лишь въ степени проявленія той единой силы, которая составляетъ основу всего сущаго. А между тѣмъ онъ считаетъ механизмъ и организмъ явленіями различнаго порядка. Съ подобной точки зрѣнія Лиліенфельдъ долженъ былъ бы согласиться съ предложенной Гёкели химическою аналогіей. Гёкели въ самомъ дѣлѣ нашелъ, что если ужъ говорить объ аналогіяхъ, то процессъ общественной организаніи „подлежитъ скорѣе сравненію не съ процессомъ органическаго развитія, а съ химическимъ синтезомъ, посредствомъ котораго независимые элементы постепенно сочетаются въ сложные аггрегаты, гдѣ каждый элементъ сохраняетъ свою независимую индивидуальность, хотя и

остается въ подчиненіи по отношенію къ цѣлому". (См *Фуллье*, Современная общественная наука, перев. съ франц., Москва 1895 г стр. 118—119, примѣч.).

Намъ уже неоднократно приходилось указывать на злоупотребленія органицистами приведеннымъ доводомъ Гдѣ различіе не можетъ быть опровергнуто, тамъ оно сводится не къ различію по существу, а въ степени. По мнѣнію того же Лиліенфельда и различіе между государствомъ (?) животныхъ и государствомъ человѣческимъ составляютъ только разницу въ степени. (Чего? См Lilienfeld, Zur Vertheidigung der Organischen Methode in der Sociologie, Berlin 1898, S, 11, срав. *Новикова*, La Théorie organiqie des sociétés, Annales de l'Institut International de Sociologie, Tome IV, p. 188). Подобные же аргументы можно встрѣтить нерѣдко у Вормса и Изуле. Подобнаго рода аргументы обнаруживаютъ слабость защищаемаго положенія. Возьмемъ примѣръ изъ химіи Если погрузить листъ исписанной чернилами бумаги въ водный растворъ Kali hypermanganicum (марганцово-кислый калій), то почти никакого измѣненія въ бумагѣ и написанныхъ на ней строкахъ не произойдетъ, за исключеніемъ розово-лиловой окраски бумаги. Если такой же листъ бумаги погрузить въ ванну съ растворомъ щавелевой кислоты (Acidum oxalicum), то чернила нѣсколько поблекнутъ и бумага слегка пожелтѣетъ. Далѣе—если въ растворъ марганцовокислаго калія подлить немного раствора щавелевой кислоты, то произойдетъ слабая реакція, которая выразится въ легкомъ измѣненіи цвѣта прежняго раствора. Но если растворъ щавелевой кислоты будетъ прибавленъ къ раствору марганцово-кислаго кали въ достаточномъ количествѣ (разница съ прежнею смѣсью только въ степени, а не по существу), то эффектъ внезапно измѣнится и реакція станетъ весьма разнообразной: жидкость совершенно обезцвѣтится, чернила съ листа бумаги совершенно исчезнутъ и бумага не будетъ имѣть ни розовой, ни желтой окраски. Подобныхъ примѣровъ можно привести много, но и этого, какъ и уже высказанныхъ ранѣе замѣчаній, достаточно, чтобы указанному аргументу Лиліенфельда не придавать никакого значенія.

Лиліенфельдъ, какъ, впрочемъ, и нѣкоторые другіе органицисты (напримѣръ, Фуллье, Изуле) старается ослабить разсматриваемое различіе и съ другой стороны. Онъ указываетъ на то, что и многіе низшіе организмы аморфны и тѣмъ не

менѣе остаются организмами (Lilienfeld, La Théorie Organique des Sociétés, Annales de l'Institut International de Sociologie, Tome IV, p. 217—218). Дѣйствительно многіе организмы изъ класса Protozoa называются аморфными. Такова, напримѣръ, амеба, состоящая изъ студенистой массы и ядра, выпускающая по разнымъ направленіямъ ложноножки и измѣняющая ежесекундно свою внѣшнюю форму. И это простѣйшее существо питается, т. е „избираетъ" въ своей средѣ средства существованія. „Да, говоритъ Изуле, амеба знаетъ, т. е. чувствуетъ ту среду, въ которую она погружена" (Izoulet, La Cité moderne, Paris 1896, p. 18—19). Мы не говоримъ здѣсь о критикѣ виталистическихъ воззрѣній, приписывающихъ простѣйшимъ знаніе, чувство, сознательный выборъ и и т. п. и отсылаемъ интересующихся вопросомъ къ трудамъ Делажа, Бючли, Вагнера, Тимирязева и друг.; мы остановили свое вниманіе лишь на значеніи аморфизма простѣйшихъ организмовъ. Значитъ ли это, что эти организмы совершенно не имѣютъ формы, или не имѣютъ застывшей формы, не измѣняющей своего внѣшняго вида при послѣдовательныхъ и длительныхъ наблюденіяхъ? А это вѣдь не одно и тоже, сколько бы ни говорили о различіи въ степени, а не по существу Съ другой стороны въ буквальномъ смыслѣ аморфнаго нѣтъ ни одного ни существа, ни вещества. Современное состояніе науки установило, что между двумя разнородными жидкостями всегда устанавливается родъ фиктивной упругой перепонки, каковое явленіе и называется поверхностнымъ натяженіемъ. Плотность этой фиктивной перепонки для разныхъ веществъ различна (напр., для ртути, для воды), но тѣмъ не менѣе у всѣхъ живыхъ существъ она на столько упруга, что не дозволяетъ имъ сливаться съ окружающей средой (*Ле-Дантекъ*, Живое вещество. Перев. съ фр. Москва 1898 г. стр. 45 и слѣд.). Движеніе амебы, выпусканіе ею псевдоножекъ не обозначаетъ разлитія ея вещества въ окружающую среду, ибо амеба состоитъ изъ нераздѣльной массы протоплазмы, содержащей одно ядро. Амебу можно разсматривать какъ мѣшокъ, у котораго оболочка состоитъ изъ болѣе плотной жидкости, болѣе отдѣленной отъ воды, чѣмъ содержимое, являющееся жидкостью болѣе текучей, менѣе отдѣлимой отъ воды... Съ указанной выше точки зрѣнія амеба является однородной массой жидкаго вещества, отдѣленнаго отъ воды (сферы—окружающей амебу), очень сильнымъ поверхностнымъ натяженіемъ. Выпуская псевдоподіи, амеба не разливаетъ внутрен-

нюю массу жидкаго вещества, а выпячиваетъ его вмѣстѣ съ прилегающей пленкой поверхностнаго натяженія (*Ле-Дантекъ*, 1 с. стр 53—56 и слѣд).

Такимъ образомъ всѣ возраженія органицистовъ какъ о симметричности общества, такъ и о наличности вполнѣ аморфныхъ существъ—являются несостоятельными, и указанное различіе между организмомъ и обществомъ остается существеннымъ и разрушающимъ аналогію между первымъ и вторымъ.

Противники органической школы выдвигаютъ еще одно возраженіе противъ отождествленія общества съ организмомъ, заключающееся въ томъ, что организмы рождаются и умираютъ, тогда какъ общество въ принципѣ *не подвержено смерти*. „Культурныя группы и соціальныя организаціи не умираютъ, но только развиваются, распадаются на меньшія или объединяются въ большія, измѣняются, входятъ одна въ составъ другой и т. д. Въ случаѣ, представляемомъ всякимъ организмомъ, наука имѣетъ предъ собою полный законченный процессъ развитія отъ первоначальнаго эмбріона до гніющаго трупа Иное дѣло въ соціологіи: конецъ общества намъ неизвѣстенъ, потому что мы еще не имѣли его предъ глазами, и пока совершается біологическій процессъ народженія новыхъ поколѣній, общество живетъ вѣчно, мѣняя только свои культурные признаки и соціальныя формы: въ этой перемѣнѣ и состоитъ исторія, которая *сама по себѣ не заключаетъ условій своего конца*, хотя бы въ смыслѣ наступленія полной неподвижности *)... Люди не разсыпаются въ перстъ, а только въ томъ или другомъ смыслѣ комбинируются новымъ образомъ, а въ другихъ отношеніяхъ продолжаютъ жить старыми традиціями: исчезаетъ традиція политическая, остается національная, религіозная, экономическая, юридическая и т. д. Общества не знаютъ смерти, они подлежатъ только вымиранію и вырожденію расы Различіе между смертью и вымираніемъ громадное: въ организмѣ мы имѣли бы вымираніе, еслибы организмъ постепенно способенъ былъ истощиться до того, что число его клѣточекъ дошло бы до нѣсколькихъ сотенъ, потомъ до нѣсколькихъ десятковъ, наконецъ, до трехъ, двухъ, до одной клѣточки, пока живое цѣлое не сошло бы на нѣтъ. Вымираніе расъ происходитъ не отъ старости, а отъ неблагопріятныхъ условій въ борьбѣ за существованіе.. Въ соціоло-

*) Иное утверждаетъ Спенсеръ, указывая на завершеніе соціальной эволюціи состояніемъ полнаго равновѣсія и покоя

гической природѣ общества нѣтъ никакихъ *задатковъ смерти*, въ біологической природѣ организма они существуютъ Въ „концѣ концовъ“ мы можемъ себѣ представить прекращеніе существованія человѣчества, но не можемъ себѣ представить смерти общества, т. е. такой формы существованія людей, при которой между ними не было бы рѣшительно никакой связи, кромѣ случайныхъ и кратковременныхъ союзовъ мужчинъ съ женщинами и дѣтей съ матерями“ (*Карѣевъ*, Основные вопросы философіи исторіи, стр. 279—281). Изложенныя замѣчанія относятся къ человѣческому обществу in genere; но и относительно разныхъ обществъ in specie можно сдѣлать тѣ-же самыя замѣчанія. Тардъ, кромѣ того, указываетъ, что никто съ точностью или даже съ приближеніемъ въ 1000 лѣтъ, не опредѣлитъ „моментъ смерти“ аѳинской античной національности, или египетской, которую египтологи считаютъ существующей и по нынѣ, (Tarde, Etudes de Psychologie Sociale, Paris 1898, p. 123).

Послѣ приведенныхъ замѣчаній станетъ понятной вся несостоятельность слѣдующихъ положеній одного изъ сильнѣйшихъ представителей органической школы, Лиліенфельда „Соціальныя группы, даже цѣлыя государства въ такой же мѣрѣ подвергуты смерти, какъ и единичные организмы. Истребленіе путемъ войны, исчезновеніе цѣлыхъ народностей вслѣдствіе теллурическихъ катаклизмовъ—составляютъ явленіе соціальной смерти. Такимъ же образомъ возможно постепенное вымираніе какого-либо общества чрезъ болѣзни, дезорганизацію, разслабленіе и т п.—хотя эти состоянія и протекаютъ не въ столь короткое время и не съ такими бросающимися въ глаза симптомами, какъ это случается въ заболѣваніяхъ индивидуальнаго организма, влекущихъ за собою смерть его. Населеніе, потерявшее совершенно сознаніе своего единства, не образуетъ болѣе органическаго союза, а лишь простое явленіе сосѣдскаго существованія (nicht ein organisch es Uebereinander, sondern nur ein Nebeneinander), все равно какъ деревья въ лѣсу. Подобное „общество“ перестало существовать въ качествѣ конкретнаго организма, оно распалось на свои составныя части; оно образуетъ только дискретное коллективное явленіе“. (Lilienfeld, Zur Vertheidigung der Organischen Methode in der Sociologie, S. 50—51).

Какъ видно изъ сопоставленія приведенныхъ нами замѣчаній г. Лилиенфельда съ доводами г.г. Карѣева и Тарда, историче-

ская и логическая правда лежитъ не на сторонѣ отстаиваемыхъ Лиліенфельдомъ положеній. Къ тому же послѣдній имѣетъ въ виду общество in specie и совершенно не говоритъ объ общемъ понятіи общества. Наконецъ, всѣ доводы Лиліенфельда, какъ и другихъ органицистовъ, о смерти человѣческаго общества упускаютъ изъ виду одно существенное обстоятельство: смерть организма неизбѣжна, исчезновеніе общества (in specie), распаденіе *даннаго* общежитія—явленіе случайное и во всякомъ случаѣ не необходимое звѣно жизни. Выше уже были приведены указанія г Карѣева на то, что въ соціологической природѣ общества нѣтъ никакихъ задатковъ смерти, въ то время какъ въ біологической природѣ организма они существуютъ и что „исторія сама въ себѣ не заключаетъ условій своего конца". Еще болѣе опредѣленно въ этомъ смыслѣ выражается проф. Бернэ въ своей „Программѣ курса соціологіи". Изложивъ въ цѣломъ рядѣ статей существующія соціологическія ученія и приведя, въ видѣ отдѣльныхъ положеній, тезисы органической школы, Бернэ замѣчаетъ, что „для общества совершенно не существуетъ естественныхъ условій для наступленія смерти и что соціальная смерть является феноменомъ исключительно *случайнымъ*. Конечно, общество измѣняетъ въ каждое данное время свой составъ и въ этомъ смыслѣ, и то метафорически, можно говорить, что общество ежечасно умираетъ... Но организмы въ самомъ своемъ существованіи носятъ условія смерти, тогда какъ для случая общества подобнаго условія не существуетъ" (M. Bernès, Programme d'un Cours de Sociologie. Revue Internationale de Sociologie 1895 г. № 12, p. 1002—1003). Сравн. однородныя замѣчанія у Адольфа Коста: A. Coste, Les principes d'une Sociologie Objective, Paris 1899, p 46.

Не касаясь въ настоящемъ очеркѣ другихъ различій между обществомъ и организмомъ, такъ какъ эти вопросы будутъ подробно нами обсуждены въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ нашихъ по данному вопросу, связанныхъ съ изложеніемъ и критикой ученій Шеффле, Лиліенфельда, Вормса, Новикова, Греефа и др., въ настоящее время ограничимся указаніемъ на то, что Спенсеръ въ заключительныхъ строкахъ своего труда, посвященнаго изложенію соціальной эволюціи впалъ въ прямое противорѣчіе съ самой основой эволюціоннаго ученія. Съ точки зрѣнія послѣдней, исходящей изъ понятій постоянства энергіи, нѣтъ и не можетъ быть покоя. Эволюція синонимъ вѣчнаго движенія—и тѣмъ не менѣе Спенсеръ при-

ходитъ къ выводу о равновѣсіи и покоѣ будущаго общества, послѣ котораго наступаетъ диссолюція. „Нѣтъ болѣе измѣненій, эволюціи; наступаетъ покой, равновѣсіе, постоянство... И такимъ образомъ Спенсеръ заставляетъ принципъ измѣнчивости, такъ побѣдно имъ установленный, капитулировать предъ принципомъ постоянства!“ (L. Stein Wesen und Aufgabe der Sociologie, S. 26). Что касается диссолюціи или разложенія, то Спенсеръ, не считая его интереснымъ (*Спенсеръ*, Основныя начала, перев. Алексѣева, 1886 г, стр. 243), даетъ лишь краткія объясненія этого явленія. Сущность относящихся сюда объясненій сводится къ тому, что диссолюція состоитъ въ сосредоточіи движенія и сопутственной этому дезинтеграціи матеріи. При этомъ, однако, Спенсеръ не объясняетъ достаточно, въ чемъ заключается интеграція матеріи и въ чемъ—разсѣяніе движенія (Lalande, La Dissolution opposée à l'évolution dans les sciences physiques et morales, Paris 1899 г. p. 19 sq.) и говоритъ объ этихъ явленіяхъ въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ. „Мыслить общими идеями—значитъ не мыслить, а мечтать“ (Lalande, l. c., 21). Тѣмъ не менѣе, ближайшее знакомство съ идеями Спенсера показываетъ, что соціальная диссолюція обозначаетъ гибель всего общества, соціальную смерть. На чемъ, кромѣ апріорныхъ выводовъ, основалъ Спенсеръ подобный прогнозъ будущей судьбы человѣческихъ обществъ,—рѣшительно не видно и должно только удивляться, какъ такой глубокій умъ могъ дойти до выводовъ, заставившихъ многихъ ученыхъ упрекнуть его въ склонности къ метафизикѣ.

Мы не касаемся здѣсь разныхъ слабыхъ сторонъ во всей научной системѣ Спенсера, раскрытыхъ критикой Гёзри, Ренувье, Тенниса, Барта и др., но считаемъ долгомъ указать только на слѣдующую ошибку Спенсера въ отправной точкѣ своихъ разсужденій. Какъ мы знаемъ, исходная точка зрѣнія Спенсера, принятая имъ за трансцедентальный законъ, состоитъ въ положеніи о неустойчивомъ равновѣсіи однороднаго. Мы знаемъ уже критику этого положенія со стороны Михайловскаго и Тарда. Гёзри находитъ это положеніе несостоятельнымъ, ибо однородность предполагаетъ устойчивое равновѣсіе: говорить о неустойчивомъ однородномъ значитъ своеобразно называть „разнородное“. Съ нашей точки зрѣнія, говоритъ Гёзри, неустойчивость однороднаго не можетъ быть выведена какъ заключеніе изъ закона сохраненія энергіи, т. е. изъ постоянства матеріи въ движеніи“. (Guthrie, On

Spenser's Formula of Evolution. London 1879, p. 120. Цитировано у Dubois, Spenser et le principe de la morale, Paris 1899 p. 205). Съ другой стороны и фактически мысль Спенсера объ однородности начала всѣхъ началъ (туманно-облачное состояніе первобытной разсѣянной матеріи) также не вѣрно, ибо первобытная матерія не гомогенна, а гетерогенна, такъ какъ состоитъ изъ значительнаго количества (отъ 70 до 80) элементовъ. Правда, эти элементы находились въ газообразномъ состояніи, что и придавало матеріи *внѣшній* однородный видъ, но тѣмъ не менѣе эволюція отправляется не отъ неустойчиваго однороднаго, а отъ неустойчиваго гетерогеннаго (Dubois, l. c 206). Такимъ образомъ, если Спенсеръ въ большинствѣ правильно раскрылъ процессъ эволюціи (хотя и въ этомъ отношеніи наукой сдѣланы многочисленныя поправки къ Спенсеровой формулѣ), то въ отправной точкѣ зрѣнія своей онъ оказался безусловно неправымъ. А если такъ, то понятая Спенсеромъ (хотя и въ недостаточной полнотѣ) будущая однородность общества не представляетъ собою основъ для неустойчиваго равновѣсія и не представляетъ основанія для обратнаго хода эволюціи, т. е. разложенія.

Прежде, чѣмъ перейти къ логическому слѣдствію только что высказаннаго нами положенія, выяснимъ, для нѣкоторой полноты изложенія, еще одну существенную ошибку въ основныхъ разсужденіяхъ Спенсера.—Нашъ авторъ неоднократно выдвигаетъ положеніе, заключающееся въ томъ, что „характеръ сложнаго тѣла опредѣляется характеромъ составляющихъ его единицъ". По обыкновенію своему, Спенсеръ, высказавъ извѣстное положеніе, начинаетъ доказывать его массами примѣровъ изъ міра неорганическаго и органическаго. Такъ поступаетъ онъ и въ данномъ случаѣ и въ концѣ концовъ приходитъ къ установленію того же положенія только въ обратномъ порядкѣ: „природа единицъ обусловливаетъ извѣстное строеніе аггрегата этихъ единицъ" и „если данъ характеръ единицъ, то характеръ аггрегата, который онѣ составляютъ, уже опредѣленъ впередъ" (*Спенсеръ*, Соціологія, какъ предметъ изученія, перев. съ англ. Спб. 1896 г., стр. 45 и слѣд) Переводчикъ Спенсера довольно глухо замѣчаетъ по поводу приведеннаго положенія, что „суммированіе" соціальныхъ единицъ не тождественно съ суммированіемъ арифметическихъ, механическихъ и т. п однородныхъ единицъ и что требуется, чтобы аггрегатъ былъ поставленъ въ тѣ-же самыя условія, какъ и соста-

вляющія его единицы. Это ограниченіе формулы Спенсера уничтожаетъ все ея значеніе. А между тѣмъ Спенсеръ на ней строитъ почти всѣ выводы индуктивной части своихъ „Основаній Соціологіи", ибо въ опредѣленіи характера соціальнаго аггрегата онъ исходитъ почти исключительно изъ изученія характера примитивнаго человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его жизни. Помимо этого Спенсеръ этимъ же положеніемъ объ опредѣленіи характера цѣлаго характеромъ составляющихъ его единицъ подкрѣпляетъ свой тезисъ о томъ, что общество является организмомъ Это потому, что составляющія его единицы—являются организмами. Профессоръ Теннисъ уже давно указалъ, что это аргументъ сомнительнаго свойства. „Спенсеръ легко разрѣшаетъ вопросъ объ органическомъ характерѣ цѣлаго, состоящаго изъ органическихъ частей. Ну, а въ дѣйствительности, развѣ не можетъ цѣлое, части котораго являются живыми существами, по своему общему характеру равенствовать безжизненной единицѣ? Возьмемъ для примѣра стадо овецъ, которое не размножается само по себѣ. Это цѣлое, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Спенсеръ. И все же это мертвое цѣлое: ему недостаетъ начала самопроизвольнаго движенія и самостоятельности. Это цѣлое является таковымъ черезъ посредство своего хозяина или пастуха, который его образовалъ и который держитъ части его вмѣстѣ, но можетъ ихъ вновь раздѣлить и уничтожить совершенно все цѣлое, не нарушая тѣмъ жизни ни одной изъ составляющихъ это цѣлое частей". (F. Tönnies, Herbert Spenser's Sociologisches Werk.—Philosophische Monatshefte, Band XXV, Heft 1 и 2, Heidelberg 1889, S 70 f.).

Итальянскій ученый Сигеле, приведя указанную формулу Спенсера и тѣ доказательства, изъ коихъ она выведена, ставитъ слѣдующій вопросъ: „Какъ далеко идетъ эта аналогія между характеромъ аггрегата и характеромъ единицъ, его составляющихъ? Неужели никогда не можетъ быть исключенія изъ вышеприведеннаго принципа"? (*С. Сигеле*, Преступная толпа. Спб. 1893 г. стр. 8). Приведя рядъ примѣровъ изъ жизни собранія людей, Сигеле приходитъ къ выводу, что результатъ, данный совокупностью нѣсколькихъ людей, не равенъ тому, который долженъ былъ бы получиться отъ сложенія способностей всѣхъ собравшихся лицъ и что очень часто вышеприведенный принципъ Спенсера оказывается весьма несостоятельнымъ (Idem стр. 13. Срав. Sighele, Psychologie des sectes, Paris 1898, p. 53—54). Путемъ дальнѣйшихъ

разсужденій авторъ приходитъ къ выводу, что принципъ этотъ имѣетъ примѣненіе только къ аггрегату *однородныхъ* частей и, притомъ *органически* между собою связанныхъ (*Сигеле*. Преступная толпа стр. 14—16). Что касается мысли Сигеле о томъ, что формула Спенсера примѣнима лишь къ аггрегату однородныхъ единицъ, то это условіе, въ подобной общей формѣ, какъ само собою разумѣющееся, является совершенно излишнимъ и для доказательства этой великой истины автору не было никакой необходимости ссылаться на невозможность суммированія такихъ разнородныхъ единицъ, какъ человѣкъ, лошадь, рыба и насѣкомое (см. по этому поводу замѣчанія *Л. Е. Оболенскаго* въ статьѣ „Новѣйшая псевдо-наука“, помѣщенной въ Русской Мысли 1893 г. въ № 11, стр. 126 и слѣд). Въ примѣненіи же къ соціологіи это положеніе невѣрно, о чемъ и будетъ сказано ниже. Что же касается второго признака—необходимости органической связи между составляющими аггрегатъ единицами, то Сигеле, собственно говоря, не опредѣляетъ, что разумѣетъ онъ подъ подобною связью. Однако, изъ замѣчанія его, что случайныя собранія людей являются неорганическими (*Сигиле*, l. c., стр. 15), можно придти къ выводу, что подъ органическою связью онъ понимаетъ связь *постоянную*. При этомъ нужно, однако, замѣтить, что всего чрезъ нѣсколько строкъ послѣ указаннаго мѣста Сигеле замѣчаетъ: „чтобы аггрегатъ представлялъ характеръ своихъ составныхъ единицъ, необходимо, чтобы эти единицы находились въ *постоянной и органической* связи между собою“ (Idem стр. 16). Отсюда слѣдуетъ заключить, что Сигеле не отождествляетъ эти два качества, а считаетъ ихъ различными, другъ съ другомъ не совпадающими. Поэтому вопросъ о томъ, что считается органическою связью частей, составляющихъ аггрегатъ, является открытымъ. Если же мы послѣ этого обратимся къ формулѣ Спенсера, то увидимъ, что общество является организмомъ не потому только, что его составныя части живыя существа, а потому еще, что эти части органически между собою связаны. Но это idem per idem и потому подобная формула по меньшей мѣрѣ не научна. Вѣдь для этого нужно еще доказать, что части соціальнаго цѣлаго связаны между собою органически, а это-то и не доказано. Между тѣмъ формула исходитъ изъ этого положенія, какъ изъ тезиса уже доказаннаго. Правда, самъ Спенсеръ, не вводитъ въ свою формулу подобнаго ограниченія (органической связи частей), но безъ него,

какъ это и указано выше, она оказывается не всегда вѣрной, а иногда и прямо ложной. И прежде всего не примѣнима она въ такой категоричности, въ какой формула эта выражена у Спенсера, къ міру соціальныхъ явленій—хотя бы потому, что здѣсь въ одно цѣлое суммируются величины разнородныя, а не однородныя, т. е происходитъ какъ разъ обратное тому, чего требуетъ для справедливости формулы послѣдователь Спенсера, Сигеле Соціальныя группы слагаются изъ однородныхъ величинъ въ смыслѣ антропологическомъ, но въ смыслѣ психическихъ, культурныхъ и т п величинъ „слагаемыя" этихъ группъ крайне разнородны (См. *Оболенскаго* Новѣйшая псевдо-наука стр. 127). Такимъ образомъ, съ какой стороны ни подойти къ тезису Спенсера, что общество есть организмъ и къ обосновывающимъ этотъ тезисъ доводамъ, оказывается, что и самое положеніе и всѣ доказывающія его основанія невѣрны,—нѣкоторыя абсолютно, другія же въ той категоричности, съ какою онѣ Спенсеромъ выведены и въ той неправильности, съ какой положенія, пригодныя для міра неорганическихъ и органическихъ явленій,—примѣнены къ міру явленій соціальныхъ. И это понятно: имѣя дѣло съ индивидуальностями, съ активными живыми существами, мыслящими, познающими, чувствующими, преслѣдующими извѣстныя цѣли,—соціологія не можетъ приравнивать эти существа къ простымъ клѣточкамъ, образующимъ организмъ (Asturaro, La Sociologia, i suoi Metodi e le sue Scoperte, Genova 1897, p. 127) *).

VI

Идеологія Спенсера и его „этика" Заключеніе.

Свой обширный соціологическій трудъ Спенсеръ заканчиваетъ слѣдующимъ заключеніемъ „Если процессъ эволюціи, не прекращавшійся въ прошлые вѣка и вознесшій жизнь на ея настоящую высоту, будетъ продолжаться и въ будущемъ—а этого обязательно слѣдуетъ ожидать,—то человѣческая природа будетъ постепенно совершенствоваться, въ смыслѣ приспособленія къ об-

*) Мы снова и намѣренно опускаемъ изъ предмета изслѣдованія этическій моментъ соціальной жизни Введеніе этого крайне важнаго момента потребовало бы значительнаго расширенія поставленной нами себѣ задачи

щественности... Слѣдуетъ полагать, что и впредь, какъ и въ былыя времена между людьми, типы, наиболѣе пригодные для созданія успѣшно трудящагося общества, будутъ отъ времени до времени выдвигаться и развиваться за счетъ менѣе приспособленныхъ, пока, наконецъ, не возникнетъ вполнѣ приспособленный типъ" (по мнѣнію Спенсера, типъ индустріальнаго характера) „Что относится къ типамъ организмовъ, должно относиться и къ типамъ обществъ. Соціальная эволюція въ будущемъ, какъ и соціальная эволюція въ прошломъ, шагъ за шагомъ вырабатывая высшія общественныя формы, непремѣнно будетъ оставлять нетронутыми многія низшія,—которыя, приспособившись къ суровымъ условіямъ климата и мѣста, будутъ тамъ жить изолированно, соединяясь въ небольшія общины съ простой организаціей, тогда какъ высшія расы займутъ всѣ обширныя пространства, заманчивыя въ смыслѣ климата и плодородія".

Въ концѣ концовъ образуется федерація высшихъ обществъ, которая будетъ заботиться о сохраненіи мира и тогда, можетъ быть, люди дѣйствительно быстро пойдутъ впередъ къ равновѣсію между устройствомъ человѣка и условіями его жизни. „Приспособленіе къ общественности, которому постоянно препятствуютъ антиобщественные конфликты, будетъ совершаться тогда безпрепятственно, и всѣ большія общества, различаясь между собою въ другихъ отношеніяхъ, будутъ сходны въ главныхъ чертахъ, вытекающихъ изъ полнаго *самогосподства единицы*, не чувствующей надъ собой никакого гнета, кромѣ *пассивнаго* вліянія аггрегата. Съ одной стороны, путемъ постояннаго обузданія аггресивныхъ инстиктовъ и упражненія чувствъ, побуждающихъ къ служенію общему благу; съ другой—путемъ отмѣны ограниченій, постепенно ставшихъ ненужными, выработается человѣкъ такого склада, что его личныя желанія будутъ вполнѣ совпадать съ общественными потребностями и, удовлетворяя одни, онъ будетъ удовлетворять и другія".

„Конечнымъ человѣкомъ будетъ такой человѣкъ, личныя требованія и нужды котораго будутъ совпадать съ общественными,—такой, который, самопроизвольно удовлетворяя запросы своей природы, вмѣстѣ съ тѣмъ выполняетъ функціи соціальной единицы, и въ тоже время потому только имѣетъ возможность поступать въ духѣ своей природы, что всѣ остальные дѣлаютъ то-же" (*Спенсеръ*, Основанія Соціологіи „Сочиненія Г. Спенсера" Спб. 1898 года. стр. 706—707).

Въ приведенныхъ строкахъ политическій идеалъ Спенсера и этическая сторона его воззрѣній сквозятъ въ требованіи свободнаго „самогосподства личности, не знающей никакого иного гнета, кромѣ *пассивнаго* вліянія аггрегата“, т. е. государства. Манчестерское „laissez faire, laisser passer“ ясно выдѣляется изъ фона нарисованной Спенсеромъ картины будущаго общества. Идея полнаго невмѣшательства государства въ дѣла и поступки личности и господства „естественнаго права“ Спенсеръ отстаивалъ еще въ первыхъ своихъ трудахъ (Spencer, Social Statics, London 1868, Chapter 5. § 3) и настойчиво защищаетъ въ позднѣйшихъ (См. Spencer, L'Individu contre l'Etat, Paris 1895, p 93 и др. Ср. *Его-же* Основанія нравственности, § 6 и др.) Такимъ же образомъ еще въ „Соціальной Статикѣ“ (вышедшей впервые въ 1850 г.). Спенсеръ отстаиваетъ положеніе, по которому „каждый имѣетъ право свободно развивать всѣ свои способности, по скольку это совмѣстимо съ подобнымъ же свободнымъ правомъ всякаго другаго лица (Spencer, Social Statics, London 1868, p. 94 и друг.) Идею образованія высшихъ расъ, въ которыхъ индивиду будетъ присуще сознаніе тождества частныхъ потребностей съ соціальными, такъ что, удовлетворяя одни, онъ будетъ удовлетворять и другія, Спенсеръ повторяетъ и въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ, отстаивая въ то же время главное свое положеніе объ органической природѣ общества (см. напр. Spenser Les Institutions professionnelles et industrielles, перев Анри де-Вариньи, Парижъ 1898, стр. 74 и слѣд.).

Въ своемъ трудѣ, посвященномъ вопросамъ политики, каковой трудъ многіе критики Спенсера небезъосновательно называютъ памфлетомъ („The man versus the state“. Не имѣя подъ рукою теперь англійскаго оригинала, я пользуюсь французскимъ переводомъ этого сочиненія, сдѣланнаго Гершелемъ. Русскаго перевода всей данной книги Спенсера нѣтъ; переведена только вторая глава: „Грядущее рабство“, С.-Петербургъ 1884 г. Впрочемъ, большая часть этого труда Спенсера изложена г. *Слонимскимъ*. См. его „Основные вопросы политики“, С.-Петербургъ 1889 г.), Спенсеръ, обсуждая современную политическую и законодательную жизнь Западной Европы, утверждаетъ, что парламенты ничѣмъ не отличаются отъ неограниченной власти прежнихъ королей, стремившихся вносить регламентацію во всѣ стороны соціальной и экономической жизни народа. Личная свобода гражданъ, по мнѣнію

его, является въ такой же мѣрѣ стѣсненной, какъ и при старомъ порядкѣ. Либерализмъ превратился въ новый видъ торизма, ибо либеральная партія, боровшаяся прежде противъ мѣропріятій полицейскаго государства, сама теперь требуетъ государственной опеки (Spenser l'Individu contre l'Etat, p p. 6, 21, 22, 23. *Слонимскій*. Основные вопросы политики, стр. 154—155). Спенсеръ отвергаетъ право вмѣшательства парламентовъ въ соціальную и экономическую жизнь народовъ и сводитъ роль государства только на введеніе такихъ мѣропріятій, которыя необходимы для охраны лицъ отъ прямыхъ или косвенныхъ нападеній и отъ нарушенія ихъ свободы со стороны согражданъ. Внѣ этого личность свободна въ своемъ самогосподствѣ, и вмѣшательство государства не должно имѣть мѣста Во второй главѣ того же труда Спенсеръ горячо нападаетъ на вмѣшательство государства въ экономическую и соціальную жизнь страны (напримѣръ, выкупъ жел. дорогъ, обязательное и безплатное для неимущихъ государственное образованіе и т. п.—„Грядущее рабство" Спб. 1884 г стр. 33 –35) и указываетъ на то, что „всякое распространеніе политики правительственнаго вмѣшательства влечетъ за собой увеличеніе числа правительственныхъ агентовъ,—дальнѣйшее развитіе бюрократизма, и все возрастающую власть организаціи, состоящей изъ чиновниковъ" (Idem стр. 37). Спенсеръ указываетъ, что съ этимъ, съ одной стороны, развивается усиленное стремленіе къ карьеризму, а съ другой—ослабляется самодѣятельность общества: привыкая получать помощь отъ государства, уповая на то, что правительство „все сдѣлаетъ", люди „съ каждымъ поколѣніемъ все больше и больше сами теряютъ привычку личными усиліями или усиліями обществъ и товариществъ добиваться желаемаго и все болѣе и болѣе привыкаютъ разсчитывать на помощь правительственныхъ учрежденій, такъ что доходятъ, наконецъ, до того, что на эти учрежденія начинаютъ смотрѣть какъ на единственныя, отъ которыхъ они могутъ ожидать себѣ пользы" (Idem стр. 42). Указывая на все увеличивающійся ростъ „системы административнаго регулированія", могущей дойти до государственнаго соціализма, Спенсеръ называетъ это явленіе грядущимъ рабствомъ и названіе это объясняетъ тѣмъ, что въ сущности свойство раба заключается въ томъ, что онъ принужденъ работать по волѣ другого и что между историческимъ рабствомъ и грядущимъ—разница только въ степени (Idem стр. 52).

Помимо этихъ практическихъ указаній, Спенсеръ нападаетъ и по самому существу на право „административнаго регулированія“ и не находитъ основаній ни для неограниченной власти на подобное вмѣшательство, ни для народнаго представительства. На принципъ послѣдняго онъ нападаетъ главнымъ образомъ потому, что онъ основанъ на началѣ воли большинства (Spencer, L'Idividu contre l'Etat Chap IV и особенно стр. 122 и слѣд.) На чемъ, спрашиваетъ Спенсеръ, основана власть этого большинства? И находитъ, что нѣтъ для нея основаній ни въ договорѣ, ибо договорное происхожденіе народоправствъ не оправдывается исторій, ни существомъ договора, ибо никогда индивидуумъ не могъ заключить условія о подчиненіи его мнѣнію большинства, съ которымъ онъ не согласенъ; ни въ силѣ, ибо отъ этого основанія открещивается само „большинство“; ни, наконецъ, въ предположеніи, что мнѣніе большинства всегда лучше мнѣнія меньшинства, ибо исторія опровергаетъ это предположеніе многочисленными фактами. Одно естественное право, допускающее полное самогосподство личности и пассивную дѣятельность правительства, до огражденія населенія отъ внѣшнихъ нападеній и охраны каждой личности отъ аггресивныхъ стремленій другой—признаетъ Спенсеръ какъ верховный принципъ идеальной соціальной организаціи. (Spenser, l cit, p. 136—137 и др.) Такого рода строй только и можетъ создать условія для развитія индустріальнаго типа людей (Idem p 161) и полнаго разцвѣта эволюціонной этики. Только семейная этика должна руководствоваться принципомъ жалости Что-же касается этики государственной, то въ ней нѣтъ мѣста жалости: она должна руководствоваться однимъ принципомъ воздаянія каждому по заслугамъ его (Срав. *Спенсера.* Основанія Соціологіи, въ собраніи сочиненій, изд. Рубакина; стр. 75—77). По этому поводу проф. Бартъ замѣчаетъ, что „Спенсеръ, кажется, забываетъ не только о томъ, что въ обществѣ дѣйствуютъ другія силы, чѣмъ въ животномъ мірѣ, но также и то обстоятельство, что общество есть организмъ (по его же, Спенсера, утвержденію), что горе или радость одного влечетъ за собою состраданіе или сорадованіе у другихъ, что, однако, было ему вполнѣ ясно въ его „этикѣ“ („Основанія нравственности“ § 78. Barth, Die Philosophie der Geschichte als Sociologie, Leipzig 1897, S 117—118. Русскаго перевода (Спб. 1900 г.) стр 125) Нужно замѣтить, что біологическая школа соціологіи вообще забываетъ о значеніи принципа симпатіи и

совершенно стушевываетъ его предъ принципомъ борьбы за существованіе. Въ этомъ смыслѣ ученые послѣдняго времени внесли существенную поправку въ понятіе „переживанія наиболѣе приспособленныхъ“.

Рѣзкое противорѣчіе Спенсерова идеала съ его же тезисомъ о томъ, что общество является организмомъ, явствуетъ само собою. Впрочемъ, чтобы оправдать мысль о противорѣчіи между Спенсеровымъ либерализмомъ и его органическимъ ученіемъ, приведу образчикъ идеологической послѣдовательности знаменитаго ученаго Эрнеста Геккеля „Горе тѣмъ медузамъ сифонофорной колоніи, говоритъ онъ, которыя, ослѣпленныя эгоизмомъ, захотятъ оторваться отъ своей общины и вести свободную самостоятельную жизнь! Будучи неспособными выполнять всѣ тѣ отдѣльныя работы, которыя нужны для ихъ самосохраненія и которыя онѣ получаютъ отъ различныхъ своихъ согражданъ, онѣ, отдѣлившись отъ послѣднихъ, скоро погибаютъ. Вѣдь одна медуза колоніи можетъ только плавать, вторая—только ощущать, третья—только ѣсть, четвертая—только ловить добычу и отражать непріятелей и т. д Только гармоническое взаимодѣйствіе и взаимная помощь всѣхъ членовъ этого плавающаго товарищества, только общій духъ, *центральная душа* (курсивъ подлинника), которая соединяетъ между собою всѣхъ вѣрной любовью (?), можетъ дать прочность существованію какъ отдѣльной особи, такъ и всего цѣлаго“ (*Геккель*, Клѣточки души и душевныя клѣтки, стр 36—37) ¡ Отстаиваемая Спенсеромъ идея о полномъ самогосподствѣ личности, исповѣдуемый имъ принципъ невмѣшательства государства—все это прямо противоположно полному подчиненію частей организма своему центральному чувствилищу, наличность котораго Спенсеръ отрицаетъ въ обществѣ только въ виду своего политическаго идеала. Здѣсь мы видимъ, какъ одна сторона идеологіи Спенсера мѣшаетъ ему оставаться на почвѣ отстаиваемаго тождества общества съ организмомъ и какъ эта теорія тождества организма и общества мѣшаетъ ему быть послѣдовательнымъ въ выводахъ изъ основныхъ положеній индивидуальной этики и совпаденія потребностей индивидуальныхъ съ соціальными Одна послѣдняя мысль Спенсера могла бы при правильномъ ея развитіи дать столь благотворные результаты, что, при надлежащемъ ея пониманіи со стороны такого вліятельнаго ума, какъ Спенсеръ, мы пришли бы къ концу XIX столѣтія къ болѣе положительнымъ даннымъ въ

дѣлѣ обобществленія поступковъ личности, чѣмъ какими теперь располагаетъ наше время Теперь-же доктрина Спенсера такова, что проф Бартъ совершенно основательно о ней замѣчаетъ, что „едва-ли существуетъ другая соціологическая и этическая система, которая, подобно Спенсеровской, воспользовалась бы такой массой знаній и при этомъ давала бы такъ мало побужденій къ дѣятельности“ (*Бартъ*, Философія исторіи, какъ соціологія Пер. съ нѣм Спб. 1900 г. стр. 135).

Противорѣчіе органическаго взгляда на общество съ тѣмъ политическимъ идеаломъ, который въ нашей литературѣ еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ былъ справедливо названъ буржуазнымъ (*Б. Ленскій*, Послѣднее слово буржуазной философіи Журналъ „Слово“ 1878 г № 12),—заставило нѣкоторыхъ органицистовъ внести поправку въ эту часть ученія Спенсера Въ наиболѣе рѣзкой формѣ это противорѣчіе выражается въ томъ, что даже наиболѣе автократическія общества восточныхъ деспотій не представляли такого сосредоточія волевой силы, какое представляетъ собой случай организма Вотъ по этому-то поводу Я А Новиковъ и замѣчаетъ, что напрасно противники органической школы полагаютъ, что мозгъ пользуется такимъ абсолютнымъ могуществомъ въ отношеніи частей организма Пусть онъ прикажетъ сердцу всегда пульсировать одинаково, пусть онъ предпишетъ легкимъ не подвергаться дѣйствію болѣзнетворныхъ микробовъ, пусть онъ прикажетъ изломанной кости немедленно возстановить свой прежній видъ Напрасно: его приказанія не будутъ исполнены (Novicow, La Théorie organique des Sociétés, Annales de l'Institut International de Sociologie Tome IV, p 173) Поэтому-то г Новиковъ считаетъ соціальнымъ мозгомъ не правительство, а кучку избранниковъ (élite sociale), которая, благодаря своему духовному могуществу, можетъ и должна вырабатывать идеи и чувства соціальнаго аггрегата (Novicow, Conscience et volonté sociales, Paris 1897 p. 22) Не касаясь здѣсь идеала г. Новикова, такъ близко стоящаго въ связи съ органической теоріей строенія общества, мы укажемъ только, что его поправка къ ученію Спенсера является по меньшей мѣрѣ ничего въ дѣло не вносящей Вѣдь и въ соціальной жизни волевой центръ не можетъ давать предписаній невозможныхъ къ исполненію и, если вмѣсто правительства подставить élite sociale, указанную еще Сенъ-Симономъ и О Контомъ, то и имъ вырабатываемыя идеи должны быть фи-

эически исполнимы: иначе „напрасно—приказанія не будутъ исполнены“! Съ другой стороны и сама по себѣ мысль Новикова не абсолютно вѣрна. Медикамъ извѣстно, что, подъ вліяніемъ самовнушенія, возможно измѣненіе пульсаціи сердца; даже нѣкоторыя явленія гипноза могутъ быть объяснены самовнушеніемъ (*А Говсѣевъ*, Симуляція душевныхъ болѣзней. Харьковъ 1894 г., стр. 238 и др) Подъ вліяніемъ эмотивныхъ представленій, напримѣръ, легко „наступаютъ измѣненія дыханія, сердцебіенія, отдѣленіе слезъ, гусиная кожа, разнообразныя сосудодвигательныя измѣненія и т. п.“ (*Говсѣевъ*, 1 с., стр. 241; сравн. данныя этого рода у *Герцена*: Физіологическія бесѣды. Научное Обозр. 1899 г № 11, стр. 2123—2124).

По самому существу задачъ настоящаго очерка мы не могли удѣлить болѣе вниманія практическимъ слѣдствіямъ ученія органической школы строенія общества и государства (конечно, въ данномъ очеркѣ имѣется въ виду одинъ лишь Спенсеръ), но тѣмъ не менѣе эта сторона дѣла намъ кажется выясненной на столько, что мы въ правѣ поддержать тотъ упрекъ школѣ, который высказанъ весьма многими учеными, называющими идеологію органицистовъ буржуазной, деспотической и т п Удивительно послѣ всего сказаннаго, что такой талантливый писатель, какъ проф. Энрико Ферри, нашелъ возможнымъ связать имя Спенсера съ исповѣдуемымъ имъ (Ферри) ученіемъ о соціалистическомъ строѣ будущаго общества Хотя Ферри и самъ замѣчаетъ противорѣчіе многихъ (скажемъ большинства) трудовъ Спенсера съ соціалистическимъ ученіемъ, но это обстоятельство заставляетъ только Ферри назвать послѣдніе труды Спенсера результатомъ „старческой инволюціи“. (Enrico Ferri, Socialisme et Science positive, Paris 1896, p. 98). Однако, самъ Спенсеръ не оставилъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ въ читателяхъ Узнавъ о приписанной ему чести быть среди тѣхъ, которые положили позитивное обоснованіе для признанія идей Маркса и его послѣдователей, Спенсеръ поспѣшилъ написать письмо г. Фіорентини, уполномочивъ его опубликовать это письмо, въ которомъ негодуетъ противъ пріобщенія его имени къ идеямъ соціализма и совершенно справедливо утверждаетъ, что онъ всегда былъ противникомъ этой школы. (Garofalo, La Superstition Socialiste, Paris 1895, Appendice A, p. 289—290). Хотя Ферри и возражаетъ на это письмо, что онъ и не думалъ причислять Спенсера къ числу соціалистовъ, а только

указалъ, что эволюціонное ученіе Спенсера и Дарвина служитъ естественно-научнымъ обоснованіемъ теоріи Маркса (Ferri, l. c., Appendice I, p. 161—164), но по этому поводу можно замѣтить, что, во первыхъ, въ своемъ существѣ послѣдняя теорія сама по себѣ позитивна, а во вторыхъ теорія эволюціи, въ томъ незаконченномъ видѣ, въ какомъ она представлена Спенсеромъ, не можетъ быть поставлена въ связь съ соціализмомъ и наконецъ, въ третьихъ, что біологическая теорія Спенсера уже потому не можетъ служить основой ни для одного изъ соціологическихъ построеній, что соціологія имѣетъ дѣло съ активными личностями, не можетъ игнорировать живой индивидуальности (См. напр. *Обо-ленскаго*, Новѣйшая псевдо-наука, Русск. Мысль 1893 г № 11, стр 139), которая преобразуетъ среду, тогда какъ животное подвержено исключительно дѣйствію послѣдней (*Уордъ*, Психическіе факторы цивилизаціи, Спб. 1897 г., стр. 243). Поэтому и такъ какъ ингредіентомъ соціологіи является человѣческая личность, поставляющая себѣ цѣли и преслѣдующая достиженіе таковыхъ, то объектомъ человѣка является счастіе (*Уордъ*, l c. стр. 69) и потому для общества формула эволюціи измѣняется изъ формулы простого развертыванія слѣдствій въ формулу развитія по пути къ счастью; иначе говоря, въ мірѣ соціальныхъ явленій мы имѣемъ дѣло не съ эволюціей, а съ процессомъ болѣе сложнымъ—съ прогрессомъ, т. е. поступательнымъ движеніемъ общества по пути къ наибольшому счастію составляющихъ его личностей. *)

Собственно говоря, за выясненіемъ, на сколько было возможно въ предѣлахъ задачъ настоящаго очерка, идеологіи Спенсера въ связи съ его органическимъ ученіемъ строенія общества, а стало быть и государства, намъ можно было-бы считать тему исчерпанной, но вопросъ о противорѣчіяхъ во всемъ построеніи научной системы такого выдающагося мыслителя, какъ Спенсеръ, заставляетъ насъ остановиться еще на нѣкоторыхъ недостаткахъ этой системы, подмѣченныхъ научной критикой.

Извѣстный ученый Т Гёксли совершенно основательно замѣчаетъ, что исповѣдуемый Спенсеромъ политическій идеалъ об-

*) Одинаково съ *Ферри* поступаютъ и Бебель, Пирсонъ и Вольтманъ Трудъ Ферри вызвалъ серьезную критику со стороны Каутскаго, а Бебеля—со стороны Циглера См *Мазарика*: Die Philosophischen und Sociologischen Grundlagen des Marxismus, Wien 1899, S 51—52

щества противорѣчитъ біологическимъ фактамъ, которыми Спенсеръ руководствовался. „Каждый мускулъ—говоритъ Гексли,—можетъ, опираясь на эту теорію, отвергнуть всякое право нервной системы вмѣшиваться въ его сокращенія, если только онѣ не мѣшаютъ сокращеніямъ другого мускула, всякая желѣза можетъ утверждать, что она имѣетъ право выдѣлять свою жидкость, лишь бы только этимъ не мѣшала выдѣленіямъ другой желѣзы; всякая клѣточка будетъ вполнѣ свободна преслѣдовать исключительно свои частный интересъ; „laissez faire" —вотъ будетъ имя верховнаго вождя" (Цитировано по *Фуллье* „Современная наука объ обществѣ", перев. съ франц. Москва 1895 г стр. 107) На эти замѣчанія Спенсеръ отвѣтилъ установленіемъ различія между внѣшними и внутренними органами, изъ коихъ для первыхъ необходима централизація, а для вторыхъ самопроизвольность Однако, основаній для такого различія Спенсеръ не привелъ и по существу монистическаго ученія Спенсера такого основанія и быть не можетъ:—и внѣшніе и внутренніе органы все одна и таже матерія, подверженная дѣйствію однихъ и тѣхъ же законовъ Правда, это различіе основано на авторитетѣ историческихъ фактовъ, но для эволюциониста такое эмпирическое основаніе не составляетъ достаточнаго довода, ибо, внѣ опоры на научно-обоснованную необходимость, ничѣмъ не доказана невозможность иного положенія вещей, которому уже не будетъ соотвѣтствовать только что установленное различіе Тогда окажется, что это различіе, не имѣя оправданія въ фактахъ даннаго времени, не будетъ его имѣть и въ существѣ законовъ, установленныхъ Спенсеромъ въ его „Основныхъ Началахъ". Всего сказаннаго совершенно не замѣчаетъ Фуллье, отстаивающій своеобразную теорію общества, какъ договорнаго организма и находящій, что наука должна признать, что человѣческія общества „составляютъ особую группу надъ царствами растительнымъ и животнымъ—*общественное царство*" (*Фуллье*, Совр. наука объ обществѣ, стр. 123) Это отчасти напоминаетъ зоологическую классификацію обществъ Іегера въ его „Руководствѣ Зоологіи", того самаго Іегера, котораго такъ высоко ставитъ проф. Вагнеръ, и къ классификаціи котораго проф. Буатель и Н. К. Михайловскій относятся какъ къ выдумкѣ, заслуживающей только насмѣшки Человѣческое общество оказывается такимъ же организмомъ, какъ и всякая другая біологическая индивидуальность и потому ему должно быть отведено мѣ-

сто въ общей зоологіи, наряду съ другими родами и видами существъ Конечно *родъ* „общества“ классифицируется по видамъ (типамъ), какъ это и полагается въ зоологіи, и устанавливается два вида социальныхъ существъ—децентрализованнаго и централизованнаго общества (кефалическія и акефалическія общества). Фуллье, согласный съ введеніемъ въ естествознаніе особаго „общественнаго царства“, тѣмъ не менѣе сталъ въ тупикъ предъ послѣдовательностью Іегера и не рѣшился почти такъ далеко, какъ этотъ авторитетный въ области естествознанія ученый (См *Фуллье*, l c, стр 141 и слѣд) А между тѣмъ Іегеръ былъ совершенно послѣдователенъ: разъ общество является біологическою индивидуальностью, то оно составляетъ особый родъ существъ и подлежитъ раздѣленію на виды, подвиды, семейства etc.

Возвратимся, однако, къ замѣчаніямъ Гексли. Онъ находитъ, что общество по способу образованія отнюдь не можетъ быть сравниваемо съ организмомъ „Между высшими физіологическими органами, говоритъ онъ, нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы своимъ происхожденіемъ *соединеніе* въ одно сложное цѣлаго множества *первоначально независимыхъ* существованій,—между тѣмъ какъ сущность и происхожденіе всякаго общественнаго организма, простаго и сложнаго, въ томъ и заключается, что каждый изъ членовъ общества добровольно отказывается, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, отъ своей свободы, взамѣнъ выгодъ, ожидаемыхъ отъ другихъ членовъ этого общества“ (Цитировано у *Фуллье*, l. c., стр 118). Вопросу о тождественности общества и организма по ихъ происхожденію посвященъ цѣлый рядъ статей проф Вагнеромъ (*В. А. Вагнеръ*: „Общество и колонія по ихъ происхожденію“, Научн. Обозр 1898 г. № 6, стр. 984 и слѣд „Семья и общественность“ Idem 1898 г № 7, стр. 1139 и сл. „Генезисъ общества“ Idem 1898 г № 9, стр. 1485 и слѣд. и „Государство, какъ біологическая индивидуальность“ Idem № 10, стр. 1715 и слѣд.). Въ настоящемъ очеркѣ мы, однако, не можемъ изслѣдовать этотъ вопросъ, имѣющій свою громадную и серьезную литературу Вопросъ этотъ можетъ и долженъ составить предметъ отдѣльнаго труда, въ которомъ взгляды В. А. Вагнера должны быть сопоставлены съ одной стороны съ ученіями такихъ авторитетовъ, какъ Морганъ, Макъ-Леннанъ, Леббокъ, Тейлоръ, Жиро-Телонъ, Летурно, Постъ, Колеръ, Гелльвальдъ, Вилькенъ, Штейнметцъ, М. Ковалевскій и др., съ другой съ те-

оріями Старке, Вестермарка, Кунова и др Въ настоящемъ же очеркѣ мы останавливаемся на вопросѣ лишь въ общемъ его видѣ и потому считаемъ возможнымъ ограничиться вышеприведеннымъ замѣчаніемъ проф. Томаса Гёкели.

На указанное замѣчаніе Гёкели Фуллье отвѣчаетъ, что „во первыхъ обществу, чтобы быть организмомъ, нѣтъ необходимости развиваться по образцу преимущественно „высшихъ физіологическихъ организмовъ", а не *полиповъ*, напримѣръ, у которыхъ различныя составныя части имѣютъ гораздо большую независимость, чѣмъ клѣточки у позвоночнаго животнаго. Во вторыхъ, что касается до „отреченія индивида отъ своей первоначальной независимости, то такое отреченіе скорѣе составляетъ нравственную сторону человѣческаго общества, какъ таковаго, или то, что завершаетъ его развитіе" и что „рѣдко общества образуются изъ существъ абсолютно независимыхъ, какъ это предполагается въ видахъ отвлеченной теоріи: граждане извѣстнаго государства съ самаго рожденія принадлежатъ уже къ извѣстной организаціи, которую именно они принимаютъ добровольно, но эта организація существовала уже и до этого принятія" (*Фуллье*, Совр. наука объ обществѣ, стр. 118).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что органицисты поступаютъ совершенно неправильно, сравнивая человѣческое общество, помѣщаемое ими же въ самой вершинѣ зоологической лѣстницы, съ существами самаго низшаго порядка, даже изъ класса protozoa. Ту-же ошибку дѣлаетъ и В. А. Вагнеръ, доказывающій путемъ составленной имъ схемы постепеннаго осложненія индивидуальностей, что общество, какъ колонія полиграммъ, должно быть сравниваемо съ колоніями же монограммъ и колоніей организмовъ, а не съ организмомъ или „организмами" монограмъ и полиграммъ (*Вагнеръ* Государство, какъ біологическая индивидуальность. Научн Обозр. 1898 г. № 10, стр. 1720) *) Господа органицисты совершенно при этомъ не замѣчаютъ, что подобнаго рода классификаціонные скачки въ схемѣ „постепеннаго осложненія индиви-

*) Если такимъ же образомъ поступаетъ другой органицистъ, Жульенъ Піожэ (Pioger, La vie sociale, la morale et le progrès. Essai de conception expérimentale. Paris 1894), то это объясняется исключительно политическими воззрѣніями автора, ради оправданія которыхъ онъ и сравниваетъ общества съ низшими организмами. Научныхъ оправданій своихъ взглядовъ авторъ совершенно не приводитъ· единственнымъ основаніемъ подобнаго сравненія служитъ незначительная солидарность

дуальностей“ рѣзко противорѣчатъ той самой теоріи эволюціи, которая служитъ для нихъ основой для построенія всего органическаго ученія о происхожденіи и структурѣ общества. Проф. Буатель совершенно основательно говоритъ слѣдующее. „Органицисты замѣчаютъ, что существуютъ извѣстные организмы, формы которыхъ никогда не являются опредѣленными, напримѣръ полипы (Буатель цитируетъ трудъ Фуллье, который остановилъ на себѣ нынѣ наше вниманіе); а когда ихъ (органицистовъ) немного потормозитъ, они живо спускаются по зоологической лѣстницѣ до губокъ (ссылка на Фуллье „Science Sociale contemporaine“ p. 154)... Какое паденіе для этихъ организмовъ (человѣческихъ обществъ), которые только что были подняты поверхъ всѣхъ остальныхъ и для которыхъ создали въ зоологіи особое царство, высшее всѣхъ трехъ классическихъ царствъ! И это дѣлаютъ тѣ самые авторы, которые утверждаютъ, что природа не дѣлаетъ скачковъ! Но и затѣмъ должно замѣтить, что низшія существа, съ прекращеніемъ прежней матерьяльной связи своихъ частей, перестаютъ быть *однимъ* существомъ (Буатель, очевидно, имѣлъ въ виду, что, съ отдѣленіемъ части отъ сифонофоры, часть и его прежнее цѣлое составляютъ *двѣ* біологическія индивидуальности, ничѣмъ другъ съ другомъ не связанныя), тогда какъ общество (Буатель говоритъ „нація“) остается тѣмъ же единнымъ и тогда, когда многіе члены его разсѣиваются по всей землѣ и даже путешествуютъ по воздуху“ (Boistel, Discussion de la théorie des Sociétés-organismes, Revue générale du droit etc. 1899 г. № 1, p. 13—14). Буатель цитируетъ слѣдующія строки, принадлежащія перу Варейль-Сомьера (Principes fondamentaux du Droit, p. 187):– „Организмъ, который соединяетъ въ себѣ признаки кольчатыхъ (какъ это дѣлаетъ Эспинасъ) и позвоночныхъ, губокъ и млекопитающихъ, миксомицетовъ и человѣка,—не является вовсе организмомъ“. (Boistel, l. c. p 14, примѣчаніе).

Нужно замѣтить, что, хотя г. Вагнеръ и отождествляетъ общество съ организмомъ и защищаетъ на основаніи довольно искусственно построеннаго пріема, въ критическій разборъ коего входить здѣсь не мѣсто, сравненіе человѣческаго общества съ ор-

---

частей низшихъ организмовъ Что удивительнѣе всего, это то, что Лестеръ Уордъ неожиданно приходитъ къ подобному же выводу, стоящему въ прямомъ противорѣчіи со всей его соціологической доктриной (См Lester Ward· Outlines of Sociology, New York 1898, p 61—63)

ганизмами низшаго порядка,—все же не считаетъ возможнымъ отождествлять съ организмомъ политическое общество, т е государство. Возражая въ этомъ отношеніи Вормсу, г Вагнеръ находитъ, что „государство является объектомъ изученія соціологіи и лишь по скольку оно *живетъ*, какъ организмъ, оно представляетъ собою объектъ біологіи,—т. е біологическую индивидуальность", а государство потому является не просто организмомъ, что оно „сверхъ —организмъ" Это „сверхъ" и есть именно то, что въ государствѣ составляетъ объектъ соціологіи". (*Вагнеръ*, Государство, какъ біологическая индивидуальность, стр 1722—1723) Упрекать г. Вагнера въ недостаточно ясномъ представленіи о существѣ юридическаго понятія „государство" не приходится Конечно, г. Вагнеръ понимаетъ, что государство есть то же общество, лишь съ извѣстной стороны разсматриваемое и являющееся таковымъ благодаря наличности извѣстныхъ *юридическихъ* признаковъ, отличающихъ его отъ другихъ видовъ общежитія Это лишь частное примѣненіе высказаннаго еще Савиньи положенія, что право не имѣетъ своего собственнаго существованія, а является лишь жизнію людей, разсматриваемою съ особой точки зрѣнія (Savigny „Vom Beruf unseres Zeit fur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, 3 Auflage, Heidelberg 1840 г. 30). Но за то въ такомъ реалистѣ pur sang, какъ В. А. Вагнеръ, удивительно видѣть совпаденіе взглядовъ съ чистѣйшимъ идеалистомъ проф Зиммелемъ въ томъ отношеніи, что онъ отнимаетъ у объекта соціологіи реальное содержаніе, подставляя вмѣсто него отвлеченное понятіе государства Должно замѣтить, что г. Вагнеръ, вводя въ обсуждаемый предметъ довольно смѣлыя положенія, не считаетъ нужнымъ давать новыя опредѣленія тѣхъ понятій, надъ которыми онъ оперируетъ, а между тѣмъ, при его постановкѣ вопроса объ аналогіи между обществомъ и организмомъ, слѣдовало бы опредѣлить, что-же собственно разумѣетъ авторъ подъ обществомъ и что—подъ понятіемъ ортанизма. Такимъ же образомъ выраженіе, что „государство, по скольку оно *живетъ*, какъ организмъ, является объектомъ біологіи", обязывало г. Вагнера опредѣлить, что такое государство, ибо само по себѣ подобное выраженіе не понятно, или, по крайней мѣрѣ, ничего въ спорномъ тезисѣ не выражаетъ.

Такимъ образомъ поправка, сдѣланная г. Вагнеромъ, нисколько не ослабляетъ приведеннаго выше замѣчанія о невозможности сравненія общества съ организмами низшаго порядка. Что

касается того замѣчанія Фуллье, что отреченіе индивида въ обществѣ отъ своей первоначальной независимости является, во первыхъ, *нравственной* стороной человѣческаго общества, какъ таковаго, и *завершаетъ* его развитіе, а во вторыхъ, рѣдко общества образуются изъ независимыхъ существъ, а, напротивъ, граждане извѣстнаго государства являются съ самаго рожденія членами его, то всѣ эти замѣчанія исторически безусловно невѣрны. Прежде всего это отреченіе не нравственнаго порядка и не завершаетъ развитія общества, а присуще ему съ древнѣйшаго изначала и притомъ скорѣе біологическаго характера. Въ древнѣйшія времена жизни людей до-соціальнаго строя общество не является существующимъ какъ особое явленіе, а лишь какъ *средство* въ борьбѣ за существованіе Вступленіе въ общество въ этотъ періодъ не имѣетъ ничего общаго съ мотивами нравственнаго свойства—это временные союзы защиты или нападенія или добычи средствъ къ существованію. *) Вступленіе въ общество, съ другой стороны, связано всегда съ нѣкоторымъ отреченіемъ отъ абсолютной независимости. Одинъ фактъ избранія для союза вождя, временнаго и имѣющаго значеніе только на время этого союза, уже составляетъ извѣстное ограниченіе своей абсолютной независимости, ибо избраніе вождя на время набѣга связано съ необходимостью подчиненія ему во время таковаго. Такимъ образомъ это отреченіе индивида отъ абсолютной независимости не завершаетъ развитія общества, а начинаетъ циклъ этого развитія Наконецъ, если въ современномъ обществѣ фактъ рожденія въ немъ (Фуллье незамѣтно и искусно подставляетъ здѣсь вмѣсто понятія „общество“ in genere—понятіе государства in specie) составляетъ и начало принадлежности рожденнаго къ общежитію, то нельзя того же сказать о древнѣйшей жизни людей. Въ другомъ трудѣ своемъ („Очерки первобытнаго права“ Спб. 1893 г. стр. 92 и слѣд.) я подробно развилъ то положеніе, что въ примитивномъ обществѣ фактъ рожденія въ группѣ еще самъ по себѣ не велъ eo ipso къ признанію въ рожденномъ правоваго субъекта и что для этого требовалось признаніе личности со стороны даннаго общежитія. Здѣсь не мѣсто касаться вновь этого вопроса и потому мы можемъ только указать, что съ одной стороны фактъ expositionis liberorum, а съ другой обряды постриги и т.

*) Срав *Муромцева*: Соціологическіе очерки. Русск Мысль 1888 г. № 1, стр 1—5 и др

и стоятъ въ видимомъ противорѣчіи съ разсматриваемымъ утвержденіемъ Фуллье, высказаннымъ еще въ свое время другимъ органицистомъ, Блюнчли.

По характеру взятой мною на себя задачи мнѣ бы очень было желательно подробно остановиться на эволюціонной этикѣ Спенсера, получившей въ послѣднее время такое широкое распространеніе, тѣмъ болѣе, что самъ Спенсеръ считалъ этотъ вопросъ важнѣйшимъ въ своемъ ученіи и даже поспѣшилъ выпустить относящіеся къ этому вопросу труды („Основанія нравственности“ и „Справедливость“) прежде окончанія всей своей системы синтетической философіи,—но, къ сожалѣнію, вопросъ этотъ такъ обширенъ, что сколько нибудь подробное его изложеніе и хотя-бы немного детальная критика—должны разростись въ самостоятельный и объемистый трудъ. Поэтому данная часть системы Спенсера будетъ мною изложена на сколько возможно кратко и лишь на сколько это необходимо для выясненія связи этическихъ воззрѣній Спенсера съ его эволюціонной теоріей вообще и въ частности съ его теоріей общества—организма.

Разсматривая нравственность, какъ правила поведенія личности, Спенсеръ сводитъ эволюцію поведенія на явленія эволюціи строеній и отправленій (Основанія нравственности § 3 Имѣется два русскихъ перевода: „Основанія науки о нравственности“ Спб. 1880 г., которымъ мы и пользуемся,—и „Данныя науки о нравственности“ Спб 1880 г., изданіе журнала „Мысль“). Что же касается эволюціи строеній и отправленій, то еще въ „Основныхъ Началахъ“ и въ особенности въ „Основаніяхъ біологіи“ Спенсеръ отстаивалъ мысль, что эта эволюція состоитъ въ наибольшемъ приспособленіи къ условіямъ существованія, т. е. къ жизни. Вслѣдствіе этого понятно, что для Спенсера прогрессъ въ эволюціи поведенія заключается въ болѣе значительномъ и болѣе совершенномъ *приспособленіи дѣйствій къ цѣлямъ*. (*Спенсеръ*, Основанія науки о нравственности, § 4) Подобное приспособленіе споспѣшествуетъ продленію жизни и увеличенію количества ея и выражается это приспособленіе въ такомъ поведеніи, при которомъ каждый преслѣдуетъ свою цѣль, не мѣшая другимъ преслѣдовать ихъ цѣли. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда члены общества помогаютъ другъ другу при преслѣдованіи какихъ-либо цѣлей, поведеніе ихъ вступаетъ въ болѣе высокую фазу эволюціи (Idem § 4, 5 и 6) Такимъ образомъ для Спенсера этика является прежде

всего наукой о личномъ поведеніи, а послѣднее охватываетъ совокупность дѣйствій организма, направленныхъ къ опредѣленной цѣли. Цѣлью же этой является наибольшій объемъ жизни. Въ этомъ смыслѣ развитіе поведенія вполнѣ подпадаетъ общей формулѣ эволюціи съ ея ритмическимъ развертываніемъ постепеннаго увеличенія приспособляемости къ условіямъ существованія. Такимъ образомъ съ этой стороны этика Спенсера можетъ быть названа описательной, ибо она касается того, что было, что есть и будетъ на основаніи общихъ законовъ развитія (номологія), а не того, что должно быть на основаніи постановляемыхъ себѣ личностями цѣлей (деонтологія). Характеръ этики Спенсера (въ изслѣдуемой нынѣ части) не является еще чисто научнымъ, потому что основой ея является фактъ (прошлое, существующее и могущее имѣть мѣсто, согласно условій формулы эволюціи),—это, пожалуй, этика феноменальная, но не позитивная, ибо мораль, по справедливому замѣчанію Гюйо, имѣетъ двѣ стороны: одну физіологическую и психологическую, а другую—собственно этическую, одну—констатирующую феномены, другую—подготовляющую появленіе новыхъ феноменовъ (Guyau, La morale anglaise contemporaine. Имѣется русскій переводъ Цитировано у Dubois: Spenser et le principe de la morale. Paris 1899, p. 215—218).

Возвратимся, однако, къ ученію Спенсера. Имѣя въ виду, что для опредѣленія нравственнаго поведенія необходимъ критеріумъ и что таковымъ является понятіе добра и зла, ибо нравственнымъ мы называемъ *хорошее* поведеніе и, наоборотъ, дурное—безнравственнымъ, Спенсеръ, основываясь на цѣли поведенія—приспособленіи къ наибольшей суммѣ жизни, и имѣя въ виду, что приспособленіе это составляетъ результатъ и цѣль развитія (эволюціи),—приходитъ къ выводу, что поведеніе, называемое хорошимъ, есть сравнительно *болѣе развитое* поведеніе и поведеніе, называемое дурнымъ, есть менѣе развитое поведеніе. (Основаніе науки о нравственности, § 8). Такимъ образомъ вмѣсто понятія хорошаго и дурного подставляются объективные признаки „развитой“ и „менѣе развитой“, безъ обращенія вниманія на то, что фактически эти признаки нерѣдко и не совпадаютъ. Нужно страдать увлеченіемъ эволюціониста, чтобы самая идея о добрѣ ассоціировалась съ понятіемъ развитія. Но этого мало. Объективированіе морали идетъ у Спенсера еще дальше. Поведеніе, называемое хорошимъ (т. е. приспособленнымъ къ жизни), Спенсеръ

считаетъ наилучшимъ, когда оно ведетъ къ наибольшей *полнотѣ жизни* индивида, его потомства и собратьевъ (т. е. другихъ вообще людей). Коснувшись же вопроса о полнотѣ жизни, Спенсеръ неизбѣжно долженъ былъ рѣшить задачу о сущности этого вопроса. Жизнь онъ считаетъ хорошею или дурною, смотря по тому, даетъ-ли она излишекъ *пріятныхъ чувствованій* или нѣтъ. При этомъ качество и свойство этихъ пріятныхъ чувствованій для Спенсера безразлично: удовольствіе какого-бы то ни было существа или существъ, когда-бы то ни было и гдѣ бы то ни было— составляетъ полноту жизни (*Спенсеръ*, Основанія науки о нравственности, § 10, 12, 13, 14, 15 и особенно § 16). Говоря кратко, изложенное ученіе Спенсера сводится къ слѣдующимъ положеніямъ „Поведеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова охватываетъ всѣ приспособленія поступковъ къ цѣлямъ и такимъ образомъ почти совпадаетъ съ совокупностью всѣхъ дѣятельностей; изъ него исключаются только ненамѣренныя дѣятельности. Поступки называются дурными или хорошими, смотря по тому, хорошо или плохо они приспособлены къ своимъ цѣлямъ. Самосохраненіе, достигающее предѣла, когда индивидуальная жизнь развивается возможно больше во всѣхъ направленіяхъ, и сохраненіе вида составляютъ конечную цѣль волевой дѣятельности; развитіе волевой дѣятельности достигаетъ высшей возможной для него ступени, если она осуществляетъ въ одно и то же время *максимумъ жизни* для индивидуума, его потомства и другихъ людей. Однако, содѣйствующее развитію жизни поведеніе мы можемъ назвать хорошимъ только тогда, если оно доставляетъ болѣе наслажденій, чѣмъ страданій“ (*Иберверегъ—Гейнце*, Исторія новой философіи, перев. Колубовскаго, вып. II, Спб. 1899 г., § 88, стр. 700). Спенсеръ самъ постарался не оставить никакого сомнѣнія въ его стремленіи объективировать понятіе добра. Въ письмѣ къ Миллю, помѣщенному въ Основаніяхъ науки о нравственности, онъ заявилъ, ставя точку на і, что добро и зло не могутъ быть случайными факторами, а что они являются „необходимыми слѣдствіями природы вещей“. Въ задачу науки о нравственности, по его мнѣнію, должны войти *дедуктивные выводы изъ законовъ жизни и условій существованія*, и именно выводы о томъ, какіе акты влекутъ за собой счастіе и какіе—вредъ. „Разъ это сдѣлано, нужно признавать эти дедукціи, какъ законы поведенія, и нужно сообразоваться съ ни-

ми, не обращая вниманія на прямую оцѣнку счастья и несчастья". Итакъ, истинное ученіе о нравственности должно быть выведено изъ одного верховнаго закона, а такимъ закономъ Спенсеръ считаетъ законъ жизни, т. е эволюцію. (*Гюйо*, Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. пер Южина. Спб. 1898 г, стр 180—181) Дюбуа совершенно справедливо дѣлаетъ по поводу Спенсеровой эволюціонной этики слѣдующія замѣчанія. По Спенсеру синонимомъ добра является начало приспособленія. Къ чему, однако? Къ условіямъ существованія? т. е., значитъ, къ своей средѣ Но существенную часть послѣдней составляютъ окружающія индивидуумъ личности. Иначе говоря, индивидуумъ приспособляется къ себѣ подобнымъ, а послѣдніе къ нему. Но если это такъ, то въ конечномъ выводѣ это есть приспособленіе къ самому себѣ, ибо субъектъ и существеннѣйшая часть объекта приспособленія и ентичны. Если мысль Спенсера, такова, то въ ней заключается circulus vitiosus Но можетъ быть Спенсеръ разумѣетъ приспособленіе къ соціальному типу, который явится составной частью будущаго общества? Этого Спенсеръ не говоритъ, а, наоборотъ, утверждаетъ, что этотъ типъ явится самъ собою, какъ необходимое послѣдствіе эволюціи жизни. Но, съ другой стороны, приспособленіе къ условіямъ существованія не въ состояніи породить господства альтруизма и такимъ образомъ очевидно, что принципъ Спенсера, достаточный для біологической морали, не достаточенъ для морали соціальной Въ понятіи добра по самой сущности своей содержится понятіе *счастія*, а его-то Спенсеръ и исключаетъ изъ своей формулы. Еще Аристотель различалъ понятіе être отъ bien-être, а Спенсеръ отождествляетъ эти понятія (Dubois, Spenser et le principe de la morale, p p. 227—231). Такая „ариѳметика морали" является послѣдствіемъ того рациональнаго утилитаризма, который отстаивается Спенсеромъ въ отличіе отъ утилитаризма Бена, Милля и друг А между тѣмъ, какъ это указано въ началѣ настоящаго очерка, Спенсеръ самъ прежде называлъ „прогрессомъ" то, что онъ затѣмъ подвелъ подъ общее понятіе эволюціи. Послѣдній терминъ, вполнѣ пригодный для міра неорганическаго и органическаго, является недостаточнымъ для міра соціальнаго: здѣсь его должно смѣнить понятіе прогресса, включающаго въ себѣ принципы морали; тогда какъ эволюція составляетъ данное природы, прогрессъ является даннымъ нравственнаго существованія.

Отождествлять эти два понятія значитъ поступать ненаучно (Dubois, l. c p 246—247).

Мы ограничились приведенными краткими замѣчаніями, такъ какъ вопросы эти отчасти уже разсмотрѣны нами выше и такъ какъ, съ другой стороны, болѣе подробная критика этическихъ воззрѣній Спенсера отвлекла бы насъ слишкомъ далеко отъ непосредственной задачи, преслѣдуемой настоящимъ очеркомъ. Къ тому же намъ еще предстоитъ изложить дальнѣйшіе выводы Спенсера, сдѣланные имъ изъ только что изложенныхъ положеній. Къ этому мы теперь и обращаемся Спенсеръ разсматриваетъ нравственность съ точки зрѣнія физической, біологической, психологической и соціологической Само собою разумѣется, что это все одно и то же явленіе, но только изслѣдуемое съ разныхъ точекъ зрѣнія: это вытекаетъ изъ основного положенія постоянства энергіи. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія нравственность является поведеніемъ, приспособленнымъ къ полнотѣ жизни. Наиболѣе для насъ важная въ данное время соціологическая точка зрѣнія опрѣдѣляетъ нравственность, какъ поведеніе, приспособленное къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ только и возможно явленіе дѣятельностей, при коихъ полная жизнь каждаго совмѣщается съ полною жизнію всѣхъ и даже ведетъ къ ней (*Спенсеръ*, Основ. науки о нравственности § 55). Изъ изложенныхъ нами выше взглядовъ Спенсера мы уже знаемъ, каковы, по его мнѣнію, эти условія

Разсматривая затѣмъ понятія эгоизма и альтруизма и вполнѣ въ этомъ сходясь съ ученіемъ утилитаристовъ, Спенсеръ понимаетъ альтруизмъ не какъ явленіе само по себѣ, а какъ особый видъ эгоизма и вообще придаетъ послѣднему большее значеніе, чѣмъ первому. Отстаивая „раціональный альтруизмъ“, Спенсеръ находитъ, что нравственная эволюція должна заключаться въ очищеніи общества отъ черезчуръ эгоистическихъ индивидовъ и въ то же время условія жизни, приспособленіе къ существованію, должны вести къ постепенному исчезновенію черезчуръ альтруистическихъ индивидовъ, коихъ самопожертвованіе, безцѣльное и напрасное, должно пройти для общества безслѣдно въ его необходимомъ эволюціонномъ шествіи на пути къ достиженію наибольшей полноты жизни. (*Спенсеръ*, Основаніе науки о нравств., § 75). Такимъ образомъ Спенсеръ стоитъ на пути компромисса между чистымъ эгоизмомъ и чистымъ альтруизмомъ И дѣйстви-

тельно онъ прямо заявляетъ о необходимости такого компромисса (Idem § 82) и, критикуя провозглашенный Бентамомъ принципъ „наибольшаго счастія“, доктрины утилитаризма и чистаго альтруизма, выразившіяся въ формулахъ „люби ближняго, какъ самого себя“ и „живи для другихъ“, Спенсеръ, не раздѣляя ни того ни другого принципа, потомучто они включаютъ въ себѣ, по его мнѣнію, внутреннее противорѣчіе (напримѣръ. если всѣ станутъ жить для другихъ, то должны же существовать эти „другіе“ и, стало быть, *они* не будутъ жить для другихъ Такимъ образомъ принципъ не явится всеобщимъ, а въ такомъ случаѣ это и не этическій принципъ),—приходитъ къ вышеуказанному выводу о необходимости сосуществованія явленій альтруизма и эгоизма. (Idem, §§ 83—90) Форма компромисса, по Спенсеру, заключается въ томъ, что общаго счастія слѣдуетъ достигать главнымъ образомъ путемъ преслѣдованія каждымъ своего собственнаго счастія и только отчасти путемъ преслѣдованія счастія общаго, ибо первое уже включаетъ въ себѣ большую часть второго (Idem § 91).

Свою этику Спенсеръ заключаетъ замѣчаніемъ о томъ, что справедливость, формулирующая поведеніе и ограниченія такового, является главнымъ отдѣломъ этики Поэтому Спонсеръ и выдѣлилъ изученіе справедливости въ особый трудъ Что-же касается другого верховнаго принципа абсолютной этики, благотворительности,—то ее Спенсеръ раздѣляетъ на положительную и отрицательную Послѣдняя выражается въ воздержаніи отъ наслажденія въ виду высшихъ интересовъ другой личности, а первая предоставляетъ случаи прямого самопожертвованія

Такимъ образомъ верховными принципами абсолютной этики, по Спенсеру, являются: раціональный эгоизмъ, отрицательная и положительная благотворительность и „справедливость“. Важность послѣдняго принципа понятна сама по себѣ и верховенство его для самаго понятія прогресса давно выдвинуто въ русской наукѣ. (См статью *Лаврова* „Формула прогресса г. Михайловскаго“ въ Отеч Запискахъ 1870 г. кн. 2). Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію ученія Спенсера о справедливости, замѣтимъ, что въ этическихъ формулахъ Спенсера мы не встрѣчаемъ надлежащей постановки основныхъ моментовъ морали, каковы, напримѣръ, понятіе долга, обязанности и т. п. Это, впрочемъ, легко объяснить себѣ, если вспомнить, что, по Спенсеру, этика отличается отъ морали утилитаристовъ тѣмъ, что она „раціональна“. Въ послѣд-

немъ смыслѣ полезное есть ничто иное, какъ *желательное* Но подъ желательнымъ не должно разумѣть ничего произвольнаго, вытекающаго изъ постановки идеала и стремленія къ его достиженію (деонтологія). Желательное, въ свою очередь, есть ничто иное, какъ *необходимое*, т е вытекающее изъ законовъ жизни (*Гюйо*, Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности, стр. 179) Вотъ здѣсь-то, по нашему мнѣнію, и поставлена точка на і. Все вытекающее изъ законовъ жизни—является необходимымъ Закономъ жизни является изложенная Спенсеромъ формула эволюціи А такъ соціальная жизнь подвергнута исключительно дѣйствію этого закона, то органическое (а не организаціонное?) строеніе и развитіе общества является необходимостью, какъ является ею и формула этики. Противъ этого ничего не подѣлаешь и никакая реформаторская дѣятельность не можетъ быть признана раціональной Съ подобной точки зрѣнія становится понятной та идея правительственнаго невмѣшательства, то „laissez faire, laissez passer“, которыя исповѣдуетъ Спенсеръ и которыя въ сущности противорѣчатъ ученію объ обществѣ, какъ объ организмѣ

Справедливость, какъ верховный принципъ этики, разсматривается Спенсеромъ съ эволюціонной точки зрѣнія. „Законъ доческовѣческой справедливости“ состоитъ по Спенсеру въ томъ, что „каждая особь должна получать выгоды и невыгоды отъ своей собственной природы и отъ своего отсюда вытекающаго поведенія“ (*Спенсеръ*, Справедливость. Перев съ англ. подъ редакц. Филиппова Спб 1897 г, § 5, стр 10). Замѣтимъ, что такимъ же образомъ опредѣляется у Спенсера и вообще нравственное поведеніе. Такимъ образомъ формулированное Спенсеромъ, поведеніе нравственное является и поведеніемъ справедливымъ Это составляетъ idem per idem и едва-ли рекомендуетъ эту формулировку съ научной точки зрѣнія. Но вернемся къ дальнѣйшей аргументаціи Спенсера. До-человѣческая справедливость становится все болѣе рѣшительной (?) по мѣрѣ повышенія организаціи (Idem § 7, стр 11). Тоже самое справедливо и для случая человѣческой жизни: и здѣсь „справедливость становится болѣе рѣзко выраженной по мѣрѣ повышенія организаціи“ (Idem § 13) и выгоды совмѣстнаго существованія людей получаютъ возможность осуществляться лишь при условіи, что каждый пользуется результатомъ своей дѣятельности и не долженъ препятствовать другому пользоваться

тѣмъ-же: каждому должно быть воздано по заслугамъ его. Это и составляетъ базисъ справедливости. (Idem § 14) Что касается чувства справедливости, то оно является по существу своему альтруистическимъ, но развилось изъ доальтруистическаго подъ вліяніемъ различныхъ моментовъ: боязни возмездія, боязни неодобренія, боязни наказанія со стороны властей и боязни религіозной кары (Idem § 19, стр 26—27). Но на почвѣ сосуществованія возникаютъ чувства симпатіи, а воспитаніе послѣдняго дѣлаетъ возможнымъ появленіе альтруистическаго чувства справедливости Возникновеніе затѣмъ *идеи* справедливости понятно само собою: она возникаетъ изъ накопленія отдѣльныхъ случаевъ нарушенія справедливости. Изъ этого рода накопленія мало по малу возникаетъ идея о томъ, что для всякой дѣятельности долженъ существовать предѣлъ, за который этой дѣятельности не должно переходить. Вслѣдствіе сего идея справедливости и выражается какъ въ томъ, что каждый имѣетъ право на безпрепятственную дѣятельность, такъ и въ томъ, что эта дѣятельность должна терпѣть единственное ограниченіе въ подобномъ же правѣ другихъ людей Вслѣдствіе этого формула справедливости гласитъ: „каждый можетъ дѣлать все, что хочетъ, предполагая, что онъ не нарушаетъ такой же свободы кого бы то ни было другого“ (Idem, § 27. стр. 39). Эта формула, однако, не защищаетъ нападенія или возмездія, ибо содержащееся въ ней ограниченіе отрицаетъ всякія аггресивныя стремленія и потому, что эти ограниченія вытекаютъ изъ установленнаго уже начала необходимости преслѣдованія полноты жизни. Что касается юридическаго выраженія формулы справедливости, то оно опредѣляется признаніемъ господства началъ „естественнаго права“ (Idem § 32. Срав. сказанное объ этомъ выше) и потому право, въ собственномъ смыслѣ слова, „является слѣдствіемъ изъ закона равенства свободы“ (Idem § 38. стр. 55).

Далѣе Спенсеръ примѣняетъ изложенный принципъ права къ отдѣльнымъ видамъ правовыхъ дисциплинъ. Поэтому право физической неприкосновенности является самоочевиднымъ слѣдствіемъ закона равной свободы всѣхъ и каждаго (Справедливость. § 39, стр. 55) и то-же самое нужно сказать о правѣ свободнаго движенія и перемѣщенія. Что касается права пользованія природною средою, то принципъ равенства свободы всѣхъ и каждаго приводитъ Спенсера къ выводу, высказанному имъ еще на зарѣ его

научной дѣятельности, именно о правѣ пользованія землею на равнѣ съ общимъ правомъ пользованія вообще всею физическою окружающею членовъ общества средою, свѣтомъ, воздухомъ. Поэтому Спенсеръ приходитъ къ выводу о необходимости націонализаціи земли путемъ выкупа и, сходясь съ представителями государственнаго соціализма, впадаетъ въ противорѣчіе съ идеей невмѣшательства государства въ экономическій и соціальный строй жизни гражданъ (см *Спенсера* Справедливость, §§ 49, 50, 51, 52). Что касается права собственности, то, отрицая таковое на имущества недвижимыя, Спенсеръ отстаиваетъ собственность на движимость по принципу воздаянія по заслугамъ. (Idem § 54, 55, 56 и 57, стр. 82—89). Въ неменьшей мѣрѣ и по тому же принципу онъ отстаиваетъ право невещественной собственности: литературной, художественной, музыкальной, права на изобрѣтенія и право на добрую репутацію и охраненіе ея отъ клеветы (Idem § 62, стр. 99—102) Защищаетъ Спенсеръ, все по тому же принципу, и право даренія и завѣщанія, право свободнаго обмѣна (ибо оно можетъ быть, по мнѣнію Спенсера, разсматриваемо, какъ взаимное дареніе—Idem § 69, стр 111—113) и право договорное Касаясь вопроса о промышленности, Спенсеръ нападаетъ на протекціонную систему и отстаиваетъ извѣстныя положенія „laisser faire“ (Idem § 72, стр. 115—118). Такимъ же образомъ Спенсеръ, вполнѣ послѣдовательно, защищаетъ право свободы убѣжденія и культа и право свободы слова и печати (Idem §§ 73—79).

Спенсеръ выдѣляетъ вопросъ о „правѣ женщинъ“ въ виду утверждаемаго всѣми ихъ природнаго неравенства съ мужчинами. Замѣчая по этому поводу, что, еслибы это было и такъ, то тѣмъ менѣе основаній для ограниченія ихъ свободы, и безъ того ограниченной ихъ сравнительной слабостью,—Спенсеръ къ тому же добавляетъ, что многія женщины физически сильнѣе многихъ мужчинъ, а нѣкоторыя женщины одарены умственно не только болѣе многихъ мужчинъ, но даже болѣе большинства таковыхъ. Поэтому съ соціальной точки зрѣнія, по Спенсеру, нѣтъ основанія для ограниченія правъ женщинъ на выборъ ими занятій, профессій и вообще разнаго рода дѣятельности. (Idem § 88). Но инымъ считаетъ Спенсеръ положеніе вопроса послѣ замужества женщины: бракъ налагаетъ извѣстныя ограниченія на свободу женщины. Само собою разумѣется, что эти ограниченія должны лишь вытекать изъ существа брака, но не болѣе. Напримѣръ, право физической

неприкосновенности, право свободы убѣжденія, слова и т п. (Idem § 89, стр 138) должны оставаться неприкосновенными.—Не касаясь здѣсь деталей вопроса, выходящихъ совершенно за рамки поставленной нами себѣ задачи, переходимъ къ Спенсеровскому взгляду на „права дѣтей“. Права эти опредѣляются условіями сохраненія вида, а обязанности дѣтей заключаются въ подчиненности ихъ руководительству со стороны ихъ родителей и т п Попутно Спенсеръ, какъ и всегда, отмѣчаетъ совпаденіе теоріи и практики, т. е. нравственныхъ требованій и политическихъ улучшеній. Прежде, чѣмъ закончить изложеніе разсматриваемаго труда Спенсера, замѣтимъ, что „сохраненіе вида“ заключалось у римлянъ и спартанцевъ, а затѣмъ и у большинства другихъ народовъ эпохи младенческой ихъ культуры въ истребленіи многихъ дѣтей, особенно дѣвочекъ, и въ полномъ уничтоженіи уродовъ (John F. Mc. Lennan, Studies in ancient History, London 1886, p. 74 слѣд. Сравн. указанія въ моихъ „Очеркахъ первобытнаго права“, стр. 95 и слѣд. Сравн. также данныя у Staniland Wake: The Development of Marriage and Kinship, London 1889, p, 74 seq., 140, 157, 168 и др.), а затѣмъ, что совпаденіе нравственныхъ требованій съ „политическими улучшеніями“ вызываетъ вопросъ о факторахъ этого рода улучшеній, а между тѣмъ самую возможность существованія этихъ факторовъ Спенсеръ энергично отрицаетъ въ различныхъ частяхъ своей системы синтетической философіи.

Что касается права государственнаго, то само собою, послѣ всего сказаннаго объ идеяхъ Спенсера, понятно, что онъ не признаетъ за государствомъ никакихъ другихъ правъ и обязанностей, кромѣ обязанности поддерживать справедливость (*Спенсеръ*, Справедливость, § 120, стр. 191). т. е. свободу дѣятельности личности съ признаніемъ ею такой же свободы другихъ личностей и охрану гражданъ отъ внѣшнихъ нападеній, а также отъ аггресивныхъ стремленій своихъ согражданъ. Съ этой только точки зрѣнія Спенсеръ разсматриваетъ и судебныя функціи агентовъ правительственной власти. Что касается законодательства, то оно должно заключаться въ образованіи характера гражданъ, чего, по его мнѣнію, современныя законодательства, не достигаютъ (Idem, §§ 135, 136, стр 215—217) Трудъ свой Спенсеръ заключаетъ указаніемъ на основной законъ жизни органическаго міра, выражающійся въ прямой или косвенной способности организма приспособляться къ условіямъ жизни и оттѣняетъ снова, что, такъ

какъ это законъ природы, то никакое вмѣшательство въ дѣйствіе его не допустимо. (Idem § 140, стр. 221 слѣд.) Въ концѣ концовъ Спенсеръ восклицаетъ: „И вотъ мы, наконецъ, достигаемъ общаго принципа, выраженнаго съ самаго начала . Нельзя достичь прочныхъ результатовъ иначе, какъ согласуясь съ этимъ закономъ. Если можно было бы заставить политикана понять сущность его плановъ, то онъ остолбенѣлъ бы, понявъ свою собственную дерзость“ (*Спенсеръ*, Справедливость, стр. 223)

Не говоря здѣсь о тѣхъ многочисленныхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ въ различныхъ частяхъ всей системы синтетической философіи Спенсера, уже частью отмѣченныхъ нами въ теченіи изложенія настоящаго очерка, укажемъ, что Спенсеръ не напрасно старался предвосхитить упрекъ его теоріи въ апріорности (*Спенсеръ*, Справедливость § 33) и Дюбуа не напрасно предлагаетъ замѣтить эмпиризмъ Спенсера терминомъ „экстеріоризма“, въ виду его влеченія къ разсмотрѣнію лишь *внѣшнихъ* сторонъ вопроса Въ самомъ дѣлѣ Спенсеръ повидимому отрѣшается отъ историческихъ фактовъ. Между тѣмъ исторія соціальнаго прогресса, по справедливому замѣчанію г. Южакова („Соціологическіе этюды“ вып I), была исторіей вытѣсненія естественнаго подбора, лишая постепенно значенія органически наслѣдственныя качества, какъ моменты, рѣшающіе исходъ борьбы за существованіе Аттака „соціальнаго подбора“ (не того, однако, о которомъ говорятъ Лапужъ и Аммонъ) была въ теченіи исторіи человѣчества всегда направляема противъ проявленія животной борьбы за существованія—путемъ стремленія уравновѣсить размноженіе населенія умноженіемъ средствъ. Такимъ образомъ путь развитія общества представляетъ собою не простое развертываніе приспособленія къ условіямъ существованія, а путь преобразованія среды, увеличенія культуры, путь движенія по пути къ идеаламъ, которые, хотя въ теченіи исторіи и мѣнялись, но всегда признавались за синонимъ возможнаго счастія. Отсюда не слѣдуетъ, что послѣднее невозможно, а слѣдуетъ лишь, что человѣчеству еще предстоитъ рѣшить задачу, въ чемъ его счастіе Поэтому-то въ прогрессѣ человѣчества мы видимъ не эволюціонную необходимость, а соціальное и этическое должное, въ смыслѣ сознанія своего долга въ преслѣдованіи конечнаго идеала (См. указанія даннаго рода *Людвига Штейна*: Wesen und Aufgaben der Sociologie, S 30, 34—36) Правда, и Спенсеръ принужденъ признать существованіе чувства долга. но

онъ при этомъ доказываетъ, что это чувство переходное и въ будущемъ, по мѣрѣ возрастанія эволюціонной нравственности, совершенно исчезнетъ, ибо это чувство, при полномъ приспособленіи индивидуумовъ къ соціальному состоянію, окажется излишнимъ (*Спенсеръ*, Основанія науки о нравственности § 46).

Послѣ всего сказаннаго наше заключеніе о всей системѣ Спенсера можетъ быть выражено слѣдующими двумя положеніями, уже высказанными въ наукѣ Въ ученіи Спенсера содержится много цѣнныхъ истинъ, но всѣ онѣ скрываютъ отъ насъ общую правду о сущности строенія общества и процесса его развитія (Дюбуа, Spenser et le principe de la morale p. 273) и громко проповѣдуемый принципъ „laissez faire“ съ его крайнимъ индивидуализмомъ граничитъ съ практической анархіей и потому со стороны общества потребуются титаническія усилія для борьбы съ этимъ глубоко вкоренившимся „предразсудкомъ“ (*Уордъ*, Психическіе факторы цивилизаціи, стр 310)

На сколько эта борьба необходима видно изъ той оцѣнки теоріи Спенсера, которая сдѣлана другимъ органицистомъ, проф Виноградовымъ По его мнѣнію крупную заслугу школы составляетъ окончательный разрывъ съ телеологіей, а равно рѣшимость разъ навсегда покончить со всѣми *пріятными заблужденіями*, со всѣми попытками заставить міръ вертѣться вокругъ человѣка и его стремленій къ счастью, со всякой предвзятой мыслію объ устроеніи хода вещей для окончательнаго удовлетворенія того или другаго предполагаемаго назначенія человѣка (*Виноградовъ*, О прогрессѣ. Москва 1898 года, стр. 39) Прибавимъ къ этому еще слѣдующее Въ рѣчи объ эволюціи и этикѣ знаменитый зоологъ Томасъ Гексли говоритъ между прочимъ слѣдующее. „Космическая эволюція можетъ объяснить намъ, *какъ* возникло добро и зло въ стремленіяхъ человѣка, но она не подвинетъ насъ ни на шагъ въ пониманіи, *почему* то, что мы зовемъ добромъ, заслуживаетъ предпочтенія предъ тѣмъ, что мы называемъ зломъ“. Заблужденіе, присущее „этикѣ эволюціи“, заключается въ убѣжденіи, что, если въ цѣломъ растенія и животныя усовершенствовали свою организацію путемъ борьбы за существованіе и „survival of the fittest“, *) то, слѣдовательно, и человѣкъ, какъ существо этическое,—дол-

*) Переводчикъ, проф Тимирязевъ, намѣренно оставляетъ это выраженіе безъ перевода, ибо иначе онъ предвосхитилъ бы всю дальнѣйшую аргументацію Гексли

женъ прибѣгать къ тому же средству для достиженія совершенства. Я подозрѣваю, говоритъ Гексли, что это заблужденіе возникло изъ двусмыслицы, которая скрывается въ этихъ словахъ „Survival of the fittest“ Fittest звучитъ какъ будто „лучшій“, а со словомъ „лучшій“ связано какое-то моральное представленіе Но въ космосѣ то, что мы называемъ „fittest“ зависитъ отъ условій. Еслибъ на нашемъ полушаріи, напримѣръ, температура снова понизилась, то наиболѣе приспособленными къ жизни оказались бы какіе-нибудь лишайники, діатомовыя и тѣ водоросли, которыя сообщаютъ красный цвѣтъ снѣгу; а если бы, наоборотъ, климатъ сталъ жарче, то долины Темзы и Айзиса стали бы удѣломъ существъ, живущихъ теперь въ джунгляхъ. Какъ наиболѣе приспособленные („fittest“) они пережили бы остальныя существа Люди, конечно, также подвержены этому космическому процессу; среди нихъ также борьба за существованіе имѣетъ значеніе. Но вліяніе этого космическаго процесса на общества сильно лишь при грубой формѣ цивилизаціи. Ростъ послѣдней, соціальный прогрессъ является средствомъ, ограничивающимъ на каждомъ шагу могущество процесса космическаго и выдвигаетъ на смѣну ему другой процессъ, который мы можемъ назвать *этическимъ* Результатомъ этого процесса можетъ оказаться переживаніе не тѣхъ, кто наиболѣе приспособленъ къ общимъ условіямъ существованія, а тѣхъ кто приспособленъ къ условіямъ существованія наилучшаго, въ смыслѣ этическомъ.

Примѣненіе этическихъ правилъ влечетъ за собой образъ дѣйствій, *противный* тому, который обусловливаетъ успѣхъ въ космической борьбѣ за существованіе. Вмѣсто безжалостнаго предъявленія требованій своей личности, эти правила налагаютъ обязанность самообузданія; вмѣсто того, чтобы сметать предъ собою или попирать подъ ногами всякаго соперника, они требуютъ не только уважать своего ближняго но и помогать ему. Они съ негодованіемъ осуждаютъ гладіаторское воззрѣніе на жизнь... Только вслѣдствіе невниманія къ этимъ простѣйшимъ соображеніямъ, нѣкоторые фанатики индивидуализма пытаются въ наше время, по аналогіи, распространить этотъ космическій процессъ на общество. Еще разъ мы присутствуемъ при попыткѣ ложнаго примѣненія завѣта стоиковъ—„слѣдуй природѣ“ Поймемъ разъ навсегда, замѣчаетъ Гексли, „*что этическій прогрессъ общества зависитъ не отъ подражанія космическому процессу*, еще менѣе

отъ уклоненія отъ него, а *отъ борьбы съ нимъ*. Можетъ показаться черезъ-чуръ смѣлымъ (какъ мы выше видѣли, Спенсеръ дѣйствительно называетъ это дерзостью) это приглашеніе человѣка подчинить природу своимъ высшимъ идеаламъ. Но смѣю думать, что главное интеллектуальное преимущество нашего времени предъ древностью лежитъ именно въ пріобрѣтенной нами прочной надеждѣ, что подобная попытка не была бы вполнѣ безуспѣшной Вся исторія цивилизаціи повѣствуетъ намъ о томъ, какъ, шагъ за шагомъ, человѣкъ успѣлъ создать среди космоса свой искусственный міръ. Хотя и хрупкій, по прекрасному выраженію Паскаля, человѣкъ—мыслящій тростникъ. Въ немъ таится запасъ энергіи, по своей разумности на столько сродной съ той, которая разлита во вселенной, что она, очевидно, въ силахъ видоизмѣнить космическій процессъ. Въ силу этой разумности карликъ подчинитъ своей волѣ титана" (*Тимирязевъ*, Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія. Москва 1895 г., стр. 152—157. Сравн. выдержки изъ той же рѣчи въ лекціяхъ *Гексли*: „О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ", перев Березина. Спб. 1897 г. стр 20).

Мы знаемъ, что въ своихъ индивидуалистическихъ воззрѣніяхъ Спенсеръ исходитъ изъ отождествленія общества съ организмомъ. Но нынѣ, послѣ всего изложеннаго въ нашемъ очеркѣ, мы въ правѣ вполнѣ присоединиться къ слѣдующему тезису г. Южакова „Общество и организмъ—это два полюса въ цѣпи живыхъ формъ" (*Южаковъ*, Соціологическіе этюды, выпускъ I, Спб. 1891 г. стр. 14). Общество не организмъ, общество развивается не только подъ вліяніемъ окружающей его среды, но и при непосредственномъ участіи личностей съ ихъ стремленіями къ поставляемымъ себѣ цѣлямъ, общество не просто развивается, а прогрессируетъ; отношенія частей общества покоятся на основѣ взаимной солидарности и отношеній экономическаго свойства, а не исключительно одной *органической* подчиненности (см. *мою* статью „Кое-что изъ соціологической литературы", помѣщенную въ „Днѣпровской Молвѣ" 1898 г. № 8).

Собственно говоря, задача настоящаго очерка должна почитаться законченной за разсмотрѣніемъ всѣхъ входящихъ въ нее вопросовъ. Но, прежде чѣмъ поставить точку, я нахожу весьма полезнымъ сказать нѣсколько словъ о *практическомъ значеніи* соціологіи. Связь этого вопроса съ предметомъ настоящаго очер-

ка понятна само собой и все, что мы по данному предмету скажемъ, можетъ быть разсматриваемо какъ заключеніе изъ существа разсужденій, изложенныхъ въ настоящей работѣ Нужно, впрочемъ, сказать, что въ этомъ отношеніи мы здѣсь повторимъ лишь то, что нами уже было высказано въ печати (см мою статью „Кое-что изъ соціологической латературы“ въ Днѣпровской Молвѣ за 1899 г № 7)

Нерѣдко приходится слышать замѣчанія о томъ, что изученіе соціологіи ни на что не пригодно и ничего не можетъ дать человѣчеству И такого рода замѣчанія дѣлаются не только такими людьми, которые, какъ напримѣръ, Ванъ-деръ-Рестъ, отрицаютъ за соціологіей право на мѣсто въ ряду самостоятельныхъ наукъ, или, какъ Брюнетьеръ, доказываютъ банкротство всей науки вообще,—но и такими, которые признаютъ науку имѣющей значеніе только съ точки зрѣнія практической пользы Вмѣсто того, чтобы тратить время и способности на изученіе и сопоставленіе разныхъ умственныхъ контроверзъ, отдайте свои знанія, силы и способности на служеніе видимымъ потребностямъ человѣчества! Такъ или приблизительно такъ говорятъ многіе и весьма многіе въ современномъ обществѣ Вопросъ о сравнительномъ значеніи для преуспѣянія человѣчества энтомолога, занимающагося изученіемъ строенія тѣла жучка или критической личности, движущей мысль впередъ по пути прогрессивнаго развитія,—вопросъ не новый и трактовался въ свое время съ достаточной полнотой г. Миртовымъ, и тѣмъ не менѣе и теперь приходится считаться если не со всѣмъ вопросомъ, то съ одною его частью, и притомъ частью немаловажной,—вопросомъ объ утилитарномъ значеніи соціологіи. Вопросъ серьезенъ, и мы попробуемъ, вкратцѣ и какъ умѣемъ, отвѣтить на него

Практическое значеніе соціологіи чрезвычайно удачно выражается въ извѣстной формулѣ Огюста Конта: *знать, чтобы предвидѣть*; *предвидѣть, чтобы управлять* (въ сущности это составляетъ развитіе положенія Бэкона—Scientia est potentia, знаніе—сила). Такимъ образомъ знаніе, по Конту, ведетъ къ предвидѣнію не изъ-за простой любознательности, знаніе не только самоцѣль, но и имѣетъ опредѣленное практическое назначеніе—*управлять*. Принципъ научнаго предвидѣнія у Конта „является существеннымъ качествомъ, отличающимъ все то, что имѣтъ право на названіе науки. Вся полезность всякой науки и всякаго знанія за-

ключается въ нашей способности предсказывать, съ помощью ихъ, будущія явленія". (См статью *Лестера Уорда* въ книгѣ „Огюстъ Контъ и Позитивизмъ", изданіе магазина „Книжное Дѣло", Москва 1897 г, стр 281)

Обратимся къ анализу вышеприведенной формулы Конта. Послѣдній членъ этой формулы по Конту, заключающій въ себѣ конечную цѣль знанія, состоитъ въ способности правильнаго управленія. Нельзя, однако, признать удачнымъ терминъ „управлять". Терминъ этотъ согласуется съ идеологіей Конта, по которой соціальные вопросы, вслѣдствіе ихъ чрезвычайной сложности, должны быть удѣломъ небольшого круга избранныхъ умовъ (intelligence d'élite), подготовленныхъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ предварительнымъ и серьезнымъ воспитаніемъ, соединеннымъ съ прямыми занятіями въ направленіи къ данной цѣли. (Rigolage' La Sociologie par Auguste Comte, Paris 1897, p 21 Имѣется русскій переводъ этой книги, изданный въ 1898 г Пангелѣевымъ). Этотъ идеалъ управленія обществомъ небольшимъ кругомъ приспособленныхъ воспитаніемъ и соотвѣтственнымъ образованіемъ умовъ свойственъ не одному Конту И нашъ соотечественникъ г. Новиковъ видитъ въ немъ чувствилище общественнаго организма —сензоріумъ (J. Novicow, Conscience et volonté sociales, Paris 1897). Задачи этого круга соціальныхъ избранниковъ заключаются, по Новикову, въ выработкѣ идей и чувствъ общественнаго аггрегата (Novicow, p. 22) Далѣе, хотя извѣстный ученый Гарофало и не является полнымъ сторонникомъ органической теоріи соціологіи, но и онъ видитъ разрѣшеніе соціальной проблемы въ сосредоточіи управленія въ кругѣ избранниковъ, съ тою лишь разницей противъ ученія Новикова и съ тѣмъ сходствомъ съ идеологіей Конта, что, по Гарофало, этого класса людей еще не существуетъ и что онъ долженъ быть созданъ путемъ искусственнаго подбора. (См Annales de l'Institut International de sociologie, Tome IV, Paris 1898; Garofalo: Le cerveau social et le cerveau individuel, особенно стр. 72—73) Но для употребленія въ упомянутой формулѣ термина „управлять" нужно еще доказать, что сущность историческаго процесса въ немъ и заключается и что въ этомъ процессѣ все сводится къ управленію, предполагающему субъектъ и объектъ управленія, и нѣтъ мѣста *дѣйствію* Къ тому же „управлять" можно и внѣшними силами природы. Не касаясь здѣсь другихъ слабыхъ сторонъ разбираемаго термина, мы,

уже по одной неопредѣленности его съ одной стороны и исключительной опредѣлительности съ другой, находимъ необходимымъ подставить въ разбираемую формулу вмѣсто этого термина другой, болѣе широкій,—„дѣйствовать“.

Итакъ, практическое значеніе соціологіи выражается въ формулѣ: знать, чтобы предвидѣть; предвидѣть, чтобы дѣйствовать. Но во первыхъ можно-ли, а во-вторыхъ нужно-ли дѣйствовать? Отвѣтъ, конечно, возможенъ только при опредѣленіи того, что должно разумѣть въ соціологіи подъ дѣйствіемъ. Такъ какъ соціологія есть наука объ обществѣ, о законахъ его строенія (соціальная статика) и движенія, развитія (соціальная динамика), то само собой разумѣется, что въ данномъ случаѣ можетъ идти рѣчь о дѣйствіи соціальнаго характера. Но зачѣмъ оно? Зачѣмъ и для чего долженъ я дѣйствовать въ упомянутомъ смыслѣ, когда мнѣ и удобнѣе и спокойнѣе живется безъ активнаго вмѣшательства въ ходъ поступательнаго развитія общества? Пусть это дѣлаютъ другіе, кому нравится И развѣ я могу что-либо своими ничтожными поступками измѣнить въ естественномъ ходѣ вещей, который, можетъ быть, и не подлежитъ измѣненіямъ отъ моихъ дѣйствій и отъ дѣйствій моихъ ближнихъ? А если и подлежитъ измѣненіямъ, то я могу быть на этотъ счетъ однихъ убѣжденій, напримѣръ, что нужно идти впередъ, а другой—мой сосѣдъ—скажетъ и будетъ доказывать, что нужно идти назадъ Еще третій отстаиваетъ мысль, что не нужно двигаться съ мѣста и пусть уже не потому что нельзя-де двигаться, а потому, что и такъ хорошо И почему спрашивается, каждый изъ насъ, дѣйствуя особо, принесетъ для общественнаго прогресса пользы менѣе, чѣмъ если мы станемъ дѣйствовать совокупными силами? Или, быть можетъ, соціальное дѣйствіе подобно дѣйствію механическому? Наконецъ, я умѣю учить дѣтей наукамъ и дѣлаю свое дѣло, а мой сосѣдъ умѣетъ врачевать физическіе недуги, а другого дѣла мы не сумѣемъ сдѣлать какъ слѣдуетъ Такъ не лучше-ли совсѣмъ за него не браться?

Такого рода возраженія и замѣчанія, искреннія и притворныя, правильныя и не правильныя, можно продолжать еще далѣе и притомъ въ значительной мѣрѣ. Всѣ эти положенія, высказанныя въ простой формѣ, напоминаютъ цѣлыя теоріи, притомъ обставляемыя яко-бы научнымъ багажемъ Стоитъ, напримѣръ, вспомнить теорію невмѣшательства личнаго начала въ историческій про-

цесъ, теорію самопроизвольнаго развитія общества. Такого рода теоріи высказываются въ соціологіи до сихъ поръ, и это одно уже доказываетъ важное практическое значеніе соціологіи и важность правильнаго рѣшенія вопроса въ самой наукѣ о законахъ строенія и развитія общества (См дѣленіе соціологіи на соціальную статику и динамику: Rigolage, p. 54 и слѣд) И это тѣмъ болѣе, что на ряду съ теоріей безличной эволюціи общества (évolution spontannée) еще Контъ развивалъ теорію вмѣшательства личности въ ходъ общественнаго развитія. Контъ прямо утверждаетъ, что новая наука вызываетъ такое вмѣшательство, ибо она представляетъ соціальныя явленія въ высшей степени доступными перемѣнамъ и что эти перемѣны могутъ быть производимы соотвѣтственно съ указаніями науки. (Rigolage p. 58) Изъ изложеннаго, а равно изъ самой сути многихъ вопросовъ, указанныхъ выше, видно, что отвѣтъ на замѣчаніе, что личность не знаетъ, можетъ-ли она измѣнить что либо въ естественномъ ходѣ вещей, который, можетъ быть, и не подлежитъ измѣненіямъ,—зависитъ отъ разслѣдованія другого вопроса, а именно. по скольку „ходъ вещей“ является дѣйствительно естественнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ фаталенъ, и по скольку возможно воздѣйствіе на этотъ ходъ со стороны личности и, если послѣднее возможно, то должно ли оно быть простымъ конгломератомъ изолированныхъ поступковъ или системой совокупныхъ и въ той или иной мѣрѣ координированныхъ дѣйствій. Разслѣдованіе же означенныхъ вопросовъ составляетъ главнѣйшій предметъ соціологіи, откуда уже самъ собою вытекаетъ выводъ о высокой практической важности этой науки. Если въ окончательномъ выводѣ соціологія приведетъ къ заключенію, что общество развивается внѣ всякаго вмѣшательства личности, если общественная эволюція самопроизвольна (évolution spontannée), то, очевидно практически роль личности въ въ историческомъ процессѣ сводится къ простому приспособленію къ измѣненіямъ среды (понимая послѣдній терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова) и вся активная сторона поступковъ личности сводится къ вѣрному отгадыванію происходящихъ и имѣющихъ *неизбѣжно* произойти измѣненій, чтобы, преслѣдуя свое личное благо, она (личность) во время и въ должномъ направленіи приспособлялась, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, отмиранія. Если таковъ будетъ окончательный выводъ соціологіи, то вся дѣятельность сводится къ тому, чтобы, какъ когда-то говори-

ли, „облегчить роды исторіи“. *) Весьма понятно, что при такомъ положеніи вещей, многія познающія себя личности будутъ безсильно опускать руки и вычеркивать себя изъ среды культурныхъ борцовъ

Такимъ образомъ мы видимъ, что отвѣты на всѣ указанные вопросы какъ и на вопросъ о движеніи впередъ и назадъ, о способѣ приложенія личностью своихъ силъ къ дѣлу соціальнаго движенія, какъ, наконецъ, о разрѣшеніи всего соціальнаго вопроса во всемъ его объемѣ,—зависятъ отъ правильнаго рѣшенія соціологіей сущности историческаго процесса. Будетъ ли сущность этого процесса зависѣть отъ законовъ развитія, установленныхъ біологіей для эволюціи органической, эволюціи, связанной съ идеей о невмѣшательствѣ личности въ естественный ходъ вещей, и вслѣдствіе сего правила поведенія человѣка должны быть сведены къ формулѣ „laissez faire, laissez passer“ какъ въ отношеніи роли личности въ общественной жизни, такъ и государства въ жизни личной; будетъ ли онъ (историч. процессъ) сводиться къ необходимому и неизбѣжному развитію капиталистическаго производства, связаннаго съ освобожденіемъ мелкаго производителя отъ орудій производства, съ концентраціей капиталистическаго производства вплоть до того момента, когда внѣшняя оболочка сконцентрированнаго капитализма лопнетъ сама по себѣ и экспропріирующіе будутъ экспропріированы; будетъ-ли, какъ это полагаетъ Тардъ и его послѣдователи, сущность соціальныхъ законовъ сводится къ изобрѣтеніямъ съ одной стороны и подражаніямъ съ другой, или будутъ-ли соціальныя явленія сведены къ схемѣ повторенія, противодѣйствія и приспособленія (Tarde: La Logique sociale, Paris

*) Вотъ, напримѣръ, современные образчики подобнаго взгляда на роль личности въ исторіи: „Исторія строга и также мало терпитъ непослушаніе такъ называемыхъ великихъ людей (герои Михайловскаго, критическія личности Миртова etc.), какъ и обыкновенныхъ смертныхъ Когда великіе люди идутъ туда, *куда она сама идетъ*, она скромно стушевывается на задній планъ и представляетъ имъ „инициативу“, но стоитъ герою свернуть съ пути, *намѣченному исторіей*, и дѣятельность его оказывается такою же плодотворной, какъ толченіе воды въ ступѣ“ (*Евгеній Соловьевъ*, Семидесятые годы Жизнь 1899 г т VII, стр. 273) Знаніе необходимаго хода исторіи, по мнѣнію г Соловьева, необходимо лишь для того, чтобы приспособиться наилучшимъ, съ точки зрѣнія нашего счастія, образомъ къ этому ходу (Idem стр 286) Г. Соловьевъ не замѣчаетъ, что его взглядъ на исторію, которая „сама идетъ“ и „намѣчаетъ свои пути“, отзывается мистицизмомъ

1895 и Les Lois sociales, Paris 1898),—отъ правильнаго рѣшенія вопроса зависитъ и постановка разрѣшенія проблемы о личномъ поведеніи или, вѣрнѣе говоря, о *возможности* личной активной дѣятельности Мало того: рѣшеніе вопроса соціологіей должно указать и границы активной дѣятельности, если вопросъ о возможности самой дѣятельности будетъ рѣшенъ утвердительно. Каждый политическій дѣятель, говоритъ Контъ, убѣждается на личномъ опытѣ въ существованіи границъ политической дѣятельности, каковыя границы опредѣляются совокупностью соціальныхъ факторовъ. Соціологія именно и дастъ возможность опредѣлить, на сколько возможно точно, эти границы для каждаго даннаго случая (Rigolage: La Sociologie par Auguste Comte, p 66).

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ почти всѣ вопросы, поставленные выше, мы изъ самой сути этихъ вопросовъ пришли къ выводу, что соціологія даетъ почву для разрѣшенія всѣхъ кроющихся въ этихъ вопросахъ сомнѣній. Прежде, нежели перейти къ разсмотрѣнію еще одного изъ приведенныхъ выше возраженій о пользѣ и возможности соціальной дѣятельности, я считаю необходимымъ указать, что въ недавнее время извѣстный профессоръ университета въ Бордо, Дюркгеймъ стремился отдѣлить теоретическія задачи соціологіи отъ практическихъ и притомъ въ интересахъ практики-же Но при этомъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ русскихъ критиковъ Дюркгейма, послѣдній впалъ въ серьезную ошибку при рѣшеніи вопроса о значеніи науки для практики. „Съ помощью науки, говоритъ Дюркгеймъ, мы выдѣлимъ идеалъ изъ дѣйствительности. Изученіе дѣйствительности связано конечно, съ критикой ея, причемъ критеріумомъ служитъ для насъ уже существующій въ насъ идеалъ и потому изученіе дѣйствительности въ состояніи только точнѣе формулировать этотъ идеалъ, но не создать его. Такимъ образомъ изученіе дѣйствительности представляетъ только процессъ *раскрытія* идеала, но отнюдь не его *открытія*; его формулированія, но не его формированія. (См. статью П Ю „Соціологическіе взгляды Дюркгейма“ Русск Богатство 1898 г. кн. 11 стр 99 и слѣд) То-же самое говоритъ Юзовъ (Соціологическіе очерки Основы народничества С-Петербургъ 1882 г.) Карѣевъ (Основные вопросы философіи исторіи, изд. 3, С.-Петербургъ 1897 г. и Сущность Истерическаго процеса и роль личности, въ исторіи, С.-Петербургъ 1890 г.) и многіе другіе (напр. Михайловскій, Миртовъ, В В. и др.).

Только что приведенное замѣчаніе даетъ намъ нить для правильнаго отвѣта на одно изъ сдѣланныхъ замѣчаній о пользѣ и необходимости изученія соціологіи. Замѣчаніе это формулировано такъ: „зачѣмъ и для чего я долженъ дѣйствовать въ упомянутомъ смыслѣ, т е въ смыслѣ соціальномъ, когда мнѣ и удобнѣе и спокойнѣе живется безъ активнаго вмѣшательства въ ходъ поступательнаго развитія общества? Пусть это дѣлаютъ другіе, кому нравится". На это замѣчаніе наука не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта, и поэтому-то въ значительной мѣрѣ правъ г. Карѣевъ, когда говоритъ, что онъ отказывается дать готовый рецептъ общественной дѣятельности, ибо каждый обращается къ этого рода дѣятельности только при наличности готоваго, хотя-бы и не вполнѣ сложившагося идеала (*Карѣевъ*. Мысли о сущности общественной дѣятельности, С.-Петербургъ 1895 г., стр. 32). Если мой идеалъ заключается въ dolce far niente, въ соціальномъ непотизмѣ или въ стремленіи къ личнымъ наслажденіямъ по формулѣ après nous—le deluge,—то, конечно, никакая наука, вопреки мнѣнію Дюркгейма, тутъ не поможетъ и не выработаетъ во мнѣ идеала иного Идеалъ пріобрѣтается путемъ нравственнаго совершенства, а наука можетъ помочь окрѣпнуть возникшему во мнѣ идеалу, а не создать его. Можно помочь, какъ справедливо замѣчаетъ г. Карѣевъ, человѣку въ его исканіи цѣли жизни, въ его стремленіи найти свое жизненное призваніе; это—путь ума, путь изслѣдованія, анализа, критики, путь доказательства и убѣжденія, путь знанія и науки, путь наиболѣе вѣрный и надежный Но дать для другого догматическое опредѣленіе цѣли жизни, если въ этомъ другомъ нѣтъ соотвѣтственнаго стремленія, если въ душѣ его не теплится идеалъ жизни общественной,—значитъ толкать на путь господства смутныхъ чувствованій и неясныхъ стремленій, на путь слѣпой вѣры, на путь ненадежный и зыбкій. (Сравн. *Карѣева*: Мысли о сущности общественной дѣятельности, стр. 30).

И все-же намъ кажется, что и съ этой стороны вопросъ не такъ безнадеженъ въ отношеніи наиболѣе правильнаго его рѣшенія. Такого рода буржуазную и себялюбивую точку зрѣнія должно считать преходящимъ явленіемъ, зависящимъ отъ временныхъ условій жизни. Все болѣе и болѣе расширяющійся кругъ предложеній о томъ или иномъ разрѣшеніи соціальной проблемы служитъ знаменательнымъ доказательствомъ того, что наболѣвшіе соціальные вопросы захватываютъ все большій и большій кругъ

умовъ и мало по малу пробиваютъ толстую броню буржуазнаго безразличія. Такимъ же знаменательнымъ фактомъ является и проникновеніе соціологіи въ юриспруденцію, а равно и то, въ послѣднее время сильно выигрывающее въ наукѣ признаніе, что и біологія, какъ наука, можетъ значительно выиграть отъ изученія ея законовъ путемъ сравненія съ законами соціальной жизни.

Нельзя, однако, не замѣтить, что отмѣченное соціальное безразличіе, въ сущности говоря, стоитъ въ противорѣчіи съ повседневными фактами жизни. Возьмемъ для примѣра активную роль представителей различныхъ классовъ и сословій въ судьбѣ не только своей личной, но и своей общественной группы. Этого рода дѣятельность не всегда совпадаетъ съ расовой борьбой (Гумпловичъ и отчасти Лапужъ), или съ борьбою классовъ за преобладаніе (Лоріа), какъ и не всегда имѣетъ въ основѣ честолюбивый мотивъ карьеризма (ср. *Карѣева*: Мысли о сущн. обществ. дѣятельн. стр. 3), а въ большинствѣ случаевъ отправляется безсознательно (ибо роль личности въ историческомъ процессѣ не всегда сознательная, а въ массѣ состоитъ изъ поступковъ безсознательныхъ, послѣднихъ, конечно. не въ смыслѣ патологическомъ. Ср. *Тарда* „Законы подражанія“, *Карѣева* „Сущность историч. процесса и роль личности въ исторіи“, *Михайловскаго* „Герои и толпа“ и проч.). Наконецъ, даже дѣятельность наиболѣе простая,—стремленіе къ накопленію богатствъ, выходитъ за предѣлы личной жизни, ибо наслажденія этого накопленія ограничиваются смертью субъекта богатствъ, и самое накопленіе переносится на потомство членовъ рода и т. п. Ради чего? Какой личный мотивъ руководилъ моимъ сосѣдомъ, когда онъ, сознавая приближеніе смерти, почелъ своимъ долгомъ завѣщать свои богатства своимъ дѣтямъ, членамъ своего рода или даже на пользу общественную? Развѣ онъ за гробомъ будетъ наслаждаться благомъ этого своего поступка? Вѣдь религія не проповѣдуетъ такого грубаго наслажденія и взамѣнъ его открываетъ намъ доступъ къ благу высшему, духовному.

Такимъ образомъ и въ грубыхъ проявленіяхъ животной жизни проглядываетъ нѣчто большее, нежели стремленіе къ личному наслажденію. Слѣдовательно, съ одной стороны общественный индиферентизмъ стоитъ въ противорѣчіи съ самимъ собою, а съ другой—и въ низшихъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности мы должны видѣть залогъ будущей активной соціальной жизни.

Теперь для насъ становится совершенно понятной приведенная выше формула „знать, чтобы предвидѣть и предвидѣть, чтобы дѣйствовать“.

„Когда суевѣрный народъ ломаетъ голову надъ тѣмъ, что предвѣщаетъ комета, войну или чуму, то это будутъ простые пересуды, говоритъ Гумпловичъ. Чтобы имѣть возможность вести объ этомъ предметѣ научный споръ, необходимы астрономическія знанія, знаніе естества кометъ, ихъ путей и т. п. Разъ произведены необходимыя выкладки съ математическою точностью, можно предсказать будущія появленія кометъ“ (*Гумпловичъ*, Соціологія и политика, стр. 95. Мы цитируемъ по русскому переводу, хотя таковой и не совершененъ и страдаетъ значительными пропусками. Мы пользуемся переводомъ лишь для сокращенія труда). Такимъ же образомъ прежде искали причинъ эпидемій въ отравленіи колодцовъ (только-ли прежде?), а теперь возможно предпринимать раціональныя мѣры ради предупрежденія и удаленія ихъ. Эта возможность появилась благодаря увеличенію знаній. Прогрессъ знаній ведетъ и къ возможности предсказаній погоды, по по крайней мѣрѣ на ближайшіе дни. Такимъ же образомъ прогрессъ знаній долженъ дать возможность политическихъ предвидѣній. „Только опираясь на соціологію, политика станетъ позитивною наукой“ (Idem стр. 97). Съ другой стороны должно замѣтить, что соціальныя предсказанія „никогда не достигнутъ точности астрономическихъ предсказаній, такъ какъ соціологія оперируетъ большими и шаткими аггрегатами, почему время соціальныхъ событій не можетъ быть опредѣлено въ этихъ обычныхъ календарныхъ единицахъ. Въ соціальномъ предвидѣніи *десятки и даже пятидесятилѣтія не имѣютъ значенія*“. Но это „не подрываетъ цѣнности соціальныхъ предсказаній, такъ какъ въ нихъ больше вниманія обращается на направленіе развитія, чѣмъ на время наступленія какого-либо событія“ (Idem. стр. 97—98). Такъ, соціологія не въ состояніи указать, когда именно падетъ послѣдній невольничій рынокъ въ Африкѣ, но это и безразлично въ виду опредѣленности, съ какою соціологія, принявъ во вниманіе всѣ опредѣляющіе соціальные факторы, можетъ съ положительностью вынести убѣжденіе объ уничтоженіи невольничества въ Аффикѣ и Америкѣ. Эта возможность соціальнаго предвидѣнія даетъ, по замѣчанію Гумпловича, неоцѣнимую нравственную силу человѣку, давая опору его нравственному сознанію и увѣренность въ томъ,

что дѣятельность его не останется безплодной. Антитезой такого убѣжденія является извѣстная народная формула „плетью обуха не перешибешь", которая примѣняется нынѣ такъ широко сторонниками соціальнаго квіетизма и примѣняется, какъ видимъ, неправильно Въ соціологіи, напротивъ, капля за каплей и камень точитъ.

Вопросомъ о соотношеніи между соціологій и политикой занимается и извѣстный Рене Вормсъ, написавшій довольно обширное предисловіе къ французскому изданію труда Гумпловича (книга издана впервые на нѣмецкомъ языкѣ). Вормсъ замѣчаетъ, что, по однимъ воззрѣніямъ, политика не имѣетъ ничего общаго съ соціологіей, ибо послѣдняя является исключительно теоріей, а первая касается исключительно дѣйствій; по другимъ взглядамъ соціологія и политика одно и то-же, въ сущности это только два разныхъ проявленія одной и той-же дисциплины. Но соотношеніе между ними въ дѣйствительности опредѣляется взаимоотношеніемъ науки и искусства. Поэтому наука политики (Свавн *Петражицкаго*: Bona fides въ гражд. правѣ. С.-Петербургъ 1897 г.), и соціологія должны предшествовать созданію политики, какъ искусства, и служатъ ей основой. Послѣдняя мысль вѣрна и лучшимъ доказательствомъ ея служитъ слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ современныхъ ученыхъ, Лейпцигскій профессоръ Ратценгоферъ посвятилъ вопросу о политикѣ самостоятельный трактатъ „Wesen und Zweck der Politik", появившійся въ 1893 году. Основой разумной политики Ратценгоферъ считаетъ также науку, но исключительно исторію, повторивъ этимъ извѣстную ошибку Конта, искавшаго оправданія своихъ соціологическихъ (имѣющихъ цѣлью предвидѣнія ради управленія) построеній исключительно въ ссылкахъ на исторію. Упрекъ въ исключительномъ историзмѣ сдѣланъ въ сравнительно недавнее время и г. Карѣеву со стороны Михайловскаго. И вотъ не прошло и пяти лѣтъ, какъ авторъ упомянутаго труда, Ратценгоферъ, заявляетъ, что, хотя политика можетъ быть опредѣляема и какъ самостоятельная наука, именно какъ динамика соціальныхъ силъ, но что тѣмъ не менѣе глубоко-научное обоснованіе политики возможно лишь при посредствѣ познанія соціологіи, (Ratzenhofer: Die sociologische Erkenntnis. Leipzig 1898). Такихъ же взглядовъ придерживаются и многіе другіе изъ современныхъ соціологовъ, напр. Лагрезилль (Vues contemporaines de Sociologie et de Morale Sociale, Paris 1899 p 2),

Дюпра (Science Sociale et Démocratie. Paris 1900 p. 113 sqq.) и въ особенности Фолькмаръ (Leçons d'anthropologie philosophique, Paris 1900, p. 1—2, 94, и 111 и слѣд.)

Русскій соціологъ Б. Львовъ, написавшій интересное изслѣдованіе о соціальномъ законѣ, касается также вопроса о практическомъ значеніи научныхъ выводовъ Разсматривая свободу личности, какъ свободу дѣйствій по опредѣленнымъ законамъ и признавая поэтому не телеологію, а „объективное долженствованіе" (Müssen), авторъ говоритъ: „кто желаетъ побѣдить, тотъ долженъ знать во имя чего онъ идетъ впередъ, и гдѣ находится то, хотя бы отдаленное знаменіе, о которомъ можно сказать „симъ побѣдиши" (*Б. Львовъ*, Соціальный законъ. Прилож къ Научн. Обозрѣнію 1899 г. № 2. стр. 43) Совершенно справедливо, но ошибка автора въ устраненіи этическаго момента очевидна: нужно еще желать идти впередъ; моему нравственному идеалу можетъ претить то самое знаменіе, на которомъ красуется надпись „симъ побѣдиши" и которое составляетъ импульсъ къ движенію впередъ моего сосѣда; онъ рвется впередъ къ этому знаменію, а я, въ виду этого же знаменія, всѣми силами влеку его назадъ. Поведеніе третьихъ лицъ, присутствующихъ при нашей борьбѣ и созерцающихъ „знаменіе" можетъ быть еще инымъ,—безразличнымъ, объективно-буржуазно-созерцательнымъ, ироническимъ и т. п. И такое ихъ и мое поведеніе не исключаетъ нисколько нашего сознанія, что побѣда останется за тѣми, кто руководится выяснившимся знаменіемъ. Пусть я и они объективно не-разумны, но вѣдь и философія „послѣ насъ—хоть потопъ" тоже вѣдь оправдывается историческими фактами. Такимъ образомъ одного „объективнаго долженствованія" недостаточно для соціальной дѣятельности, а необходима и наличность этическаго момента, который уже и составляетъ импульсъ къ дѣйствію; необходимо субъективное долженствованіе или желательная цѣль. Какъ нужно думать, это сознаетъ и г. Львовъ. По крайней мѣрѣ онъ признаетъ законность субъективной оцѣнки соціальныхъ явленій (*Львовъ*, Соціальн. Законъ. Научн. Обозр. 1899 г. № 11, стр. 150—151).

Послѣ всего сказаннаго мы поймемъ всю справедливость замѣчанія Тарда, что соціологія является на столько важной наукой, что необходимо бодро двинуть впередъ ея основательное изученіе и соединить въ одно всѣ разрозненныя развѣтвленія этой еще новой, но уже столь сложной науки. Время не терпитъ! (Tarde: Etudes de Psychologie sociale. Paris 1898, p. 14).

Читатель, конечно, понимаетъ, что сами обстоятельства вынудили меня высказаться не такъ полно по затронутымъ мною вопросамъ, какъ важность и значительность предмета того требуетъ. Нѣкоторые вопросы нами и совсѣмъ не затронуты—напримѣръ, вопросъ о значеніи физической среды въ отношеніи къ роли личности въ исторіи или о значеніи расовыхъ элементовъ, о значеніи національности. (Теорію Лебона и критику ея о значеніи расы см въ статьѣ *Н. К.* „Соціологія человѣка-звѣря“ въ Русскомъ Богатствѣ за 1899 г. кн. 1). Однако, намъ кажется, что, на сколько это было въ нашихъ силахъ, мы въ достаточной мѣрѣ освѣтили практическое значеніе соціологіи.

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ привести слѣд. слова Уорда о школѣ Спенсера „Отъ чисто статическихъ заключеній Гоббеса, Локка и др. школа эта перешла къ пассивно-динамическимъ заключеніямъ, охватывающимъ только перемѣны, производимыя *природой* безъ помощи искусства (recte: безъ активнаго воздѣйствія личности). Настоящая же соціальная наука можетъ быть основана лишь тогда, когда сдѣлаетъ второй шагъ къ активно-динамической точкѣ зрѣнія на соціальныя явленія и признаетъ, что послѣднія подвержены контролю общества и *могутъ быть направлены въ духъ его интересовъ*. Философія эволюціи безплодна потому что она не признаетъ телеологическаго процесса общества“. (Lester Ward, Dynamie Sociology. New-York 1883; цитировано у *П. Николаева*: „Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ“ Москва 1892 г, стр. 12—13. Сравн. Ward Collective telesis, New-York 1897. Помѣщ въ его „Outlines of Sociology“ New-York 1898, стр. 262—293).

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что общество не организмъ; что извѣстныя черты сходства объясняются тѣмъ, что общество представляетъ собой организацію. Организмъ подлежитъ дѣйствію законовъ эволюціи и біологическаго подбора; общество не только развивается, но и прогрессируетъ. Основа существованія организма лежитъ въ законахъ жизни и съ естественной необходимостью установленнаго для организмовъ пути развитія; основа общества лежитъ въ историческихъ традиціяхъ, въ связи психическаго свойства и экономическихъ силъ. Поэтому общество не подвержено необходимому пути развитія, въ смыслѣ необходимаго слѣдствія изъ „данной комбинаціи причинъ“ (Müssen и Sollen). Организмъ подпадаетъ дѣйствію среды и приспособляет-

са къ ней; общество преобразуетъ, въ предѣлахъ физической возможности, среду и имѣетъ возможность вліять на „комбинацію причинъ“. Органическая жизнь подвержена исключительно каузальному принципу, въ жизнь соціальную входитъ принципъ телеологическій. Жизнь соціальная предполагаетъ активное участіе въ ней личности, стремящейся къ счастію, и задача науки состоитъ въ правильномъ раскрытіи того, что должно признать за соціальное счастіе.

При простой эволюціи личность присутствовала бы въ качествѣ безпомощнаго статиста при развертываніи историческихъ дѣйствій по пути къ непреложному Müssen и потому не имѣла бы и никакого нравственнаго долга (Sollen), кромѣ долга, вытекающаго изъ разума, раціональнаго долга,—не вмѣшиваться въ необходимый ходъ вещей, котораго это вмѣшательство все равно не было бы въ состояніи измѣнить.

При прогрессѣ общества личность получаетъ научное обоснованіе своей вѣры въ продуктивность активной роли ея въ историческомъ процессѣ, въ возможность реформъ, постановки идеаловъ, въ необходимость (въ смыслѣ нравственнаго долга) преслѣдованія этихъ идеаловъ, въ возможность практической дѣятельности, въ необходимость координаціи таковыхъ, въ виду неизбѣжной задержки соціальнаго прогресса при безпорядочной дѣятельности личностей каждой за свой счетъ и по своимъ путямъ; въ необходимость поэтому государственнаго вмѣшательства, въ законность реформъ и вообще координированнаго воздѣйствія на соціальную среду.. Весь вопросъ здѣсь лишь въ томъ, чтобы существовала наука, которая давала бы позитивное обоснованіе подобной вѣры, вѣры въ прогрессъ, въ активную роль личности въ ходѣ историческаго процесса и т. п. Велико значеніе такой науки.

Наука эта существуетъ:—это соціологія.

БИБЛІОТЕКА

Печатано по постановленію Совѣта Екатеринославскаго Юридическаго Общества. Предсѣдатель *Патонъ*.
Екатеринославъ, тип Л М Ротенберга.

Важнѣйшія опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать
1	8 свер.	и о связанной	и вопроса о связанной
10	2 „	Jdem	Idem
„	18 „	state	State
11	6 „	того	того:
14	18 „	понятій	понятій:
15	17 сн	Демооръ,	Демооръ
„	18 „	умы,	умы
16	5 св	полѣзными	полезными
17	9 сн.	Сенсеръ	Спенсеръ
19	10 св.	исполнявшаяся	исполнявшаяся
„	9 сн.	рвздѣленію	раздѣленію
21	18 св	284),	284).
„	18 сн.	несходство	несходство,
„	3 „	перваго	перваго,
26	16 „	Спенсеру	Спенсеру,
33	3 св.	Ясно.	Ясно,
38	16 сн.	видимъ	видимъ,
39	5 „	нѣверно	невѣрно
42	5 „	тѣлѣ	тѣлѣ,
43	14 св.	стр, 29	стр. 29
47	6 „	тольио	только
48	6 и 5 сн.	соціальному міру наукъ	соціальнымъ наукамъ
58	4 сн.	Впрочемъ	Впрочемъ,
59	14 св	составляющаго сущность	составляющаго главную сущность
61	5 „	при	при
54	19 сн.	Де-Іреефъ	Де-Греефъ
67	1 „	35—35	35—36
71	1 „	Ouetines	Outlines
72	4 „	1868	1898
83	5 св.	язвѣстныя линіи	извѣстныя линіи,
„	7 „	заниемыя	занимаемыя
84	12 „	organiqie	organique
87	15 „	по нынѣ,	по нынѣ
95	5 „	laisser	laissez
111	6 „	Спб,	Спб.
113	14 сн.	предоставляетъ	представляетъ
115	10 св.	А такъ	А такъ какъ